

Татьяна Акулова-Конецкая

«МЕСТА И ГЛАВЫ ЖИЗНИ ЦЕЛОЙ...»

Воспоминания. Статьи и заметки о близких людях

Испр. и доп., 2026 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Гл. 1. НА АДМИРАЛТЕЙСКОМ КАНАЛЕ И ВОКРУГ НЕГО
ИСТОРИЯ СЕМЬИ

Гл. 2. ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДОМ НА УЛИЦЕ ЛЕНИНА

Гл. 3. НА ШЕСТОМ ЭТАЖЕ НАШЕГО ДОМА

Гл. 4. В ПАМЯТИ И РЯДОМ

ГЛАВА 1

НА АДМИРАЛТЕЙСКОМ КАНАЛЕ И ВОКРУГ НЕГО

«...Моя малая и милейшая родина – Адмиралтейский канал, дом № 9, напротив первого мостика на остров Новая Голландия. Рядом Нева и сумасшедший дом на Пряжке, дом Блока и Ксениевский женский институт для девиц привилегированного сословия, построенный эклектиком Штакеншнейдером... Кабы я родился в другом месте, то был бы иным человеком...»

Виктор Конецкий «Никто пути пройденного у нас не отберёт»

Более тридцати лет Виктор Конецкий прожил в Ленинграде на канале Круштейна, предпочитая называть его историческим именем – Адмиралтейский, и местом своего рождения, – как гражданина и писателя. И умирая повторял: «Была бы возможность, я и теперь, обезноженный, пополз бы на канал, чтобы там умереть...»

«Как моряк, я видел на планете достаточно райских уголков, – говорил Виктор Викторович¹. – И как писатель всегда знал, что Москва обустроена для нашего байки сочиняющего брата лучше

¹ Город, в котором вы хотели бы жить : [ответ на вопрос газ.] / записал Ю. Соколов // Известия (моск. вып.). – 1998. – 20 февр. – С. 7. – (Монолог на один абзац).

некуда. Но я родился в Ленинграде на берегу Адмиралтейского канала, напротив острова Новая Голландия. Здесь встретил 1942 год студнем из столярного клея. От набережной Лейтенанта Шмидта я первый раз ушёл в моря и сюда вернулся после последнего арктического рейса. И я всегда твёрдо знал, что никогда и ни при каких обстоятельствах не покину могил Смоленского кладбища и Пискарёвки. А значит, я живу там, где хотел и хочу жить».

Доходный дом № 9 на Адмиралтейском канале, в котором жила семья Конецких, был построен в 1879 году архитекторами Василием Кенелем² и Э. В. Гольдбергом. Дом принадлежал поляку Станиславу Антоновичу Ольшевскому³.

Память в последние годы жизни всё чаще и чаще возвращала Виктора Викторовича на Адмиралтейский канал, в любимый дом. Он вспоминал прощание с отцом Виктором Андреевичем, — он лежал в прокурорском мундире в маленькой комнатке их коммунальной квартиры... И наводнение в октябре 1955 года, задевшее канал (Виктор только-только вернулся с перегона МРСов из Петропавловска-Камчатского)⁴... И мать Любовь Дмитриевну, встречающую его из рейса на набережной мятежного лейтенанта Шмидта... И, конечно, офицерскую форму, что пошили ему в военной мастерской в Новой Голландии, её тюрьму-«бутылку» для нерадивых матросов и первые книги, написанные им в доме на канале...

Я долго не могла понять, каким образом после войны все Конецкие в квартире на канале умещались: одна большая комната принадлежала соседям, другая — Любви Дмитриевне и её сыновьям Олегу и Виктору (парни в 1945-м стали курсантами и домой приходили редко), в третьей, совсем маленькой комнатушке, жил отец Виктор Андреевич с гражданской женой Надиной Бернгардовной Зальтуп (Конецкий часто говорил, что «это было “весёлое” житьё для матери», которую отец давным-давно оставил...).

² *Кенель Василий Александрович* (1834 – 1893) – архитектор; в 1877 г. по его проекту построен первый в Петербурге стационарный цирк – цирк Гаэтано Чинизелли.

³ *Ольшевский Станислав Антонович* (6 января 1852 – 15 июля 1898) – российский подданный; инженер, один из создателей методов дуговой (и контактной) сварки.

⁴ Наводнение 15 октября 1955 г., когда синоптики смогли спрогнозировать высокий подъём уровня воды, а Гидрометеослужба Северо-Запада за семь часов до наводнения рассчитать подъём уровня с точностью до 30 см. Таким образом стало возможным в дальнейшем прогнозировать наводнения.

Оказалось, была ещё одна комнатка – после капремонта дома в начале 1960-х годов её превратили в ванную.

После окончания военно-морского училища в 1952 году Виктор отправился служить на Северный флот, его старший брат Олег женился и привёл свою жену Ирину Пестрякову в дом на канал; летом 1953 года у них родилась старшая дочь Марьяна⁵. Виктор Андреевич внучку не увидел, он умер в декабре 1952-го.

Ирина вспоминала, как Виктор приехал в свой первый военно-морской отпуск: «...Ночью, сидя на холодной (включив все газовые конфорки для согревания) кухне он начал писать свои произведения. Писать в другом месте и в другое время было невозможно. В большой комнате жили мы [с Олегом], в меньшей – Надина, а в тёмной, где сейчас ванна, жила Л[юбовь] Д[митриевна] и на раскладушке, занимавшей всё свободное место, спал будущий писатель <...> В коридоре холодно очень, в кухне и того больше. Из-под дверей дует, на наружной стене в углу комнаты выступала даже плесень, что всячески отрицалось Л[юбовью] Д[митриевной] несмотря на очевидность»⁶.

К зиме 1953-го комната Надины тоже перешла в распоряжение Любви Дмитриевны. Из воспоминаний Ирины Пестряковой: «...Надина на старости лет вышла замуж за старинного её и Виктора Андреевича друга. Вышла дабы уехать из этой квартиры и получить наконец собственную комнату. [Свою] комнату она потеряла во время войны, но это уже другая история».

Через несколько лет эта «отцовская» комната стала писательским кабинетом Олега.

«Я много лет прожил в тридцати шагах от острова Новая Голландия, но не ступал на него ногой, – рассказывал, вспоминая свои курсантские годы, Виктор Конецкий⁷. – Там были самые разные склады. Как всё запретное, остров дразнил мальчишеское воображение. На земляных откосах канала цвела пышная

⁵ В письме с Северного флота Виктор просил, чтобы племянницу назвали Мариной. Он часто вспоминал М. Цветаеву:

*Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская... (1920 г.)*

⁶ Из воспоминаний И. В. Пестряковой, жены О. В. Базунова (рукопись хранится в семейном архиве Базуновых).

⁷ «Вокруг да около Святой Елены» (в кн. «Морские сны»).

сирень. Возле самой воды по весне вспыхивали первые жёлтые одуванчики. Между тополями виднелось таинственное здание бывшей морской тюрьмы, круглое, красного кирпича, с маленькими тюремными окошками-бойницами. Мать рассказывала, там сидели революционные матросы. В семнадцатом матросы брали Новую Голландию штурмом – там засели юнкера. Мать говорила, матросы шли на штурм ночью, с факелами; в нашу квартиру залетела пуля. Возможно, это семейная легенда – романтизм в семействе наличествует явно.

Многие годы к тайнам Новой Голландии, к сирени и одуванчикам было не пробиться: часовые, проволока, огромные глухие ворота.

И вот осенью сорок пятого, в белой брезентовой робе и бескозырке без ленточки – салага, – я на полutorке въехал в мир детских тайн за продуктами. Мы грузили, спуская по деревянным сходням из старинных складов мешки с мукой и ящики с комбизиром. И я уже оттуда смотрел на близкие окна родного дома. К ним с Новой Голландии было так же невозможно добраться, как раньше сюда. Диалектика...»

Адмиралтейский канал был обустроен ещё при Петре Великом, и прорыт он был для того, чтобы проводить по нему корабельный лес, сушить затем его на широких берегах и отправлять в Адмиралтейство. Позднее, при Анне Иоанновне, в начале 1730-х годов, когда Сенат указал, что драгоценный дубовый корабельный лес надо хранить в сараях, канал продолжили до Мойки – так образовался остров Новая Голландия, на котором были построены деревянные сараи на сваях, заменённые позднее каменными.

Историческое имя Адмиралтейскому каналу вернули в 1991 году, и я помню радость по этому поводу Конечского.

О Круштейне Карле Яковлевиче⁸, имя которого канал носил с 1922-го по 1991-й год, мы с Виктором Викторовичем не говорили.

Круштейн начинал трудовой путь столяром-краснодеревщиком завода Беккета в Эстляндии, а погиб – комиссаром Главного гидрографического управления и Главного управления мореплавания⁹ в Петрограде.

⁸ Круштейн Карл Яковлевич (29 января 1887 – 3 ноября 1921) – революционер, моряк-балтиец.

⁹ РГАВМФ. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 402. Л. 1–2.

Карл Яковлевич, вероятно, был революционным романтиком: во время Февральской революции, моряком линкора «Андрей Первозванный» на Балтфлоте, он уверовал не в первого последовавшего за Христом, не с Богом воссоединился, а с теми, кто отстаивал равенство и братство на земле и не ждал за это никаких посмертных наград.

Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз –
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и Дальний Кавказ.
На врагов, на собак – на богатых,
И на злого вампира – царя.
Бей, губи их, злодеев проклятых,
Засветись, лучшей жизни заря...¹⁰

...К. Я. Круштейн утонул в Крюковом канале¹¹, напротив Новой Голландии. Сперва всплыл его портфель, затем нашли и тело пламенного революционера. Нелепая смерть для балтийского матроса... Считается, что Карл Круштейн был убит эсерами, но документальных подтверждений этому до сих пор не найдено.

После его гибели супруга Вильгельмина Гансовна оказалась без средств к существованию и искала «место сторожихи» – на руках остались сын девяти лет, и две дочери от пяти до семи лет¹².

Один из товарищей К. Я. Круштейна, П. Байков, писал о нём: «...Без преувеличения можно сказать, что гидрография [в те годы] спаслась от развала и справлялась со своей работой только и исключительно благодаря настойчивости тов. Круштейна»¹³. Он отмечал, что Карл Яковлевич, плохо говоривший по-русски, «никогда и никому не стеснялся высказывать в глаза любую правду, как бы она и ни была неприятна».

После смерти мужа В. Г. Круштейн получила персональную пенсию за него, об этом хлопотали друзья «безупречно честного и добросовестного К. Я. Круштейна».

Сын комиссара Артур умер в блокадном Ленинграде в январе 1942-го, пережив свою мать всего на месяц. Дочь – Элеонора

¹⁰ «Рабочая Марсельеза».

¹¹ [Памяти товарища] / подп. И. Байков // Красный Флот. – 1922. – № 1. – С. 28. Источник: РГАВМФ. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 199. Л. 169.

¹² РГАВМФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 862. Л. 27–28.

¹³ Красный Флот. – 1922. – № 1. – С. 28.

Карловна¹⁴ находилась всю войну в Ленинграде, работала в Библиотеке Академии наук, начальником библиотеки Дома офицеров; она вышла на пенсию за два года до смерти в должности заведующей главным читальным залом БАН¹⁵. Судьба ещё одной дочери Карла Яковлевича неизвестна (вероятно, умерла в детстве).

Судьбой Круштейна Виктор Викторович интересовался (сужу об этом, в т. ч. и по пометам, сделанным им в ряде книг¹⁶).

Похоронен борец с мировым империализмом Карл Круштейн в сквере Николо-Богоявленского морского собора. Этот факт вызвал у Конецкого недоумение. Но, быть может, узнав о том, что дети и жена Круштейна «иногда не имели достаточно хлеба, ходили чуть ли не в лохмотьях, а он никогда не позволял себе больше того, что ему полагалось по закону»¹⁷, Виктор Викторович и не судил бы тех, кто выбрал столь странное для его погребения место. Впрочем, Николо-Богоявленский собор был полковым храмом Гвардейского экипажа, и первые захоронения появились рядом с ним в 1917 году¹⁸ и поддерживались экипажем, покуда в марте 1918-го он не был расформирован.

Своих друзей, приезжавших из других городов, Виктор Викторович неизменно приводил на набережную Адмиралтейского канала и подводил к своему дому № 9. Уже пятое поколение нашей семьи живёт на Адмиралтейском канале в той же квартире на третьем этаже дома.

После смерти Виктора Викторовича я познакомилась с его соседом, по дому на канале, и он рассказывал, как они с Викой (так будущего писателя звали родные и близкие друзья), свесив-

¹⁴ *Суворова (урожд. Круштейн) Элеонора Карловна* (24 октября 1916 – 1974) – библиотекарь; житель блокадного Ленинграда; награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

¹⁵ Комарова О. А. *Семья Круштейнов в Петербурге* / О. А. Комарова // *Наука и библиотека : сборник научных трудов* / отв. ред. Н. В. Колпакова ; [БРАН]. – Санкт-Петербург : БАН, 2020. – Вып. 1. – С. 183–188. – (Серия: Летопись Библиотеки Академии наук).

¹⁶ В т. ч. в кн.: Горбачевич К., Хабло Е. *Эстонский коммунист* / Кирилл Горбачевич, Евгений Хабло // Горбачевич К., Хабло Е. Их именами названы улицы Ленинграда / Кирилл Горбачевич, Евгений Хабло. – Ленинград : Лениздат, 1961. – С. 97–99 : портр.

¹⁷ *Красный Флот*. – 1922. – № 1. – С. 28.

¹⁸ 25 апреля 1917 г. в сквере Николо-Богоявленского морского собора был похоронен матрос Гвардейского экипажа Г. И. Астахов, погибший во время Февральской революции (он закрыл своим телом бомбу, брошенную в толпу демонстрантов); в 1918–1920 гг. рядом были захоронены революционные деятели, павшие в Октябрьскую революцию и в боях Гражданской войны.

шись каждый со своего подоконника, писали домашнее задание – изложение, и переговаривались. Вот только в написании некоторых слов Вика, взявшийся помогать младшему соседу, был не уверен и всё время просил помощи у матери, сидящей в комнате. Любовь Дмитриевну, окончившую лишь французский пансион, отличала абсолютная грамотность, а не только совершенное знание французского языка.

К счастью, я застала людей, которые, проживая на канале, Виктора Викторовича знали. Так Татьяна Александровна Нечаева, внучка о. Владимира Рыбакова, настоятеля храма Спас-на-Водах, познакомила меня со своей родственницей, жившей на канале – в доме с видом на тюрьму-«бутылку», она знала Виктора. Бывала и у «соседки по юности Вики» Галины Петровны Боренко¹⁹, – тогда она жила в трёхэтажном доме № 25 и рассказывала, как любил Вика выгуливать вдоль канал её пса – зырянскую лайку по кличке Коми²⁰.

Я получила от Галины Петровны бесценный подарок – фотографию молодого Виктора: после войны молодёжь, жившая на канале, часто по-дружески собиралась у кого-нибудь на квартире или на даче. Как же красив Вика на той фотографии (я назвала её «Грегори Пек»)! Она сделана на даче семьи Боренко в Старой Деревне.

...Сейчас Галина Петровна (ровесница Конецкого!) живёт с мужем на Васильевском острове и любит вспоминать прекрасное время юности, когда за одним столом в их квартире на канале сидели Олег, Вика и его близкий друг однокашник Костя Дени-

¹⁹ *Боренко Галина Петровна* (род. 30 июня 1929) – член-корреспондент РААСН, Заслуженный архитектор РФ; член президиума Совета Ленинградского областного отделения ВООПИК, член Совета по архитектурно-градостроительному наследию РААСН, признанный специалист в области градостроительной охраны памятников истории и культуры; наиболее значительные её проекты: генеральные планы и центры городов Хабаровска, Чебоксары-Новочебоксарска, Пскова, проекты охраны и развития уникальных природных территорий с объектами историко-культурного наследия: Соловецких островов, Района Селигерских озёр, Национального природного парка «Себеж»; автор многочисленных научных трудов и публикаций.

²⁰ По природе эта собачья порода общительна и предана хозяину; её родиной считают Республику Коми. Собак Виктор Викторович любил, как и всё живое, и делился со своими читателями в книге «Солёный лёд»: «У меня давно есть мечта – завести себе настоящую сибирскую лайку. Чтобы она жила со мной в Ленинграде, чтобы ей было жарко летом, чтобы она любила меня, была злой, но для меня доброй, чтобы она выла и плакала, если я умру вперёд неё или куда-нибудь уеду от неё. И чтобы я так любил её, что, если она умрёт вперёд меня, я тоже бы плакал. Это глупо всё, но я в самом деле давно так мечтаю». После смерти матери у В. Конецкого появилась овчарка, но ненадолго: он уходил в море и был вынужден отдать её друзьям, – оставить пса было не на кого.

сов²¹, жена Кости Ирина и её кузина композитор Галина Уствольская²², студенты Тима Садовский²³ и Илюша Глазунов²⁴, многие другие.

Г. П. Боренко говорит, что в их компании никогда не обсуждали чью-либо личную жизнь, «не лезли в душу» друг к другу: объединял интерес к искусству, литературе, истории города.

Виктор Викторович рассказывал: как-то в гостях у Ильи Глазунова (его родители погибли в заблокированном Ленинграде и студентом он жил в семье родственников), их с Олегом внимание привлёк стеллаж с книгами, но на нём была прикреплена лаконичная надпись: «Книги не брать!».

...Всеим своим друзьям на канале Виктор подарил свой первый сборник «Сквозняк», Гале Боренко с надписью «Моей целительнице»: оба в блокаду заработали язву желудка, и подруга делилась с начинающим писателем рецептами лечения этой напасти.

Приводя гостей к дому на канале, Конецкий приоткрывал дверь и на тёмную лестницу своей парадной, на первых ступеньках которой в 1920-е годы мать нашла раненного бандитами отца (он служил тогда следователем на Васильевском острове)... Молча стоял потом в тёмной подворотне своего дома – там в блокаду складывали трупы умерших соседей...

В своём последнем интервью Виктор Конецкий вспоминал²⁵:

«Пишут, что я мальчишкой пережил блокаду и всё видел. Не было там мальчишеских глаз. Все глаза были одинаково на лбу. Если только они могли туда вылезти.

Как появилось название “блокадник”, врать не буду. Вначале оно было засекречено по приказу Сталина и даже для самих блокадников необъяснимо: город Ленина не мог быть окружён, это

²¹ Денисов Константин Николаевич – родился 19 марта 1929 г.; с 1944 г. по 1947 г. учился в ЛВМПУ; скончался и похоронен в Москве; упоминается в книге В. Конецкого «Среди мифов и рифов» (гл. «На родине кенарей»).

²² Уствольская Галина Ивановна (17 июня 1919 – 22 декабря 2006) – ученица Д. Д. Шостаковича, композитор; друг В. В. Конецкого композитор Б. И. Тищенко (23 марта 1939 – 9 декабря 2010) сравнивал её музыку с «узостью лазерного луча, прошивающего металл».

²³ Садовский Тимофей Петрович (31 марта 1929 – 12 августа 2015) – архитектор; академик РААСН; окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина; автор мемориальной доски В. Конецкому на наб. Адмиралтейского канала, д. № 9.

²⁴ Глазунов Илья Сергеевич (10 июня 1930 – 9 июля 2017) – художник, народный художник СССР; окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

²⁵ Виктор Конецкий: Чтобы поняли / беседу записал А. Фролов // Невское время. – 2001. – 8 сент. – С. 3 : портр. – (Память).

не допускалось идеологически. Отсюда и все вытекающие последствия. Раз никакого кольца вокруг Ленинграда нет, раз связь поддерживалась через Ладогу – блокады вроде как нет. Но куда такое спрячешь? О блокаде, конечно, узнали не сразу. Но тут и газет не надо было – разъехались ленинградцы по всей стране великой, и сталинский запрет вынуждены были снять гораздо раньше, чем прорвали это чёртово кольцо...

...Мы жили в коммуналке, часть которой смотрела окнами на канал, который теперь называется Адмиралтейским. Окна вылетели при первой же бомбёжке. Комнаты на той стороны квартиры стали нежилыми. У нас там стояло пианино. Однажды на нём образовался сугроб²⁶.

Забудьте об электричестве! Вместо него коптилки. Выкиньте из головы отопление: никакого отопления! Буржуйка – и только-то.

Поколение, к которому принадлежала моя мама, ещё не такое видело. Устроить в доме печурку для них не составляло особого труда. Брали бак, к нему приваривали или прикрепляли трубу, которую высовывали в форточку. И всё, тепло. Так жили.

Жгли всё, что горит. Я отлично помню, у нас была большущая картина “Сирень”. Это полотно с пышным букетом мы кромсали ножницами и кормили им нашу буржуйку.

Думали только о еде, больше ни о чём. Взрывов или стрельбы уже не боялись, всё это для нас было уже на втором плане.

Маме ничего не доставалось. Она всё нам с братом подсовывала. А сама? Бог знает, как она умудрилась жить и откуда у неё брались силы. Это материнство, это необъяснимо. Поймёте ли?

...Ужас невероятный: людоедство. Около Смоленского кладбища я наткнулся на труп с вырезанными ягодицами. Это была зима 1941-го – 1942-го. Какой месяц – не помню. Нам было не до месяцев.

Так как наш сосед, по мирным временам скрипач Мариинского театра, эвакуировался, на его место вселили семью рабочих с Кировского завода – двенадцать детей. Вскоре для нас, младших, самым страшным стало пройти отрезок от дверей нашей комнаты до выхода. Поскольку надо было передвигаться, приходилось идти, ощупывая застывшие трубы...

²⁶ Пианино принадлежало подруге матери Ольге (Оляше) Клемм, было отдано ею Конечким на сохранение. Из послевоенного письма Л. Д. Конечкой друзьям: «...Стёкла взрывной волной все были выбиты, потом окна забили досками, но невероятный мороз, совершенно особенный в ту зиму [1942 г.], и ветер навевали в щели снег, и он лежал у нас на мебели, и, конечно, на пианино, хотя оно стояло далеко от окна...» (из семейного архива Конечких, б. д.).

...Я перевернулся на другой бок и продолжал спать. Известие о том, что кольцо блокады прорвано, меня ничуть не удивило. Я давно знал, что Ленинград освободят. Я видел, как люди дрались за него, и многое понимал²⁷...

Сколько лет прошло! Уже не помню, когда собрался писать рецензию на «Блокадную книгу» Адамовича и Гранина²⁸. Очень хотелось выплеснуться. С тем, что они написали, я абсолютно согласен: город отдавать было нельзя. Мы бы покатались тогда до самого Урала...».

...Ученики школы № 238, пробежавшие мимо скорбно стоящего в подворотне пожилого человека, и не догадывались, что он учился в их школе. Правда до войны школа (тогда № 12 Октябрьского района г. Ленинграда), в которой Вика учился с 1936-го по 1941-й год, располагалась на соседней Красной (Галерной) улице, в доме № 69, в бывшем особняке барона Людвига фон Штиглица; в 1963 году отстроили новое здание школы на канале Круштейна – на месте сильно пострадавших и разрушенных в блокаду жилых домов.

На Красной (Галерной) улице в доме № 41, к слову сказать, жил писатель Лев Успенский²⁹.

«Лев Васильевич Успенский, – вспоминал Виктор Конецкий, – первый живой писатель, которого я видел в жизни, ибо принёс ему на трясущихся ногах свои первые три рассказа в 1954 году на Красную (Галерную) улицу. Он жил в одном доме с одноклассницей брата, знал её с детства, и этот факт я использовал для проникновения в литературу с чёрного хода. За рассказы Лев Васильевич дал мне такую же благожелательную, деликатнейшую, но взбучку. Сейчас низко склоняю голову перед его навечно светлой памятью»³⁰.

²⁷ Согласно данным Ленинградской городской эвакуационной комиссии (ЦГАСПб. Ф. Р-330) Конецкие, Любовь Дмитриевна с сыновьями, выехали из блокадного Ленинграда 10 апреля; В. Конецкий называл другую дату – 9 апреля, а Л. Д. Конецкая в письме знакомым – 11 апреля; в «Автобиографии» Л. Д. Конецкая сообщала: «Блокаду провели в Ленинграде до половины апреля. Умирающими выехали в г. Фрунзе. <...> В ноябре 1944 г. вернулись в Ленинград...» (из семейного архива Конецких).

²⁸ «У каждого был свой спаситель»: [о «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина] // Дружба народов. – 1980. – № 5. – С. 255–258.

²⁹ Успенский Лев Васильевич (27 января 1900 – 18 декабря 1978) – писатель, филолог, меуарист; участник Великой Отечественной войны, военный журналист, защитник Ленинграда.

³⁰ «Среди мифов и рифов» (гл. «Будни»).

Конецкий высоко ценил Успенского как энциклопедиста (рассказывал, что Лев Васильевич прочитал все восемьдесят с лишним томов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» от первой страницы до последней!), дорожил им и как учителем: Успенский не раз бывал рецензентом книг Виктора Викторовича³¹ гордился «крестником, показавшим себя очень хорошо в литературе»³².

В. Конецкого и Л. Успенского – двух разных писателей – объединяла абсолютная приверженность родному городу, страстная любовь к Петербургу – Ленинграду, и, конечно, память о блокаде. «...Писатель Успенский <...> рассказывал мне, как он раз ночью шёл по Галерной и вдруг открылось окно на шестом этаже и тотчас в воздухе закувыркался спелёнутый кокон и упал на мостовую чуть не к его ногам. Видно, у кого-то не хватило сил даже снести [труп] вниз»... – вспоминала писательница Лидия Слонимская³³.

...Приводил Конецкий друзей и на Неву, где «чем ближе к заливу, тем всё веселее суматоха корабликов и кораблей»³⁴.

Обычно останавливались у «Обособняка Румянцева» на Английской набережной, в котором, между прочим, была обустроена после войны первая в Ленинграде блокадная экспозиция. Напротив особняка есть спуск к Неве, и Виктор Викторович, подходя к нему, вспоминал чайник, с которым двенадцатилетним мальчишкой ходил за водой в блокадную стужу 1942-го.

А потом доходили до конца Английской набережной: до 1932 года там на Ново-Адмиралтейском острове стоял храм Спас-на-Водах³⁵. Виктор Викторович рассказывал, что совсем маленьким вместе с братом Олегом подбирал на месте взорванного храма «цветные камешки» – осколки мозаичного панно Виктора Васнецова и Николая Бруни, – пока мать не надавала им по рукам³⁶.

³¹ «Это проза о мире. Это проза о человеке внутри огромного мира. Это проза прямая, острая, не везде одинаково бесспорная, но везде значительная», – писал Л. Успенский, в частности, в рецензии на книгу В. Конецкого «Морские сны» (Водный транспорт. – 1976. – 20 марта. – С. 3).

³² Надпись на кн. Л. Успенского «Записки старого петербуржца», подаренной В. Конецкому в 1971 г.

³³ Слонимская Л. Блокада : [воспоминания] / Л. Л. Слонимская ; подгот. текста, коммент., источники : Т. В. Акулова // Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2025. – С. 104–105.

³⁴ Владимир Торопыгин «Река Нева».

³⁵ О судьбе храма в письме Г. А. Лебедева (приводится в заметках В. Конецкого «Париж без праздника», 1989 г.).

³⁶ В 1990-е гг. в подвалах Русского музея были обнаружены четыре мозаики из храма, ранее считавшиеся утраченными.

Храм Спас-на-Водах был построен в 1911 году в память о погибших моряках, участников Русско-японской войны. Их фамилии были выбиты славянской вязью на памятных досках храма. На моей памяти, уже в «перестроечные» времена, некоторые литераторы утверждали, что эти доски пошли на строительство Большого дома на Шпалерной улице (нынче там находится управление ФСБ по Ленинграду и Ленинградской области), а спорить с этим «волшебным домом» никто не решался: «войдёшь туда ребёнком, а выйдешь стариком»...

Обходить Большой дом стороной литераторам в любом случае плохо удавалось: практически напротив него на одной улице располагался Дом писателя имени Владимира Маяковского и многие из «инженеров человеческих душ» были завсегдатаями не столько его мероприятий и заседаний, сколько его ресторана.

...Зимой 1990 года в нашу квартиру постучалась Татьяна Александровна Нечаева – внучка протоиерея Владимира Рыбакова (участника Цусимы!), настоятеля взорванного храма Спас-на-Водах. Она просила Конецкого посодействовать в публикации её статьи о деде и писатель помог³⁷.

Т. А. Нечаева рассказывала: «После уничтожения церкви Спас-на-Водах дедушка до декабря 1933 года служил в Никольском соборе. В декабре его арестовали, а в начале марта 1934 года моим родителям позвонила сиделка одной из ленинградских больниц и сообщила, что о. Владимир находится у них. Мои родители туда прибежали, дедушка лежал, а точнее сидел в подушках в отдельной палате. Владимир Александрович лежать не мог, так как у него были отбиты лёгкие (поэтому он сидел в подушках), и его, как это тогда называлось, сактировали, то есть списали как смертника, но, как ни странно, не в тюремную больницу, а в городскую. И это чудо, что он простился с близкими, что его причастили и соборовали, что его отпевали по иерейскому чину в храме, где он служил последние годы. И, наконец, чудо, что в последний путь на Смоленское кладбище в суровом 34-м году его провожали, как говорила тетка Вера Ниловна, более двух тысяч человек – целая демонстрация».

В 1990-е годы стало возможным изучение «дел» репрессированных и Татьяна Александровна попросила отыскать «дело» о. Владимира в архиве ФСБ. Его удалось для изучения в архиве получить. Сделанные тогда записи, как и присланные Татьяне

³⁷ Нечаева Т. А. Протоиерей Владимир Александрович Рыбаков / Татьяна Александровна Нечаева // Звезда. – 1990. – № 3. – С. 97–102.

Александровне из архива копии документов, вошли в книгу В. А. Рыбакова «Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность»³⁸.

Я храню в памяти и наше с Т. А. Нечаевой посещение монастыря Иоанна Кронштадтского на Карповке, – он только восстанавливался тогда усилиями матушки Георгии (Щукиной) (позднее – настоятельницы Горненской обители в Иерусалиме), но были уже обустроены некоторые кельи, – в одной из них любил останавливаться патриарх Алексий II. С того времени, после тёплых бесед с Татьяной Александровной, я начала серьёзно задумываться о Вере и мысленно называть её своей крёстной матерью.

От места взорванного храма Спас-на-Водах³⁹ Конецкий вёл своих гостей к дому на Красной (Галерной) улице, где жила девочка-одноклассница, его первая любовь. В блокадную зиму 1942-го, придя её навестить, он открыл дверь квартиры на третьем этаже и увидел небо: дом наполовину был уничтожен при бомбежке, и Вика решил, что девочка погибла.

Если верить Пушкину, что «первая любовь всегда является делом чувствительности», то можно лишь поразиться, – как на фоне блокадного холода, когда все мысли о еде, в людях сохранялись чуткость, беспокойство о других, стремление поддерживать в себе лучшие человеческие качества⁴⁰.

³⁸ Докторская диссертация о. Владимира подготовлена к изданию и издана усилиями Т. А. Нечаевой с её большим послесловием (2002 г.).

³⁹ Ныне на месте храма Спас-на-Водах стоит часовня, заложенная в 1998 г., в мае 2002 г. мне посчастливилось присутствовать при её освящении.

⁴⁰ «Ему казалось, что если он найдёт её, увидит лицо в ореоле лёгких светлых волос, если опять почувствует ощущение счастья, смущения..., то жизнь сама собой опять наполнит его с каждым днём хиреющее тело.

Все эти мысли ни разу не приходили к нему в чёткой словесной форме. Он только чувствовал, где-то глубоко внутри понимал это, – и только.

Решение идти искать её фактически не появлялось у него. Предчувствие обязательной случайной встречи с ней и то, что он не знал её точного адреса, номера квартиры, не давали возможности возникнуть этой мысли: самому идти к ней домой.

Но в тот день, когда он решил идти, была его очередь идти за хлебом в булочную на площади Труда. Или нет, он должен был идти за водой. В доме 19 по каналу Круштейна во дворе текла из колонки вода. И за водой ходили или туда, или на Неву. На Неву значительно дальше, а к дому 19 было ближе, но вода там чуть текла и потому в сугробах и сквозняке проходного двора стояла смертельно-понурая длинная очередь.

Он решил идти не на Неву, а в дом 19. Вероятно потому ещё решил, что дом этот был ближе к его дому, который был концевым на канале.

Было утро, будничное блокадное зимнее утро.

...Сердце бьётся ровно, мерно.
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда⁴¹...

К счастью, девочка с родными тогда была уже в эвакуации. Воспоминания о пережитом в блокадном городе пронзительно переданы писателем в повести «Кто смотрит на облака»: одну из её глав иногда публикуют как рассказ «Дверь»⁴²; по нему хотел снять фильм Алексей Герман, но не срослось⁴³. Виктор Викторович рассказывал, как водил Алексея, сына своего учителя по литературе Юрия Павловича Германа, к дому на Красной улице.

Я люблю этот дом, и типично петербургский тёмный дворик перед ним, и плющ, что много лет обвивает стену дома. Девочки с Красной улицы давно уже нет, она похоронена на Смоленском православном кладбище, рядом с любимым мужем, тоже Виктором.

Новая Голландия состоит из двух островов и соединяющей их арки Валлен-Деламота. Кульминацией путешествий по городу с Конецким всегда была арка: канал огибался справа и взору открывалось это сказочное архитектурное чудо. Арка в любое время года казалась каким-то призраком из прошлого. Виктор Викторович мечтал прийти на канал с мольбертом и написать её.

Сейчас арку реставрируют и её красота подчёркнута умелыми руками, но призрачность старины из неё ушла...

Понравился бы Конецкому вид обновлённой ныне Новой Голландии? Вопрос, конечно, риторический. Сегодня там не увидешь ни Опытового бассейна, в котором испытывали модели кораблей, прежде чем их строить, ни старой мясосольни, в которой под руководством Д. И. Менделеева испытывали бездымный порох,

Из сырого и морозного воздуха выпадал на стены и чугунные решётки набережной густой иней...

Ветер шелестел обрывками отставших от стен обоев, где-то хлопал оторванный лист кровельного железа или толя.

В огромном проломе, как в раме, застыл умирающий город» (набросок рассказа В. Конецкого о блокаде, хранится в семейном архиве Конецких).

⁴¹ Анна Ахматова «Сердце бьётся ровно, мерно...» (1913 г.).

⁴² По мотивам рассказа «Дверь» киностудия «Ленфильм» в 2026 г. снимает картину «На краю детства» (режиссёр Владимир Захаренко).

⁴³ «Хотелось поработать с Граниным, с Конецким, я считаю его очень талантливым и очень недооценённым писателем» (Однажды Алексея Германа лягнула лошадь... / А. Герман ; интервью вела О. Кучкина // Комсомольская правда. – 1998. – 22 июля. – С. 4).

ни дома, где до 1924 года располагалась радиостанция «Новая Голландия», – и жаль, что здание станции при реконструкции острова снесли (там уже располагались склады): его близость к дому Конецких подсказала писателю сюжет «Повести о радиосте Камушкине»⁴⁴...

Но главное не это: ушла атмосфера *не видового* Ленинграда, которую так любил Виктор Викторович, тех мест, «где всё ещё много сырой тишины, запаха грязной воды, где берега каналов не забраны гранитом, а желтеют одуванчиками просто по земляному склону. Старые тополя доживают здесь последние годы, разглядывая свои отражения в неподвижной воде, и стариковски вздрагивают от криков мальчишек, вылавливающих из канала неосторожную кошку»⁴⁵.

Конечно, слово за молодыми людьми, полюбившими Новую Голландию с её зимним катком, летними тенистыми аллеями, душистым травяным садом и детской площадкой «Фрегат».

А мне остаётся лишь следовать семейной традиции, заложенной Любовью Дмитриевной ещё на канале: ранней зимой, найдя обрезанные ветви тополей, подбирать их и ставить в большую напольную вазу, чтобы к Новому году наш дом наполнялся не только еловым духом, но и запахом неизбежной весны.

Я часто прихожу на набережную Адмиралтейского канала. По дороге, до пересечения площади Труда, изредка задерживаюсь всё же у здания роскошного Николаевского дворца (Дворец Труда): не люблю его – в памяти рассказ Виктора Викторовича, как однажды во время бомбёжки их с матерью и братом не пустили в бомбоубежище дворца. Правда, недавно узнала, что в большинстве его помещений во время блокады располагался госпиталь. До 1918 года это здание занимал Ксениинский институт благородных девиц (он был рангом ниже, чем Смольный институт, туда принимались исключительно полусироты, офицерские дворянские дочери)⁴⁶.

⁴⁴ Фамилию главному герою повести подарила Валентина Александровна Камушкина, подруга В. Конецкого с 1950-х гг., которую я знала и с которой особенно сблизилась после смерти Виктора Викторовича. Писатель иногда давал своим вымышленным симпатичным героям фамилии друзей или близких знакомых (в «Завтрашних заботах» – писателя А. Битова, в повести «Кто смотрит на облака» – одноклассника брата по училищу Владимира Басаргина; фамилия Ниточкин в книгах – от оператора кинофильма «Путь к причалу» Анатолия Дмитриевича Ниточкина)..

⁴⁵ «Повесть о радиосте Камушкине».

⁴⁶ В. Конецкий называл – Ксениевский.

А на самой площади Труда (до 1918-го – Благовещенская) стояла Благовещенская церковь Конногвардейского полка, в которой венчались родители Конецкого. Виктор её не увидел: этот трёхпрестольный пятишатровый храм, построенный в середине XIX века Константином Тоном, был уничтожен в 1929-м, – в год его рождения.

У площади Труда можно заглянуть в ресторан «Теремок». В этом здании была булочная⁴⁷, в которую мать во время блокады отправляла двенадцатилетнего Вику за хлебом (жмыхом, говорил он).

Во время войны площадь Труда была зоной особо интенсивного артиллерийского огня гитлеровцев; трудно представить, но они стояли от неё всего в десятках километрах... Во время блокады в районе площади был создан узел противовоздушной обороны (ПВО). А рядом на Неве, стояли боевые корабли Балтийского флота, среди них и героический защитник Ленинграда – крейсер «Киров».

...Кронштадт и Таллин, Балтика седая
Хранят его сраженья и походы,
Но Ленинград его своим считает –
Мы были вместе в огненные годы...⁴⁸

Виктор Конецкий рассказывал: «На рубеже сорок первого и сорок второго годов за хлебом в булочную надо было отправляться рано утром, до открытия. Иначе можно было остаться и без ста двадцати пяти граммов. Света в коридоре и передней не было. На вход и выход мы пробирались, ощупывая в темноте трупы, сложенные вдоль стены. Несмотря на уличный мороз в квартире, запах разложения был. И страх перед трупами сохранялся, но тусклый страх, монотонный, страх без страха перед неожиданным испугом, страх перед мразью тления, остаток брезгливости ещё существующего к уже разлагающемуся...»⁴⁹.

Зима тогда в Ленинграде выдалась суровой. Ещё осенью начались перебои с отовариванием карточек, около булочных появились длинные очереди. С 1 декабря 1941 года было установлено обязательное прикрепление населения к определённому магазину,

⁴⁷ Хлебобулочный магазин появился в 1929 г., вход украшало яркое декоративное панно.

⁴⁸ Поэт-блокадник Анатолий Молчанов «Крейсер “Киров”».

⁴⁹ Конецкий В. Пришла пора таких заметок / Виктор Конецкий // Конецкий В. Третий лишний : [сборник] / художник Михаил Новиков. – Ленинград : Советский писатель. [Ленингр. отд-ние], 1983. – С. 221–222.

но очереди не уменьшились, хотя планы завоза хлеба часто не выполнялись.

«В булочной пар от дыхания витал над огоньками коптилок, – читаем в повести «Кто смотрит на облака». – Коптилки горели возле продавщиц. За спинами продавщиц на полках лежали буханки. Длинные ножи, одним концом прикреплённые к прилавку, поднимались над очередной буханкой, опускались на неё, зажимали и медленно проходили насквозь. И края разреза лоснились от нажима ножа. А вокруг было, как в храме, приглушённо. И все смотрели на хлеб, на нож, на весы, на руки продавщиц, на крошки, на кучки карточных талонов и на ножницы, которые быстрым зигзагом выхватывали из карточек талоны. <...> Норма могла вот-вот измениться. И никто не знал, в какую сторону».

Переживания того страшного блокадного времени, думаю, стали важнейшими в жизни Виктора Викторовича. И ничто из увиденного и пережитого в многотрудной его жизни не могло сравниться с тем опытом по серьёзности эмоционального и нравственного потрясения.

«Как непростительно мало я написал о блокаде, – не раз говорил он, – но многое и теперь за пределами моего понимания».

Уверена, трагическое мироощущение, свойственное личности Виктора Конецкого, было сформировано в блокадном Ленинграде, когда он осознал хрупкость человеческой жизни и красоты этого мира.

На вопрос: «Счастливый ли вы человек?» – сам Виктор Викторович отвечал отрицательно. Лично я задала ему этот вопрос лишь однажды, незадолго до его ухода. «...Ты не можешь даже представить себе, как близко от меня война», – таким был его ответ.

Для Конецкого важно было знать, что он разделил свою судьбу с судьбой своей страны, своего города, своего поколения. И можно сказать, что этим Виктор Викторович был «горестно счастлив».

...От площади Труда вдоль Адмиралтейского канала спешу обычно на набережную реки Пряжки «с облупленным мрачным зданием больницы Николы Чудотворца, где за решётками окон виднелись серые халаты больных. Над больницей шевелились

вдали краны судостроительных заводов, в проёме между зданиями просвечивала Нева, широкая здесь...»⁵⁰.

Там, где Пряжка берёт начало из Мойки, на Матисовом острове, располагается психиатрическая больница Святого Николая Чудотворца, в которой Конецкий бывал: навещал брата Олега.

Его старший брат был абсолютно штатским человеком, но отец Виктор Андреевич в 1945-м отправил обоих сыновей в Ленинградское военно-морское подготовительное училище⁵¹ – получать среднее образование, и не сидеть на шее у матери. Облегчить матушке жизнь было и личным решением братьев и главной, пожалуй, причиной поступления ими в училище.

«Суrowa жизнь, коль молодость в шинели и юность перетянута ремнём...» Олег ещё в эвакуации во Фрунзе трудился на военном заводе, успел в самом начале февраля 1945-го и в армию. Но если Виктору ещё в Подготию морская практика понравилась, а военная присяга, данная затем, решительно определила его судьбу, то у Олега всё было не так. После окончания Военно-морского подготовительного училища Виктор стал курсантом 1-го Балтийского ВВМУ, а Олег – гидрографического факультета ВВМУ имени М. В. Фрунзе, но и третьего курса не окончил: в какой-то момент училище добровольно покинул.

И таким образом он оказался на Пряжке. Виктор брата в больнице навещал, однажды и его хотели туда упечь – за смех, которым он буквально давился в вестибюле здания: там стоял памятник Ильичу, правой рукой он указывал в даль, мол, правильной дорогой идёте, дорогие товарищи!

(Кстати, на Пряжке, чтобы не проходить военную службу, со всеми прелестями «лечения» полтора месяца знакомился Виктор Цой.)

Олег осуществил свою *настоящую* мечту: он поступил в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, там же нашёл и личное счастье. Его жена Ирина была, как и он, искусствоведом, и замечательно писала, но в другой манере нежели её муж, ставший писателем Олегом Базуновым (войдя в литературу, старший брат Виктора взял фамилию бабушки).

⁵⁰ «Кто смотрит на облака».

⁵¹ Подготия – так называли училище его воспитанники.

Конецкий утверждал, что в его детстве хорошим было только рисование: «Дворец пионеров на углу Невского и Фонтанки, снег на капителях колонн, запах пластилина и скипидара, раннее честолюбие, радость от смирения и буйства красок. Я уходил в рисование от арифметики, грамматики, неудов и школьного одиночества. Даже в блокаду я утешался мыслью о том, что не надо идти в школу. И рисовал в бомбоубежище. Причём рисунки мои были далеки от войны – цветы и летние пейзажи»⁵².

Об этом неизменно вспоминаю у дома Александра Блока, на улице Декабристов (до 1918-го – Офицерская). Занятно, что Блок в детстве очень любил корабли. «Он беспрестанно их рисовал, – вспоминала его тётка М. А. Бекетова, – изображая в различных положениях, и даже устраивал из них выставки в своей комнате. <...> В его стихах часто фигурируют корабли, нередко в символическом смысле. В этих случаях они всегда представляются как ожидание радости, как надежда на что-то светлое...»

Блоком, как рассказывал Виктор Викторович, он «был ушиблен с юности». Ещё на Северном флота в Ваенге⁵³, лейтенантом, помечал в своём дневнике⁵⁴: «Не забыть о детском рисунке Александра Блока “«Фока» во льдах” и вообще об ударенности поэта морем: гибель “Петропавловска” с адмиралом Макаровым, “Девушка пела в церковном хоре”».

Виктор Конецкий приводит эти стихи Александра Блока, рождённые, вероятно, известием о гибели 2-й эскадры Тихоокеанского флота в Цусимском проливе 14–15 мая 1905 года, в книге «Солёный лёд»: «В тот вечер перед сном я долго читал воспоминания Чуковского о Блоке, любил их обоих, завидовал тем писателям, которые попали в “Чукоккалу”, и почему-то вспоминал девочку – свою детскую любовь. Стихи Блока входили в меня и жили во мне:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою...

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,

⁵² «Солёный лёд» (гл. «В шторм и штиль»).

⁵³ Ваенга (с 1951 г. – Североморск), где с 1947 г. располагался Штаб Северного флота.

⁵⁴ 15 августа 1952 г.

Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели...

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

А за окном каюты на ботдеке повизгивали уборщицы и проводницы, милуясь с рыбаками, нашими пассажирами. Распяленная ветром занавеска трепетала над окном, как рыбий хвост. Свободные от вахт командиры били “козла” в кают-компанин, радисты играли в “шиш-беш”.

Под нами, на глубине четырех километров, в безнадежной и торжественной тишине проплывали горы и ущелья, холмы и равнины дна Атлантического океана. Тайны чужой планеты роились под нами в кромешном мраке»⁵⁵.

Жизнь – как море, она всегда исполнена бури.
Зорко смотри, человек: буря бросает корабль.
Если спустится мрачная ночь – управляй им тревожно,
Якорь спасенья ищи – якорь спасенья найдёшь...⁵⁶ –

так писал Блок, вот только за якорь спасенья не каждому дано ухватиться...

В блокаду вместе с людьми гибли и дома. Вот, скажем, дом Александра Бернардацци-младшего, что расположен на противоположной стороне не далеко от блоковского. Когда-то он поражал смещением стилей – северного романтического модерна и русского, национального, за что получил название «Дом-сказка». На старых фотографиях дом действительно напоминает театральную декорацию (майоликовое панно и облицовку стен делали по эскизам Михаила Врубеля!). В разные годы в этом доме квартировали П. И. Чайковский и балерина Анна Павлова (его часто и называют «Домом Анны Павловой»). В 1920-е годы там же располагалась балетная школа А. Ф. Кларка, которую посещала кузина Конецкого Тамуся Васильева.

...Этот дом в Коломне, на углу Лермонтовского проспекта и улицы Декабристов, не последняя точка моей печали: впереди на

⁵⁵ Гл. «О чём думается в спокойные предутренние вахты».

⁵⁶ 1898 г.

улице Декабристов дом, где жили в блокаду любимые тётушки Конецкого – он расположен почти напротив нового Концертного зала Мариинки.

...И вот, если идти затем вдоль нового здания Мариинского театра, Крюков канал – дорога к Николо-Богоявленскому морскому собору.

В Крюковом канале «чудесным видением отражается колокольня Никольского собора»⁵⁷, она была построена в 1758 году по проекту Саввы Чевакинского и освящена в честь покровителя моряков, святителя Николая Чудотворца. Колокольню отреставрировали в 2024 году и теперь жемчужина елизаветинского барокко радуется своим величием.

От колокольни хорошо видно здание школы № 232, на набережной Крюкова канала, д. № 15, которая до войны славилась исключительно высоким уровнем преподавания. В этой школе будущий писатель-моряк учился с зимы 1944-го по май 1945 года.

«Вернувшись в Ленинград зимой сорок четвертого, я попал в образцовую школу, которая находилась напротив Никольского собора и его колокольни, прославленной акварелями Бенуа. Здесь, в густом переплетении каналов, гранитных речек, мостов, среди старых тополей, недалеко от купеческих лабазов Никольского рынка и плоских тылов Мариинского театра, процветает и сейчас моя последняя в жизни школа.

Я прибыл в разгар учебного года и сразу убедился в том, что не знаю даже букв, из которых составляются физические формулы. А ребята оказались замкнутыми и очень старательными. Это объяснялось тем, что в школе была столовая, обеды из которой можно было брать в кастрюльки и уносить домой. Кроме этого выдавались завтраки без карточек...»⁵⁸, – вспоминал Виктор Викторович.

...Его крестили⁵⁹ и отпевали в Николо-Богоявленском морском соборе.

⁵⁷ «Никто пути пройденного у нас не отберёт» (гл. «Под сенью сфинксов в Коломне»).

⁵⁸ «Солёный лёд» (гл. «В шторм и штиль»).

⁵⁹ Крестная – тётушка Зинаида Дмитриевна Конецкая-Грибель – подарила икону Толгской Божией Матери, с которой Виктор Викторович никогда не расставался (она висит в его кабинете и сегодня). На иконе надпись: «Благословляю тебя дорогой сынок Викуся на всю жизнь. Твоя крестная Зика 26-го XII 1934 г.». Икона Толгской Божией Матери – одна из самых почитаемых в России, символ Веры и защиты; была явлена епископу Ростовскому и Ярославскому Прохору (Трифону) в 1314 г. на правом берегу Волги, неподалёку от впадения в неё реки Толга; образ считается чудотворным, хранится в Толгском монастыре в Ярославле.

В книге «Никто пути пройденного у нас не отберет» Виктор Конецкий писал: «...В проходе второго этажа [собора] уже скоро век висит наша семейная икона Тихвинской богородицы – подарок всем морякам и рыбакам от бабушки Марии Павловны, которая знать не знала, что её внука пронесёт по всем океанам планеты...».

День Тихвинской иконы Божией Матери (9 июля) в доме Конецких почитался и почитается семейным праздником.

«Тихвинская Богородица» давным-давно служила морякам: её имя, носил фрегат, на котором командиром был замечательный моряк Д. В. Руднев⁶⁰, а затем – капитан-лейтенант Ф. Ф. Беллинсгаузен⁶¹, вернувшийся в 1806 году из первой русской кругосветной экспедиции.

Семейная икона Тихвинской Божией Матери была передана в храм М. П. Конецкой, вероятно в самом конце 1920-х или в начале 1930-х годов: её старшие зятья, бывшие офицеры царской армии, уже прошли первые аресты...

Баба Маня скончалась, когда Вике было всего четыре года. Он помнил её, но больше – по рассказам матери, старым фотографиям. Чётко же отложилось, как во время блокады Любовь Дмитриевна повела их с Олегом на Смоленское православное кладбище, чтобы сыновья, если её не станет, никогда не забыли, где их бабушка похоронена.

Именно поэтому, в память о блокаде, Виктор Викторович просил похоронить его рядом с бабушкой Марией Павловной.

А семейная икона Тихвинской Божией Матери – редкой красоты и притягательной духовной силы – сохранилась. Она давно уже не на втором этаже храма, а на первом – справа от алтаря.

Это ведомо и нашей родственнице Лене Волковой (она более тридцати лет живёт в Лондоне, но часто приезжает в Санкт-Петербург).

Тут вот в чём дело. Местные тихвинские краеведы упорно доказывают, что муж Марии Павловны – Дмитрий Иванович Конецкий, принадлежал к семье известных тихвинских судовладельцев и хлеботорговцев Конецких. В Тихвине мне показывали улицу, где располагался богатый купеческий дом Конецких, видела и Плаху, где в начале XX века стояли их купеческие склады, и Тихвинский шлюз, и плотину на Вязицком ручье... В Тихвине

⁶⁰ Внучатым племянником Д. В. Рудневу приходится командир легендарного крейсера «Варяг» Руднев Всеволод Фёдорович (1855 – 1913).

⁶¹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп.1-1. Д. 2938.

был порт, строили парусные грузовые суда – знаменитые тихвинки. Создание тихвинской водной системы XIX века планировал ещё Пётр Великий.

Сегодня Тихвин признан столицей Серебряного ожерелья России. В тихвинском Успенском мужской монастыре XVI века находится икона Тихвинской Божией матери – изумительный образ с прекрасным скорбным ликом. Существует легенда (о ней мне поведала в Тихвине краевед Алла Титова): перед входом в храм, проходя через узкую арку, нужно испросить у Господа прощение, раскаявшись в тяжких грехах, – и Он простит...

Один из сыновей главы купеческой семьи И. И. Конецкого – прадед Лены. Как-то раз, под впечатлением от наших разговоров о судьбе родных, она отправилась в Никольский собор, одна: «Там спросила у священника, он и подтвердил, – да, Конецких икона»⁶².

Виктор Викторович говорил, что «когда уходит дорогой тебе человек, неизменно тянет в дом его родных». Не любопытство, не желание заниматься чужой жизнью, когда об этом не просят, двигали Леной. Её волнует история семьи. Она тоже любит Мариинский театр, классическую музыку и наш с Конецким дом. И разве можно после этого не увидеть в ней родного человека?

...Величественный Николо-Богоявленский морской собор для меня – доминанта старой Коломны, этого дивного района Петербурга, где жили и сегодня живут *все* наши петербургские родные. На Садовой улице (несколько шагов от него вправо и виден собор) жили Штейнберги, дед и бабушка Вики по отцу, и его дядя Шура, погибший в блокаду, и семья врачей Соркиных – их дочь Сузя была женой кузена Вики – Игорька Грибеля, погибшего в 1942-м под Ленинградом...

С 1908 года Мария Павловна Конецкая с дочерьми проживала на Екатеринингофском проспекте (ныне – Римского-Корсакова), они переехали туда с Вознесенского проспекта (ныне – Измайловский) после смерти Д. И. Конецкого. Совсем рядом с домом, в котором Конецкие тогда жили, – Свято-Исидоровская церковь, где венчалась Матильда Дмитриевна Конецкая, любимая тётушка Вики. И дом на Лермонтовском проспекте, в котором жила Тамуся Васильева с мужем Володей во время блокады...

⁶² Возможно это так и есть. 9 июля в день явления чудотворной иконы в Николо-Богоявленском морском соборе видела перед иконостасом и икону Тихвинской Божией Матери размером значительно меньше, тоже работы иконописцев старой школы.

Постепенно, не сразу открывались для меня эти дорогие Виктору Викторовичу места. И я постоянно бываю там, неизменно останавливаюсь у каждого из домов Адмиралтейского канала и Коломны, где жили наши родные: это особая территория размышлений о людях, даривших своё тепло и любовь человеку, ближе которого у меня не было и не будет. И дорожу, когда меня сопровождают читатели Виктора Конецкого: им приоткрываю истории старых домов и их жителей.

Если двигаться по Лермонтовскому проспекту, в сторону Балтийского вокзала, то совсем не далеко до военно-морского училища, в котором учился Виктор Викторович.

Конецкий говорил, что его морскую профессию определил случай. Но всё же, возникает размышление о промыслительности его судьбы.

Корабли на Неве, Новая Голландия как символ петровского флота, верхушки кранов на судостроительных верфях за дальними крышами дома Конецких, «краны бесшумно двигаются среди низких облаков, а вечерами на них загораются красные пронзительные огоньки»⁶³, – всё это, сама атмосфера места, не могли ни зародить в детстве мечты хотя бы о странствиях.

Виктор Викторович и сам писал об этом:

«Чтобы быть настоящим моряком, надо остаться навсегда мальчишкой <...> В детстве я жил в одном доме с известным кораблеводителем Н. А. Сакеллари. <...> Помню запах его трубочного дыма, оставшийся в сырости парадной после прохода штурмана в гавань квартиры по каменному фарватеру лестницы. Мы – мальчишки – поднимались вслед за Сакеллари, фильтруя сквозь слизистые носов малейшие клочки этого томительного дыма. Ничто лучше дыма не может символизировать даль таинственных стран и даль твоей завтрашней жизни»⁶⁴.

Не плохие воспоминания для семилетнего пацана. В военно-морском училище будущий штурман Конецкий учился по книгам и запискам по кораблевождению Николая Александровича Сакеллари⁶⁵.

⁶³ «Повесть о радисте Камушкине».

⁶⁴ «Морские сны» (гл. «Дакарские сказки»).

⁶⁵ *Сакеллари Николай Александрович* (29 сентября 1880 – 11 марта 1936) – сын греческого подданного; выпускник Морского корпуса, участник Русско-японской войны (был ранен); окончил гидрографический отдел Николаевской Морской академии; начав

Виктор Викторович Конецкий прожил не самую длинную жизнь, и от своего пройденного пути никогда не отказывался. Стоит прочитать его книги, чтобы в этом убедиться.

И путь этот начинался на Адмиралтейском канале, на берегу Новой Голландии, Коломны, среди людей, память о которых жгла его сердце до конца жизни.

...В последние годы Виктор Викторович практически отошёл от литературных дел: болезни и «всякие хвори», как он говорил, не способствовали приливу творческих сил, оптимизму, которые так необходимы, чтобы снова подарить читателям Зелёный луч надежды...

Мелеют души, как моря.
Не исключение моя
Душа, не чуждая восторга,
Душа, не проданная с торга.
Она на солнцепёке лет
Обожжена, и больше нет
Ни влаги для неё, ни сини
В нечеловеческой пустыне,
Где вместо парусов и рыб –
Скопления песчаных глыб⁶⁶...

Конецкий тосковал – не только по каналу, но и по Русскому Северу, Северному морскому пути, понимая, что никогда больше не увидит эти дорогие ему места, – писателю не хватало «фактуры»...

преподавание в Морском корпусе, получил квартиру на Адмиралтейском канале в доме № 9, в которой жил до самой смерти; на канале, уже преподавателем и профессором Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова (ныне им. Н. Г. Кузнецова), начальник кафедры кораблевождения, написал ставшие известными книги («Навигация», «Беседы о кораблевождении», «Сущность кораблевождения», «Записки по девиации компаса» и др.); в 1934 г., несмотря на начавшуюся болезнь и физическое недомогание, принял участие в экспедиция по спасению парохода «Челюскин»; скончался от болезни сердца после длительной и тяжёлой болезни, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище; на смерть «крупнейшего учёного, специалиста по навигации, лучшего штурмана в СССР» откликнулся «Морской сборник» (1936. – № 2. – С. 9–14). В 2012 г. Морским литературно-художественным фондом им. Виктора Конецкого на могиле Н. А. Сакеллари установлен новый памятник. Вдова Николая Александровича *Крюкова Ариадна Николаевна* всю Великую Отечественную войну хранила архив мужа, после войны сдала его в ЦВММ и ВМА. Источники к биографии Н. А. Сакеллари: РГАВМФ. Ф. Р-5. Оп. 3. Д. 52. Л. 20; Ф. Р-352. Оп. 1. Д. 386; Ф. Р-2222. Оп. 1. Д. 158.

⁶⁶Лев Озеров «Данте оставляет Флоренцию».

Тогда Виктор Викторович часто говорил, что должен написать книгу о семье – матери и отце, тётюшках, о жизни семьи на Адмиралтейском канале, хотя и утверждал, что «о близких писать труднее всего». В документальном рассказе «Из семейной хроники»⁶⁷ Конецкий поведал о родных, но опирался в основном на свою память, и потому фактографические ошибки были неизбежны.

Для меня тоже важно сохранить на бумаге имена дорогих мужу людей, изложить незаурядную историю петербургской-ленинградской семьи, – неотъемлемой частью которой был Виктор Викторович Конецкий.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

I

В 1383 году на месте нынешнего города Тихвина явилась чудотворная икона Божией Матери, до того дарившая чудеса исцеления на Новгородчине и в Обонежье, а впервые – на Ладого. По преданию образ Тихвинской Божией Матери написан самим евангелистом Лукой.

Вокруг святого места явления Богородицы в Тихвине была сооружена деревянная церковь, около которой быстро выросло поселение.

В этом благословенном месте в 1830 году родился **Дмитрий Иванович Конецкий**, старейший из рода Конецких, о котором мы имеем сведения⁶⁸.

Служил Д. И. Конецкий в Петербурге бухгалтером на железной дороге (по другим сведениям – конторщиком в типографии). Женился поздно, в сорок шесть лет, на Марии Базуновой. Этот брак подарил прекрасных дочерей, но Дмитрий Иванович болел⁶⁹, в год появления на свет младшей дочери его разбил паралич⁷⁰.

⁶⁷ В кн. «Никто пути пройденного у нас не отберёт».

⁶⁸ До 1918 г. Тихвинский уезд был одним из уездов Новгородской губернии.

⁶⁹ Из воспоминаний Л. Д. Конецкой (хранятся в семейном архиве Конецких).

⁷⁰ 26 августа 1892 г. выдано свидетельство о перечислении Д. И. Конецкого к Санкт-Петербургскому мещанскому обществу для нахождения в Елизаветинской богадельне (ЦГИА СПб. Ф. 222. Оп. 1. Д. 421). Вероятно, речь о Елизаветинской богадельне Елисеевых (В. О., 3-я линия, д. № 28–32).

Скончался же Д. И. Конецкий 11 августа 1908 года в почтенном возрасте, 78-ми лет от роду⁷¹, и 14 августа был похоронен на Волковском православном кладбище⁷² на пособие, которое его старшим дочерям выплатили по месту их службы (могила не сохранилась).

...Икона Тихвинской Божией Матери, переданная в Николо-Богоявленский морской собор вдовой Д. И. Конецкого, ценная, не по карману была простым обывателям-мещанам, такие дарят в дни больших праздников. Может, и был Дмитрий Иванович в родстве с купеческой семьёй⁷³, но его внук Виктор об этом не размышлял. Но помнил (и рассказывал мне о том), как в 1930-е годы на Неве они с матерью видели пароход, на надстройке которого читалось – «И. И. Конецкий»: Любовь Дмитриевна на вопрос любопытного сына лишь махнула рукой.

До 1917 года купцы Конецкие, занимавшиеся с середины XIX века торговлей хлебными товарами, жили в Тихвине на Новгородской улице, сплошь купеческо-разночинной, среди собственников значился лишь один дворянин.

В 1857 году купец 2-й гильдии **Григорий Иванович Конецкий** (1831–1872), видать, из торговых крестьян, – основал в Санкт-Петербурге транспортную фирму «Невское баржное пароходство». После его смерти фирму унаследовал его младший брат Иван.

Иван Иванович Конецкий (1835 – 9 декабря 1889)⁷⁴ был умным и работящим человеком. Начинал он «в подрядах»; впоследствии удачная женитьба на купеческой дочери Ираиде Матвеевне Ланской позволила ему подхватить и развить семейное пароходное дело.

Суда И. И. Конецкого ходили по Волге с притоками, Мариинской и Тихвинской системам, а буксирные пароходы – по Неве, Шексне и Каме с притоками⁷⁵.

⁷¹ Там же.

⁷² ЦГИА СПб. Ф. 643. Оп 1. Д. 205 об.–206.

⁷³ Конецкие, ставшие впоследствии купцами, появились в Тихвине в 1840-е годы из Архангельской губернии; вероятно, была не одна ветка тихвинских Конецких.

⁷⁴ Петербургский некрополь / [Великий князь Николай Михайлович] ; В. И. Саитов. – Санкт-Петербург : Тип-я М. М. Стасюлевича, 1912. – Т. 2. – С. 459. [Скончался на 55 г. жизни. Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры].

⁷⁵ Об утверждении Устава Товарищества судоходства и пароходства «И. Конецкий» по рекам Неве, Шексне и Волге с притоками. 1899 г. РГИА. Ф. 95. Оп. 3. Д. 1032.

Один из многочисленных внуков судовладельца И. И. Конецкого кинорежиссер Сергей Эйзенштейн⁷⁶ писал в «Автобиографии»: «Не могу похвастать происхождением. Отец не рабочий. Мать⁷⁷ не из рабочей семьи. Отец архитектор и инженер. Интеллигент. Своим, правда, трудом пробился в люди, добрался до чинов. Дед со стороны матери хоть и *пришёл босой в Питер, но не трудом пошёл дальше, а предпочёл предприятием – баржи гонял и сколотил дело. Помер. Бабка – “Васса Железнова”* (курсив мой. – Т. А.). И рос я безбедно и в достатке»⁷⁸.

Ираида Матвеевна Конецкая (1846 – 11 апреля 1905)⁷⁹ подарила мужу пятерых сыновей и четверёх дочерей. После ранней кончины супруга она взяла его дело в свои руки. В марте 1900 года был утверждён Устав Товарищества судоходства и пароходства «И. И. Конецкий» на паях с капиталом 800 тысяч рублей. Членами Правления Товарищества стали купчиха 1-й гильдии Ираида Матвеевна Конецкая, её сын Сергей Иванович и племянник И. И. Конецкого – Иван Григорьевич Конецкий, в кандидаты попал сын купчихи Иван Иванович, а сыновья Евгений и Пётр стали членами Ревизионной комиссии Товарищества.

Семейство Конецких в 1895 – 1917 годах, проживало на Старо-Невском проспекте, в доме № 173, там же находилось и Правление Товарищества. Дом этот сохранился (он сильно пострадал во время Великой Отечественной войны, после реконструкции вырос на два этажа).

...Ираида Матвеевна Конецкая скончалась на паперти Троицкого собора Александро-Невской Лавры, молясь на надвратную икону.

Семейное дело возглавили её сыновья – **Иван, Сергей и Евгений**, а директором правления товарищества судоходства и пароходства «И. И. Конецкий» стал коммерции-советник, купец 1-й гильдии, потомственный Почётный гражданин **Иван Гри-**

⁷⁶ *Эйзенштейн Сергей Михайлович* (10 января 1898 – 11 февраля 1948) – режиссёр театра и кино, художник, сценарист, теоретик искусства, педагог.

⁷⁷ *Эйзенштейн (урожд. Конецкая) Юлия Ивановна* (1875 – 8 августа 1946) – свою мать С. М. Эйзенштейн запечатлел в фильме «Броненосец “Потёмкин”» в эпизоде (дама в белой шляпе с гусем); прах матери режиссёра погребён в колумбарии Донского кладбище в Москве.

⁷⁸ Эйзенштейн С. М. Избранные произведения : в 6 т. / Сергей Михайлович Эйзенштейн. – Москва : Искусство, 1964. – Т. 1. – С. 72.

⁷⁹ Петербургский некрополь / [Великий князь Николай Михайлович] ; В. И. Саитов. – Санкт-Петербург : Тип-я М. М. Стасюлевича, 1912. – Т. 2. – С. 459. [Скончалась на 59 г. жизни. Похоронена на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры].

горьевич Конецкий – племянник почившего главы семьи купца И. И. Конецкого.

Иван Григорьевич Конецкий (? – 31 декабря 1934, Булонь-на-Сене)⁸⁰ стал выборным от петербургского купеческого сословия (с 1896 г.), гильдейским старостой Петербургской купеческой управы (1896–1906 гг.), товарищем председателя Попечительского совета Петровского училища Петербургского купеческого общества, членом правления Петербургского Общества взаимного кредита (в 1913 г.), председателем правления Петроградского общества взаимного кредита (с 1913 г.), директором правления Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов (с 1916 г.), членом ревизионной комиссии Русского Торгово-Промышленного банка.

В 1905 году И. Г. Конецкий был включён в список кандидатов в Государственную думу по Петербургу от соединенного Комитета монархических партий: Союза 17-го октября, Прогрессивной экономической партии, Торгово-промышленного союза и Партии правого порядка.

В 1910 году по государственной программе реформирования флота из Товарищества «И. И. Конецкий» возник ряд ведущих заводов Санкт-Петербурга и Ижоры⁸¹.

В 1913 году Товарищество «И. И. Конецкий» получило право выпуска облигаций (с увеличением основного капитала до 1,2 млн. рублей и балансе в 3942124 рублей). К началу Первой мировой войны флот Товарищества включал свыше 40 пароходов (колёсных и винтовых) и 250 барж. Товариществу принадлежали пристани и доки в Петербурге, Нижнем Новгороде и Рыбинске. В 1914 году имя И. Г. Конецкого попало в список деловой элиты России⁸².

...В конце 1960-х годов в писательский дом на улице Ленина, где проживал Виктор Конецкий с матерью Любовью Дмитриевной, пришла внучка «Вассы Железновой» – **Евгения Ивановна**

⁸⁰ Конецкий И. О почётном гражданине. 1900 г. РГИА. Ф. 1405. Оп. 101. Д. 12205. Конецкий И., Почётный гражданин, купец, коммерции советник, товарищ председателя Попечительского совета Петровского училища Петербургского купечества. 1909 г. РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 64а. Л. 36 об.–40.

⁸¹ Об изменении Устава товарищества пароходства и судоходства для перевозки грузов по Мариинской системе. Каме и их притоках «И. И. Конецкий». 1912–1914 гг. РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2846; Ф. 23. Оп. 14. Д. 270; Ф. 24. Оп. 28.

⁸² Товарищество судоходства и пароходства «И. И. Конецкий». 1915–1916 гг. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 986.

Конецкая (1909 – 30 марта 1996), возникло дружеское расположение друг к другу, и оно сохранилось навсегда.

В 1976 году Евгении Ивановне удалось разыскать родственников во Франции: в 1916-м её отец Иван Иванович Конецкий (как и Иван Григорьевич Конецкий) бежал из России. Через некоторое время он женился в Париже на француженке, у них родилась дочь Ида. Сводную сестру и её семейство и разыскала Евгения⁸³.

Муж сестры Иды Сергей сообщал ей:

«...[Конецкие] были большими северными капиталистами. Их корабли ходили по Неве, по Волхову до Новгорода, потом пошли по Мариинской системе каналов и приготавливалось создание “Русского пароходства Петербург – Нью-Йорк”. Твой папа на свой счёт строил железную дорогу Петербург – Мурманск с концессией на 99 лет... Он подружился с князем Юсуповым, который вошёл в компанию пароходства, как и другой его приятель, князь Шереметев. Они были, пожалуй, самыми богатыми людьми в России. Когда Юсупов убил Распутина, то твой папа умудрился в 24 часа получить командировку в Англию и немедленно уехать подальше от “царского гнева”. Там он и оставался и больше в Россию не возвращался. Умер он в Париже, после операции язвы в желудке <...>

Другие Конецкие были банкирами в Москве и умели “делать деньги”. В Англии в банке лежит колоссальная сумма денег, принадлежащая “Мариинскому пароходству и судоходству”, Иван Иванович [Конецкий] завещал всё своим детям поровну. Но, увы, доказать, что это его деньги – невозможно, и они после 100 лет достанутся Англии...».

Судьба Евгении Ивановны Конецкой сложилась не просто. Она воспитывалась без родителей. В записках Виктора Конецкого сохранились сведения о том, что её мать, бросив троих детей, сбежала в Югославию с каким-то офицером, была там покинута возлюбленным, бедствовала вдали от родины, на жизнь зарабатывала шитьём. В семь лет Женя осталась и без отца.

В молодости Е. И. Конецкая выступала в цирке; во время блокады Ленинграда работала заведующей снабжением в Ленинградском НИИ по болезням уха, горла, носа и речи Народного комиссариата здравоохранения СССР, участвовала в работе по развёртыванию

⁸³ Документы Е. И. Конецкой находятся в личном архиве семьи Конецких.

госпиталей, тушении зажигательных бомб, в 1943 году награждена медалью «За оборону Ленинграда»⁸⁴.

Евгения Ивановна жила одиноко, на скромную пенсию. Виктор Викторович Конецкий ей помогал, он был практически единственным близким человеком, которому она всегда могла позвонить. Время своё Евгения Ивановна проводила в заботах о бездомных животных, и родственникам во Францию писала, что у неё «есть всё, о чём может мечтать советская женщина».

Е. И. Конецкая скончалась от черепно-мозговой травмы, полученной то ли при падении в результате несчастного случая, то ли в результате разбойного нападения в парадной тёмного питерского дома. Ей было 87 лет.

Прах Евгении Ивановны погребён на Смоленском православном кладбище, рядом упокоен Виктор Конецкий – обоим не стало 30 марта, с разницей в шесть лет. Судьба и добрая воля соединили Конецких на семейном участке писателя, а одного ли они корня и не важно.

...В 1976 году Виктор Борисович Шкловский на своей книге «Эйзенштейн» сделал надпись: «Виктору Конецкому, не для розыска предков, а для того, чтобы он чаще вспоминал Виктора Шкловского. А у меня вокруг всё срублено. Не очень надо так долго жить. Но ты живи, а то СССР забудет о том, что она шибко и громко морская страна...»

Жена Д. И. Конецкого – **Мария Павловна Конецкая**, урожденная Базунова, появилась на свет 26 июля 1859 года.

Маша была сиротой и воспитывалась в семье своих крёстных родителей. После окончания гимназии, в возрасте шестнадцати лет, она была выдана замуж.

Мария Павловна «была женщина строгая и крутого, этакого адмиральского нрава. Её в семействе не только слушались беспрекословно, но и побаивались трепетно», – так писал о ней Виктор Конецкий⁸⁵.

Супружество Марии Павловны было омрачено потерей умершего в младенчестве сына, болезнью мужа. Её дочери, отличные и по характеру, и по темпераменту, требовали большого внимания и терпения, а расходы семьи диктовали необходимость подрабатывать шитьём.

⁸⁴ База данных: <https://medal.spbarchives.ru/search>

⁸⁵ «Вчерашние заботы» (гл. «Улыбка Колымы»).

Что было радостного в её небогатой событиями жизни? Поездка со старшей дочерью в Париж, редкие красивые наряды, которые она любила, театральные впечатления, которыми не была обделена... Она дожила до той поры, когда можно было радоваться внукам, их было пятеро, и не увидела всей дальнейшей трагедии своей семьи – аресты зятьёв и дочери Ольги, гибель старших дочерей в блокаду, одиночество младшей любимой Любочки...

Скончалась Мария Павловна Конецкая 30 июля 1933 года, похоронена на Смоленском православном кладбище.

Там же надгробная плита, на которой можно прочитать: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. В сем месте погребено тело рабы Божией жены парикмахера Импер. Театра Варвары Ивановны Кондратенко Скончалась 17 мая 1872 года на 35 году от роду. От детей».

Возможно, это могила крестной матери М. П. Конецкой, что объясняет её ранний брак с немолодым Дмитрием Ивановичем.

Мария Павловна принадлежала к семье книгоиздателей Базуновых⁸⁶, но кроме этого факта о её корнях ничего неизвестно.

Сведения об этой некогда большой и интересной семье имеются в разных источниках. Но недаром С. Н. Белов, один из исследователей книгоиздательской деятельности Базуновых, писал, что «Базуновы – одна из самых странных и загадочных фамилий в истории русского книготоргового и книгоиздательского дела»⁸⁷.

Действительно, ни один из известных печатных источников не содержит сведений обо всех представителях этой семьи, занимавшихся книжным делом, не раскрывает со всей полнотой незаурядную их деятельность и практически умалчивает о дальнейшей судьбе семьи после разорения А. Ф. Базунова – последнего известного книгоиздателя из этого рода.

Семья Базуновых происходила из крепостных князя М. С. Долгорукова, до переезда в Москву проживала в Орловской губернии⁸⁸.

⁸⁶ Брат В. Конецкого Олег сообщил в «Автобиографии» (9 февраля 1956 г.), что «сменил фамилию отца на фамилию бабушки по матери, чтобы не пользоваться литературным псевдонимом», но в его документах значилось: Бозунов (позднее в паспорте было исправлено: Базунов); его жена Ирина носила двойную фамилию Бозунова-Пестрякова и менять-исправлять её не стала.

⁸⁷ Белов С. Н. Издательская деятельность А. Ф. Базунова / С. Н. Белов // Роль книги в демократизации культуры. – Ленинград : [б. и.], 1987. – С. 61–73.

⁸⁸ Материалы по истории московского купечества. – Москва : [б. и.], 1887. – С. 234.

Книжная торговля Базуновых⁸⁹ существовала с 1810 года. Начало торговому делу положил в Москве **Василий Иванович Базунов**. Его дело продолжили его дети, впоследствии трое из них завели собственное дело: **Алексей Васильевич Базунов**, помогавший отцу с пятнадцати лет, и **Иван Васильевич Базунов** (1786–1866) в Москве, а **Фёдор Васильевич** (ок.1796–1854) в Петербурге.

Но самый заметный след в истории книготорговли оставил сын Фёдора Васильевича – Александр Фёдорович Базунов (1825–1899). Он начинал в Петербурге приказчиком в книжном магазине А. Ф. Смирдина (1795–1857), а затем, унаследовав дело отца, продолжил книготорговлю, вскоре занялся и книгоиздательской деятельностью. Книжный магазин А. Ф. Базунова располагался на Невском проспекте, д. № 28, затем – переехал в дом В. В. Энгельгардта (впоследствии Е. В. Ольхиной) на Невском, д. № 30⁹⁰.

«Между фирмами петербургской книжной торговли фирма А. Ф. Базунова считалась всегда одной из солидных, а из либеральных книжных магазинов, к которым почему-то причислялся и магазин г. Базунова, этот магазин был почти единственно благонадёжным...», – сообщалось в «Отечественных Записках»⁹¹.

В магазине А. Ф. Базунова продавались книги по самым разным отраслям знаний: богословская литература, книги по экономике, истории, искусству, книги для народного чтения и обучения (азбуки и грамматики), «Жизнеописания замечательных людей», «Краткая русская история» Н. Ушакова, сочинения Брема. Многие книги стоили 10–40 копеек и были доступны покупателям из простого сословия. В магазине А. Ф. Базунова продавались и разнообразные периодические издания: «Русская старина», «Морской сборник», «Русский вестник», «Природа», «Московские ведомости». Отдал дань А. Ф. Базунов и морской теме, издав «Морское призовое право», «Краткие сведения о русских морских сражениях», 2-томник «История американского флота».

Но самым значительным поступком Александра Фёдоровича Базунова стало издание «Библиотеки современных писателей».

⁸⁹ Тимофеева Л. А. М. Е. Салтыков-Щедрин и судьба потомственных книжников Базуновых / Любовь Анатольевна Тимофеева // Щедринский сборник. – Москва : РИО МГУДТ, 2016. – Вып. 5. – С. 15.

⁹⁰ Невский пр., д. № 30 – угол наб. канала Грибоедова, д. № 19; ныне – Малый зал Филармонии. См.: Адресная книга Санкт-Петербурга. 1867–1868 гг.

⁹¹ Елисеев Г. Внутреннее обозрение / Г. Елисеев // Отечественные Записки. – 1876. – № 3. – С. 133.

А. Ф. Базунов был в хороших отношениях со многими известными писателями: он стал первым издателем Глеба Успенского, его имя встречается в письмах А. И. Герцена, который часто отправлял через магазин Базунова книги по нужным адресам, Ф. М. Достоевского, три книги которого он издал («Записки из Мёртвого дома», 1862 г.; «Преступление и наказание», 1867 г.; «Вечный муж», 1871 г.), А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В книге Н. И. Свешникова «Воспоминания пропадающего человека» Александр Фёдорович характеризуется как человек «с большим культурным размахом»⁹². Ф. М. Достоевский, хорошо знавший А. Ф. Базунова, в письме к Аполлону Майкову характеризовал своего книгоиздателя как человека, с которым «можно говорить прямо», и который «любит спрашивать советы»⁹³.

На издании книг современных писателей в начале 1876 года А. Ф. Базунов и разорился – задолжал бумажным фабрикантам, типографиям, отдельным лицам, и был объявлен несостоятельным должником.

«Решив издавать отдельными книгами произведения русских беллетристов, Базунов выпустил в короткое время более 50 сочинений разных авторов, в том числе Достоевского, Глеба Успенского, Лескова, Боборыкина, Засодимского, Авсеенко и даже... Буренина. В несколько лет он буквально заполонил весь русский книжный рынок своими изданиями по беллетристике. Писатели один за другим охотно передавали Базунову право на издание своих романов и повестей, во-первых, потому, что каждому приятно было видеть свои произведения изданными отдельно, и, во-вторых, потому что Базунов платил всегда наличными, хотя, как утверждали люди сведущие, платил мало. В литературных кружках держалось твёрдое убеждение, что Базунов наживает на русских беллетристах громадные капиталы и... вдруг оказался банкротом, несостоятельным должником...», – так комментировал финал книгоиздательской деятельности А. Ф. Базунова «Книжный вестник»⁹⁴.

Большинство исследователей книготорговой деятельности Александра Фёдоровича Базунова считают, что причиной его

⁹² Свешников Н. И. Воспоминаниям пропадающего человека / Н. И. Свешников. – Москва – Ленинград : «Academia», 1930. – С. 505 (именной указ. сост. Л. Модзалевским и С. Шестериковым).

⁹³ Достоевский Ф. М. Статьи и материалы / Ф. М. Достоевский ; под ред. А. Долинина. – Петроград : [б. и.], 1922. – С. 428–429.

⁹⁴ Либрович С. Ф. Литературные гонорары русских беллетристов / С. Ф. Либрович // Книжный вестник. – 1904. – № 34. – С. 917–951.

разорения стало желание «согласовать коммерческие начала с общественной полезностью изданий»⁹⁵.

Показателен тот факт, что в своё время и А. Ф. Смирдин разорился на массовом издании «Полного собрания сочинений русских авторов».

Н. С. Лесков, сочувствовавший прогоревшему Александру Фёдоровичу, предложил издать сборник в пользу издателя «Библиотеки современных писателей», наподобие сборника, изданного в пользу Смирдина, но не встретил сочувствия.

Разорение А. Ф. Базунова вызвало множество толков. На коммерческом суде по делу о банкротстве издателя всплыл вопрос о мизерных гонорарах, которые выплачивал издатель авторам⁹⁶. В печати появились неприличные намеки на «излишнее увлечение молодыми чувствами», «перекрасившего свои волосы не просто в тёмный цвет, а в смесь тёмного с зелёным» издателя, «на гнусную алчность книгопродавцов»⁹⁷. Отъезд оглушённого разорением А. Ф. Базунова на лечение за границу на непродолжительный срок журналисты были склонны характеризовать как попытку побега от кредиторов.

В 1876 году А. Ф. Базунов был объявлен несостоятельным должником. Оставшись без средств к существованию⁹⁸, он занял скромное место приказчика с жалованьем в девяносто рублей в месяц у книгопродавца К. Н. Плотникова в Гостином дворе, где и прослужил до самой своей смерти 3 июля 1899 года. Увы, и могила Александра Фёдоровича Базунова на Волковском кладбище⁹⁹ не сохранилась.

Сохранился вот этот интересный документ:

*Его Сиятельству графу Александру Владимировичу Адлербергу*¹⁰⁰.

⁹⁵ Книговедение : энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1982. – С. 29.

⁹⁶ Из «Воспоминаний» А. Г. Достоевской: «...К кому бы [из издателей] мы ни обращались, нам предлагали очень невыгодную цену: так, за право издания отдельной книгой романа “Вечный муж“ (в 2000 экземпляров) книгопродавец А. Ф. Базунов уплатил нам сто пятьдесят рублей...» (Москва : «Захаров», 2002. – С. 222).

⁹⁷ Елисеев Г. Внутреннее обозрение / Г. Елисеев // Отечественные Записки. – 1876. – № 3. – С. 134–152.

⁹⁸ Базунов А. Ф. О продаже с публичных торгов его имения в Выборгской части Петербурга. 1878 г. РГИА. Ф. 759. Оп. 89. Д. 57. Л. 66–68.

⁹⁹ Петербургский некрополь. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1912. – Т. 1. – С. 125.

¹⁰⁰ Адлерберг Александр Владимирович (1 мая 1818 – 22 сентября 1888) – генерал-адъютант; в 1870–1881 гг. – министр императорского двора и уделов.

23 мая 1871 г.

Книгопродавец Базунов в течение нескольких лет кряду поставлял книги, журналы и газеты для в Бозе почившей Государыни Императрицы Александры Фёдоровны.

По настоящее время из книжного магазина Базунова берутся книги и журналы почти для всех особ Императорской фамилии, а также для собственной библиотеки Его Императорского Величества.

Доказательством точности использования поручений и добросовестности Базунова служит то, что он уже много лет состоит комиссионером Императорской Академии наук, Морского ученого комитета, Министерства юстиции, Министерства финансов и Императорского университета Святого Владимира.

Из иностранных книгопродавцов в Петербурге двое – г. Мелле (бывший Дюфурь) и Шмицдорф носят звание книгопродавцов Его Императорского Величества, между тем как из русских никто еще не удостоен этого высокого счастья.

Во внимание по всему вышеупомянутому Базунов просит об исходатайствовании Всемилостивейшаго дозволения ему именоваться книгопродавцом Двора Его Императорского Величества.

Имею честь почтительнейше ходатайствовать пред Вашим Сиятельством по упомянутой просьбе Базунова¹⁰¹.

Генерал-адъютант Посьет[К. Н.]¹⁰²

Поставщиком Его Императорского Величества стал счастливый конкурент А. Ф. Базунова – поляк М. О. Вольф.

После разорения А. Ф. Базунова остались нераспроданными книги на несколько сотен тысяч рублей – на них не было спроса, и они «лежали камнем» на складах издателя. Проблему с книгами разрешил в 1900 году пожар на складе, который и уничтожил остатки изданий.

...В июне 1999 года В. В. Конецкий получил письмо из Новосибирска. Его адресат – учёный **Евгений Петрович Базунов** – со-

¹⁰¹ По ходатайствам разных лиц о даровании звания поставщика Высочайшего Двора с правом иметь на вывеске изображение государственного герба, 1871–1872. РГИА. Ф. 472. Оп. 23. № 7.

¹⁰² *Посьет Константин Николаевич* (21 декабря 1819 – 26 апреля 1899) – генерал-адъютант, в 1870–1881 гг. – министр императорского двора и уделов.

общал, что является одним из потомков известных книгоиздателей.

«Надо отметить, – писал Евгений Петрович, – что, возможно, все Базуновы – от одного корня, которого звали “базуном”, т. е. человеком, дающим затрешины (это слово исчезло из русского языка уже в 19-м веке, но в толковом словаре Даля оно еще есть). Октябрьская революция обернулась для нашего рода кровавой трагедией, хотя именно он боролся в 19-м веке за социальную справедливость. Мой дед – офицер русской армии Базунов Е. А. погиб в тюрьме перед войной, отец мой одно время был беспризорником, учился в ФЗУ, затем трудно пробивался в жизни, в институт поступил в 40 лет, закончил – в 45. Естественно, документов нет никаких, давно нет в живых моего отца и его брата (они остались только в моей памяти). А от рода Базуновых мне достались “широкая моя кость да природная моя злость”¹⁰³ и ещё любовь к книгам...»

Евгений Петрович был близок с Олегом Викторовичем Базуновым, состоял с ним в длительной переписке. В Санкт-Петербургском издательстве «Алетейя» изданы две монографии Е. П. Базунова «Объективное существование Бога как проблема науки» (2010 г.) и «Происхождение человека современного типа как формы Разума и его будущее» (2012 г.).

II

Старшая дочь Марии Павловны и Дмитрия Ивановича Коонецких – **Матрёна (Матрона) Дмитриевна** – родилась в Петербурге 27 марта (7 апреля) 1876 года.

Матюня (так её звали дома) в 1884 году поступила «на испытание» в Санкт-Петербургское театральное училище на балетное отделение, а в 1888 году была зачислена в «казённокоштные» воспитанницы.

Театральное училище числилось среди привилегированных учебных заведений столицы и отбирали в него учеников с пристрастием. «Тут строго оценивали данные будущих танцовщиков. Кроме того, немалое внимание обращали на внешность. Она должна была быть привлекательной, особенно у девочек – опять-таки с балетной точки зрения. Это значило: важна прежде всего не красота даже, а сценичность, пропорциональность черт

¹⁰³ Владимир Высоцкий «Песня Рябого» из кф. «Хозяин тайги» (1968 г.).

лица...»¹⁰⁴. От поступающих на балетное отделение требовалось умение читать и писать по-русски, знать необходимые молитвы и элементарные понятия о счислении.

Учителями будущих танцовщиц и танцовщиков были М. И. Петица, Е. О. Вязем, П. А. Гердт, Х. П. Иогансон, П. К. Карсавин. Учили их не только танцу, но и музыке, церковному пению, фехтованию и даже военным приёмам.

Во время учёбы Матрёна Конецкая принимала участие в публичных выступлениях в Михайловском и Мариинском театрах, школьных и выпускных спектаклях. Она отметилась в дивертисменте (балет «Флорида», 1889 г.), и с Матильдой Ксешинской и Лидией Кякшт в их выпускном спектакле 1890 года, и в балете «Метеор» (1892 г.), и в сцене нимф в фантастическом балете «Волшебная сказка».

23 мая 1893 года М. Конецкой был выдан Аттестат об окончании училища – при отличном поведении она показала «очень хорошие» успехи в балетных и бальных танцах. С 1 июня 1893 года она была определена в балетную труппу Императорского (Мариинского) театра кордебалетной танцовщицей на жалование в шестьсот рублей.

В те годы Петербург являлся единственным городом, в котором сильно увлекались хореографией, его называли «танцевальным городом». Ни одна столица Европы не имела государственного постоянного балета, как самостоятельного искусства. Даже в Париже в Grand Opera балеты, как правило, шли в качестве приложений к операм. В Мариинском же театре давалось ежегодно до пятидесяти балетных спектаклей.

Начало творческой карьеры для Матильды Конецкой (её сценическое имя) совпало с рождением младшей сестры Любочки, болезнью отца, с необходимостью брать на себя все заботы об обучении сестёр Ольги и Зинаиды – учениц гимназии... Уже тогда Матильда Дмитриевна стала «семейным центром любви и помощи всем». Такой её запомнил и племянник Вика¹⁰⁵.

Характер Матильды верно передают все сохранившиеся фотографии: мягкий умный взгляд, серьёзные широко распахнутые карие глаза. На старых фотографиях Матюня выглядит не-

¹⁰⁴ Красовская В. М. Ваганова / Вера Михайловна Красовская. – Москва : «Аграф», 1999. – С. 331.

¹⁰⁵ «Из семейной хроники».

сколько меланхолично (как и на известном шарже Легатов)¹⁰⁶, но в этом – проявление её сдержанности, скромности.

О насыщенности творческой жизни Матильды Конецкой дают представление Ежегодники Императорских театров¹⁰⁷: с 1893-го по 1912 год она принимала участие в балетных спектаклях, в оперных и драматических постановках и дивертисментах, выходя на сцену от 70 до 140 раз в год¹⁰⁸.

Первые выходы на сцену Матильды Конецкой – в балетах «Жертвы Амура» (балет М. И. Петипа, постановка Л. И. Иванова, муз. Л. Минкуса), «Золушка» (М. И. Петипа, Л. И. Иванов и Э. Ц. Чекетти), «Копелия» (бенефис Пьерины Ленъяни, постановка М. И. Петипа, возобновлена Э. Ц. Чекетти), «Лебединое озеро» («В память П. И. Чайковского»), «Капризы бабочки» (М. И. Петипа), «Талисман» (К. А. Тарновского и М. И. Петипа), «Конёк-горбунок» (Сен-Леон, музыка Ц. Пуни), «Ацис и Галатея» (заимствовано из «Метаморфоз» Овидия). Репертуар Императорского театра давал ей возможность показать себя в танцах многочисленных прелестных пастушек, бабочек, сильфид и nereid.

Через три года, в 1896 году Матильда Конецкая была переведена в корифейки¹⁰⁹ с окладом в семьсот рублей. В тот год она принимала участие в балете «Жемчужина» – изображала одну из прекрасных жемчужин, спрятанных на дне океана в волшебном гроте из перламутра и кораллов от взоров смертных. Этот балет был поставлен М. И. Петипа (музыка дирижера Мариинского театра Ричарда Дриго) 17 мая 1896 года как парадный коронационный спектакль.

В 1897 году на сцене Петергофского театра Матильда Конецкая принимала участие в парадных спектаклях в честь посетивших Россию именитых гостей – Императора Австрийского Франца-Иосифа I, короля Сиамского, президента Французской республики Феликса Фора, Императора Германского Вильгельма II.

¹⁰⁶ Легат Н. Г., Легат С. Г., братья. Русский балет в карикатурах : [в 12 вып.]. – Санкт-Петербург : художественная автолитография «Прогресс» инженера Н. А. Соколова, 1903. 95 л. портр. 31 x 23,5 см.

¹⁰⁷ Доступны для изучения в Театральной библиотеке (ул. Зодчего Росси, д. № 2).

¹⁰⁸ На страницах «Ежегодника» появлялись изображения М. Конецкой: в роли астролога в балете «Синяя Борода» (1896/97 гг., с. 236), в балете «Грациелла» Сен-Леона (1901/1902, с. 167).

¹⁰⁹ В классическом балете корифейка – это солирующая танцовщица, танцующая впереди кордебалета, но не исполняющая главные партии в спектакле.

В книге «Наш балет» театральный критик А. А. Плещеев¹¹⁰ писал: «Было бы несправедливо не упомянуть о кордебалете, который бесспорно является одним из украшений нашего балета; такие кордебалетные танцовщицы, как г-жи Сланцова, красавица Уракова, Кшесинская-1, Бакеркина, Васильева, Конецкая <...> едва ли найдутся на европейских сценах, где кордебалет составляется из совершенно не подготовленных к сцене красивых женщин. О танцовщиках кордебалета я уже не говорю: это самое слабое место парижской и итальянской сцен»¹¹¹.

Позднее, когда некоторые танцовщики из кордебалета петербургского Императорского театра окажутся в труппе С. П. Дягилева, французская публика будет в восторге от их мастерства, а газета «L'Intransigeant» напишет: «У нас, когда балерина танцует, кордебалет остается словно вросшим в землю, с повисшими руками. У русских же вся сцена залита лихорадочным ожиданием, среди которого отдельные балерины врываются в общую пляску и появляются на гребне её, подобно морским травам, что приносятся на берег волною и вновь уносятся ею...»

...Репертуар Императорского театра менялся, к началу XX века появились спектакли – балетные и оперные, – которые стали классическими для петербургской сцены: «Спящая красавица», «Жизель», «Эсмеральда», «Времена года», «Корсар», «Дочь фараона», «Пахита», «Щелкунчик». Матильда Конецкая не осталась незамеченной: в опере «Жизнь за царя» она мастерски танцевала краковяк, в балете «Дочь фараона» – в массовых сценах, т. е. в балабиле¹¹², отличилась в числе грациозных Ураковой и Бакеркиной; в балете «Раймонда», в котором блистала знаменитая Пьерина Ленъяни, «в роли “испанки” по оживлению и стремительности старалась приблизиться к г-же Петипа...»¹¹³.

С 1900 года Матильда Конецкая – 2-я танцовщица Императорского театра. На сцене царит другая Матильда – Ксешинская, публика в восторге от Ольги Преображенской, Анны Павловой, Веры Трефиловой и Юлии Седовой, юной Тамары Карсавиной и Вацлава Нижинского. В театре новый постановщик – Михаил

¹¹⁰ Плещеев Александр Алексеевич (19 октября 1858 – 5 декабря 1944) – писатель, драматург, журналист, театральный критик; сын поэта Плещеева Алексея Николаевича (22 ноября 1825 – 26 сентября 1893); автор первой в России книги об истории балета «Наш балет (1673–1896)»; скончался в эмиграции в Париже.

¹¹¹ Плещеев А. А. Наш балет: 1673–1899: Балет в России до начала XIX столетия и балет в Санкт-Петербурге до 1899 г. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1899. – С. 462.

¹¹² Балабиль – общий финальный танец.

¹¹³ Там же, с. 448.

Фокин, в его «Шопениане» Матильда танцует полонез, в «Фее кукол» исполняет «Барона».

В последние годы службы в театре у неё были небольшие сольные партии – в «Испытании Дамиса» (подруга Изабеллы), «Фиаметта» (цыганка), в «Петрушке». «В балете Стравинского “Петрушка” Матюня танцевала кормилицу. Особенно вызывал восторги её лихой и бесшабашный танец, когда по ходу действия вокруг пляшут кучера и другой простой люд», – писал Виктор Конецкий¹¹⁴, вспоминая рассказы матери.

В театре сдержанную Матильду считали миловидной, критики отмечали её изящество и грацию¹¹⁵, выделяли «среди усердных, опытных и знающих танцовщиц»¹¹⁶. У Матюни хватало поклонников и на именины 9 апреля она получала так много подарков, что часть их отправлялась в Литовский замок¹¹⁷, где была тюрьма, – несчастным арестантам.

Матильда Дмитриевна Конецкая прослужила в Императорском театре девятнадцать лет и закончила свою сценическую карьеру 19 июня 1912 году в положении 2-й танцовщицы.

Служба на сцене расшатала её здоровье. «Нервное расстройство, упорные головные боли, головокружения, бессонница при крайнем упадке сил», – так определял её состояние доктор театра Литский, когда она закончила сценическую карьеру¹¹⁸.

*Его Превосходительству Заведывающему Конторой Императорских Театров А. Д. Крупенскому
от бывшей артистки Матильды Д. Конецкой.*

ПРОШЕНИЕ

Выйдя на пенсию, я получаю пенсию по 2-му разряду, в размере 62 рублей 50 копеек. Имея на руках семью, состоящую из престарелой больной матери и несовершеннолетней сестры, которую нужно воспитывать и, находясь ввиду этого в сильно затруднительном материальном положении, я принуждена жить вне России, чтобы зарабатывать в частной антрепри-

¹¹⁴ «Никто пути пройденного у нас не отберёт» (гл. «Из семейной хроники»).

¹¹⁵ Петербургский дневник театрала. – 1904. – № 31. – С. 2. [О танце из балета «Приказ кроля»].

¹¹⁶ Обзорение театров. – 1908. – № 609 (17 дек.). – С. 6. [О бенефисе кордебалета возобновлением балета «Царь Кандавля»].

¹¹⁷ Литовский замок (тюрьма) располагался у пересечения р. Мойки и Крюкова канала, напротив Новой Голландии.

¹¹⁸ Дирекция Императорских театров. О службе артистки балетной труппы М. Конецкой. 1893–1912 гг. РГИА. Ф. 497. Оп. 7. Д. 16.

зе. Но, вследствие сильно расстроенного здоровья, ввиду моей долголетней службы на сцене Императорских театров, настоящим моя служба не может быть продолжительной, что поставит меня в совершенно безвыходное положение, а потому прошу ходатайства Вашего о выдаче мне усиленной пенсии.
6 октября 1912 года¹¹⁹

На этом документе имеется резолюция: «Виду того, что г-жа Конецкая в настоящее время имеет ангажемент и является лицом трудоспособным, предоставить ей пособие из Кабинета не представляется возможным».

«Всегда будет чиновничья власть конторы с её безразличием к судьбам актёров», – писала Вера Красовская¹²⁰ о русском Императорском театре того периода.

После выхода на пенсию Матильда Дмитриевна действительно недолго служила в частной антрепризе Эдуарда Фацера¹²¹ (1861–1943) в Гельсингфорсе, а затем – *fouettes of fate!* – по приглашению Сергея Павловича Дягилева, взяв с собой младшую сестру Любочку, отправилась во Францию, где давала спектакли Русская балетная труппа.

Контракт с Дягилевым Матильда Дмитриевна заключила на сезон 1912–1913 годов, затем он был продлён ей до августа 1914 года.

Имена сестёр Конецких сохранили фотографии и афиши спектаклей М. М. Фокина, шедшие в Берлине и Монте-Карло в те годы: «Карнавал», «Клеопатра», «Жизель», «Шахерезада», «Бабочки»¹²².

28 июля 1914 года началась Первая мировая война, и сёстры Конецкие поспешили через Финляндию вернуться в Петроград. Матильда Дмитриевна Конецкая устроилась санитаркой в Мариинскую больницу, а в 1915 году вернулась на сцену¹²³.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Красовская В. Ваганова / Вера Михайловна Красовская. – Москва : «Аграф», 1999. – С. 402.

¹²¹ *Фацер Эдуард (Эдвард)* (29 июля 1861 – 26 июня 1943) – финский пианист, дирижёр, импресарио.

¹²² Копии документов из архива С. П. Дягилева любезно переданы автору английским исследователем русского балета Эндрю Фостер (Andrew Foster), автором книги «Тамара Карсавина: Балерина Дягилева» (2018 г.).

¹²³ Балетные заметки / [подп.: П. М-й] // Обозрение театров. 1915. 16 февр. С. 5. [Об одноактном балете «Принц свинопас» на сцене Театра музыкальной драмы (размещался в здании Петербургской консерватории до 1919 г.): «Среди подруг принцессы грандиозностью танца выделялась г-жа Конецкая...»].

...Имя Матрёна означает – «замужняя женщина», почтенная дама, мать семьи. Свою жизнь Матрёна-Матильда Конецкая посвятила танцу, родителям и сёстрам. И замуж вышла, когда была устроена судьба уже и младшей сестры.

23 февраля (8 марта) 1918 года Матильда Дмитриевна вышла замуж за полковника Николая Михайловича Семёнова¹²⁴. Венчались Матильда и Николай в Эстонской Свято-Исидоровской православной церкви¹²⁵. Избранник Манюни не имел никаких собственных средств для жизни, и для него это был второй брак. Семёнов, по словам сослуживца генерал-майора А. И. Прозорова¹²⁶, «очень умный, хитрый и осторожный человек»¹²⁷, спасал Матильду Дмитриевну от смерти в голодном Петрограде...

Супруги уехали в Омск, где служил Н. М. Семёнов, но вместе прожили недолго: в 1921 году Матильда Дмитриевна одна

¹²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3717. Л. 461 об.–462.

¹²⁵ Одним из поручителей со стороны жениха был мичман флота В. Н. Симановский (источник: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3717. Л. 462). Семья Симановских была дружна с Конецкими; в семейном архиве хранится детская фотография братьев Симановских в матросских костюмчиках, а также новогодняя открытка от М. Симановской, адресованная «Ея Высокородию Любови Дмитриевне Конецкой».

Симановский Владимир Николаевич (24 февраля 1897 – 18 января 1938) – капитан 2 ранга; окончив в 1915 г. 2-ю гимназию, поступил в Петроградский Политехнический институт на электро-механическое отделение; в июле 1916 г., по призыву студентов, поступил в Школу прапорщиков по адмиралтейству в Ораниенбауме, учился до ноября 1916 г.; командовал ротой во 2-м Балтийском флотском экипаже; в октябре 1918 г., после ликвидации экипажа, уволен от службы и поступил в Управление Водного Транспорта Балтийского моря (Трансбалт); в Красном флоте с июля 1921 г., назначен на дивизию ПЛ БМ старшим флаг-секретарём Штаба; служил на ПЛ «Тур», «Батрак», «Комиссар»; в 1924 г. окончил класс подводного плавания ВМА; командир ПЛ «Большевик» (1927–1931 гг.); арестовывался по делу «Весна» (январь – июль 1931 г.); преподаватель УОПП им. Кирова и ВМУ им. Фрунзе (1931–1935 гг.); в июне 1935 г. назначен командиром ПЛ «Искра» (типа «Правда») 11-го дивизиона 1-й бригады ПЛ; 26 октября 1937 г. был арестован в Кронштадте «как член монархической организации из числа бывшего морского офицерства, ставившая своей целью совершить насильственный переворот в стране путём вооружённого восстания»; приговорён по ст. ст. 58-2-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания; о смягчении приговора ходатайствовал брат – кандидат медицинских наук *Симановский Леонид Николаевич* (работал сан. инспектором Отдела благоустройства г. Ленинграда). Источники: РГАВМФ. Р-2192. Оп. 2. Д. 1371. Л. 1–18; Ф. Р-1570. Оп. 7с. Д. 684. Л. 1–12.

¹²⁶ *Прозоров Алексей Иванович* (28 февраля 1860 – 1920) – генерал-майор (1914 г.); участник Белого движения на востоке России; интендант Народной армии самарского Комуча (до 10 августа 1918 г.); член Высшего военно-хозяйственного совета; в 1919 г. состоял в резерве чинов при штабе Омского Военного округа; 9 марта 1919 г. назначен товарищем министра снабжения и продовольствия в правительстве А. В. Колчака; арестован органами ВЧК 22 октября 1920 г. в Казани, умер в заключении (реабилитирован 28 октября 1998 г.).

¹²⁷ Штаб Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака. Судебно-следственное дело полковника Семёнова [обвиняемого в сочувствии Советской власти]. РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 170. Л. 29.

вернулась в Петроград. О её замужестве в семье не говорили. Более того, до получения мной документов из различных архивов Санкт-Петербурга и Москвы в начале 2000-х годов, Виктор Викторович Конецкий и не догадывался о том, что его любимая тётушка была когда-то замужем. «Мать умела молчать замечательно», – часто повторял он...

Николай Михайлович Семёнов (16 февраля 1869 – ?) родился в деревне Тебенянская (Тебенякова) Агафоновской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии, в месте проживания марийцев (черемисы).

В 1886 году Н. Семёнов окончил в Петербурге Александровский кадетский корпус (туда принимались дети военнослужащих), затем – 2-е Константиновское военное артиллерийское училище по 1-му разряду, после чего выпущен в 89-й пехотный Беломорский полк. Подпоручик (1887 г.), поручик (1891 г.). Командовал ротой, старший адъютант штаба 23-й пехотной дивизии (1895–1904 гг.); начальник отдельного Одесского окружного интендантского управления (1907–1911 гг.). Произведён в офицеры 17 августа 1888 года; полковник (6 декабря 1909 г.). Награждён орденами св. Станислава 3-й ст. (1902 г.), св. Анны 3-й ст. (1912 г.), св. Станислава 2-й ст. (6 декабря 1914 г.), св. Анны 2-й ст. (30 июля 1915 г.)¹²⁸.

К началу переломных революционных событий Н. М. Семёнов служил начальником вещевого склада в Омском военном округе по интендантской части (до 8 ноября 1917 г.).

В марте 1917 года от всех чинов Интендантского ведомства Семёнов был избран членом Совдепа «вследствие приказа по Округу, на основании которого избрание производилось во всех частях войск, управлениях и заведениях округа. Эта организация была узаконена Временным Всероссийским Правительством, но ему не придавалось значения органа власти, каким он стал при октябрьском перевороте, во времена власти большевиков».

«Возвращение революцией лозунга “свобода, равенство и братство” в их истинном, государственном значении, – писал Н. М. Семёнов позднее, – для меня не принесло ничего нового. В глубокой основе их заложено признание достоинства человеческой личности, что всегда мною учитывалось во всей моей жизнен-

¹²⁸ РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 153. Л. 216; ГА ОО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2. Л. 114–114 об.

ной и служебной деятельности. Своё отношение к службе я не изменил, продолжал требовать её исполнения по-прежнему и, когда мои права, вследствие приказа № 1 Временного правительства были сужены и, можно сказать, были почти отняты, я определённо и решительно осуществлял их... Уважение ко мне было настолько признано среди низших чинов, что я даже не замечал почти никакой перемены в общем порядке службы...»¹²⁹.

...1–5 февраля 1918 года в Петрограде проходил Всероссийский интендантский съезд, и Н. М. Семёнов был делегирован на него Военно-окружным комитетом Омска. Он должен был сделать доклад в столице «по делам Интендантства» в Центральном комитете по снабжению и продовольствию, «сообщить окружному интендантскому управлению самые подробные сведения о наличном составе военнослужащих в войсках Омского округа по каждому гарнизону отдельно, дабы при докладе народным комиссарам точно и определённо заявить потребность того или другого вида интендантского продовольствия».

В телеграмме-вызове требовался для доклада именно Н. М. Семёнов «как лицо вполне опытное в интендантском деле и знакомый с положением дела».

В Петрограде Н. М. Семёнов узнал о заключении сепаратного Брест-Литовского мира и демобилизации армий, ему было предложено «принять участие в формировании Красной армии на добровольческих началах... для защиты против вторжения германских войск в Россию». Семёнов от этого предложения отказался, полагая, что для создания такой армии «нужно время и определённые настроения», которых в обществе, как он считал, не было.

Николай Михайлович Семёнов вернулся из Петрограда в Омск с женой и продолжил службу председателем Коллегии Омского окружного интендантского управления.

Назначение полковника, заведовавшего ранее вещевым складом, на столь ответственный пост, его поездка в Петроград, ставший к тому моменту большевистским, общее катастрофическое положение дел со снабжением войск Верховного правителя России Колчака, под чьим командованием служил Н. М. Семёнов, обернулось для него в начале 1919 года разбирательством в Управлении контрразведки при Штабе Верховного Главнокомандующего адмирала А. В. Колчака¹³⁰.

¹²⁹ Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 170. Л. 50.

¹³⁰ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–95.

«Моё впечатление, – писал на документе допросов Семёнова генерал-лейтенант Зубов¹³¹, – что в этом деле есть интрига, но есть и серьёзное».

Интрига – обыкновенная человеческая зависть, анонимки, оговоры... Всё это есть в материалах допросов сослуживцев Н. М. Семёнова.

Серьёзное: Интендантское ведомство поставлено в такие условия, при которых оно оказалось бесполезно для войск Колчака при вопиющей разобщённости его действий с действиями Министерства снабжения и высшего Совета снабжения союзных армий, да ещё на фоне беспредельной вольности сибирских атаманов.

На допросах Н. М. Семёнов показал, что «в области снабжения он делал всё, что было возможно, так как Интендантское ведомство большевиками было разрушено, запасы расхищены. Войсковые части не считались с правилами, установленными для распределения довольствия, а брали всё сами: Сибирь не имела ни фабрик, ни заводов, из Европейской же России нельзя было ничего получить. Военные министры были осведомлены обо всём и, ввиду невозможности наладить интендантское дело, были приглашены к работе кооперативные организации, дело заготовок впоследствии было передано министру снабжения...»

«Можно допустить, – писал он¹³², – вынужденную необходимость оставаться на службе при ней [Советской власти], а может быть, и домогаться назначения под влиянием материальной нужды, но восхищаться ею может только человек, нравственно изуродованный, лишённый государственного чутья и не осознающий важности правового порядка и не имеющий никаких традиций».

В 1919–1920 годах Семёнов продолжил службу в Главном интендантском управлении Приморской земской управы. О дальнейшей судьбе Николая Михайловича Семёнова, его смерти (гибели? расстреле?) ничего неизвестно.

...Вернувшись из Омска, Матильда Дмитриевна Конецкая некоторое время преподавала классический танец в Школе русского балета А.Л. Вольнского¹³³.

¹³¹ Зубов Сергей Александрович (26 января 1861 – 1920?) – генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного Главнокомандующего А. В. Колчака; в феврале 1919 г. состоял в резерве чинов при управлении коменданта г. Омска, затем в резерве чинов Омского Военного Округа войск А. В. Колчака; с 31 марта 1919 г. зачислен в резерв офицеров Генерального штаба при Главном штабе военного ведомства.

¹³² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 170. Л. 53–54.

¹³³ Хроника // Жизнь искусства. – 1923. – № 34 (28 авг.). – С. 26.

Школа Акима Львовича Волынского¹³⁴ располагалась на Почтамтской улице. Там преподавали Ольга Преображенская и Николай Легат, хорошо знакомые Матильде Дмитриевне по совместной службе в Императорском театре.

...Перед началом Великой Отечественной войны Матильда Дмитриевна Конецкая работала уже в банке на Невском проспекте – разбирала и упаковывала денежную мелочь.

С начала войны она жила с сестрой Зинаидой на улице Декабристов, неподалёку от дорогого ей Мариинского театра.

Вспоминая страшный январь 1942-го, Виктор Конецкий писал¹³⁵:

«Я был к тому моменту самым жизнеспособным. Меня закутали и запеленали в разную одежду, и я пошёл на улицу Декабристов.

Матюня была ещё жива, а тетя Зика уже умерла и лежала на диване почему-то полуголая и в валенках. Матюня сидела в кресле, примёрзнув к нему и к полу. Я затопил печурку. Почему-то у них на кухне валялись деревянные колодки для обуви. Из клеёнки и колодок я и соорудил костёрчик. И пошёл за матерью и братом. Матюня всё это время молилась. В молитвах она благодарила Христа за те муки, которые он послал ей, ибо теперь он возьмёт её к себе, минуя, так сказать, ад и чистилище. Я вернулся домой. И мы все трое пошли на улицу Декабристов, взяв детские санки, чтобы привезти на них Матюню к нам. Но из этой затеи ничего не вышло; ни спустить по лестнице полубезумную Матюню, ни тащить её через сугробы нам было не по силам.

Не помню, каким образом мать добралась до Александра Яковлевича Соркина. Это был отец жены моего двоюродного брата Игоря Викторовича Грибеля. Он и устроил отправку Матюни в больницу, ибо был главврачом военного госпиталя».

22 января 1942 года Матильда Дмитриевна Конецкая скончалась в больнице имени 25-го Октября (до 1919 г. – Александровская) «от дистрофии и тромбоза вен нижней конечности»; место её погребения – Пискаревское кладбище, общая могила № 10¹³⁶.

¹³⁴ *Волынский Аким Львович* (21 апреля 1861 [или 1863] – 6 июля 1926) – литературный критик, искусствовед, балетовед; основал и возглавил в Петрограде Школу русского балета (1921–1926 гг.), при которой был организован музей и библиотека.

¹³⁵ «Никто пути пройденного у нас не отберёт» (гл. «Из семейной хроники»).

¹³⁶ В кн. А. А. Плещеева «Наш балет: 1673–1899: Балет в России до начала XIX столетия и балет в Санкт-Петербурге до 1899 г.» (1899 г. изд.) на с. 449 представлена фотография М. Конецкой, её ксерокопия хранится в семейном архиве Конецких с пометой Виктора

«...с тех пор как её помню, она была уже пожилой женщиной¹³⁷ с удивительно скромным, тихим, мягким, незаметным поведением в семье... Несмотря на тихость и незаметность, после смерти бабушки Матюня оказалась центром и неформальным лидером всех родственников. Мать любила её, не побоюсь сказать такого слова, коленопреклоненно», – вспоминал Виктор Конецкий¹³⁸.

Вторая дочь Конецких, **Ольга Дмитриевна**, родилась в Петербурге 28 июля (9 августа) 1878 года. Она окончила гимназию и в восемнадцать лет вышла замуж за Сергея Петровича Васильева, который был старше её на десять лет.

Ольга Дмитриевна славилась красотой, отличалась весёлым нравом, была хозяйкой большого и гостеприимного дома. У Васильевых родились две дочери – Кира и Тамара, в семье воспитывался «сын губернатора Владивостока Миша Сташевский»¹³⁹, за детьми следила гувернантка француженка Жанна де Морэн, брат которой служил в русской гвардии (с ней в 1967 году в Париже встречался Виктор Конецкий).

Замужество Ольги было счастливым.

Её муж, **Сергей Петрович Васильев**, родился 17 сентября 1868 года в небогатой дворянской семье чиновника Казначейства, который дослужился до статского советника.

Сергей окончил Александровский кадетский корпус, 31 августа 1885 года был зачислен в 1-й резервный батальон вольноопределяющимся 2-го разряда. С сентября того же года он продолжил учёбу в Петербургском пехотном юнкерском училище, в декабре 1886 года – произведён в унтер-офицеры; после окончания училища в 1887 году – переименован в подпрапорщики;

Викторовича: «Матильда (Матрона) Дмитриевна – моя родная тётя, это её смерть описал в рассказе “Дверь”. В. К. 27.07.87».

¹³⁷ М. Д. Конецкая умерла в неполные 66 лет.

¹³⁸ «Никто пути пройденного у нас не отберёт» (гл. «Из семейной хроники»).

¹³⁹ Так в разговоре называла Сташевского дочь Васильевых Тамара Сергеевна. *Сташевский Михаил Арсеньевич* – сын военного губернатора Приморской области и наказного атамана Уссурийского казачьего войска генерал-лейтенанта *Сташевского Арсения Дмитриевича* (11 февраля 1851 – 12 сентября 1916). Михаил Сташевский обучался в Санкт-Петербурге в Училище правоведения (не окончил); с 23 января 1919 г. во ВСЮР и Русской Армии, доброволец в эскадроне лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка; в начале 1920 г. – унтер-офицер того же эскадрона, с лета 1920 г. – в Гвардейском кавалерийском полку; награждён Георгиевскими медалью и крестом 4 ст.; в чине корнета пал смертью храбрых 27 октября 1920 г. у проволочных заграждений красных при конной атаке у д. Карпова Балка на Литовском полуострове (Крым).

12 октября 1888 года переведён в 4-й резервный полк, с 8 декабря – подпоручик.

15 июня 1889 года С. П. Васильев был командирован для и. д. Красносельского комендантского адъютанта. 17 марта 1891 года – переведён в 1-й резервный пехотный батальон, который 25 марта 1891 года был переименован в Александро-Невский батальон; поручик.

19 марта 1895 года Васильев был командирован в распоряжение Петербургского уездного воинского начальника для командования ротой ратников Государственного ополчения, а через полтора месяца – в распоряжение Красносельского коменданта для исполнения должности комендантского адъютанта на время лагерного сбора. 1 апреля 1898 года С. П. Васильев получил звание штабс-капитана.

В июле 1905 года его командировали в Санкт-Петербургское комендантское управление на должность комендантского адъютанта «с зачислением по армейской пехоте». Через год – капитан, а ещё через год «за отличие по службе» был переведён на чины в гвардии с зачислением по гвардейской пехоте.

22 июля 1909 года капитана Васильева назначили заведующим военно-почтовой и телеграфной станциями при Петербургском комендантском управлении.

Сергей Петрович имел награды: ордена св. Станислава 3-й и 2-й ст., св. Александра Невского, св. Анны 3-й и 2-й ст.; «в августе 1899 Государь Император во внимание к отлично-усердной службе и особых трудов во время Высочайшего присутствия в Красном Селе за исполнение в течение 9 лет должности комендантского адъютанта Всемилостивейше соизволил пожаловать из кабинета Его Величества подарок по чину, о чём объявлено в приказе по полку»; «2 апреля 1907 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованный Его Высочеством Эмиром Бухарским орденом Серебряной звезды 1-й ст.», а затем и орден Золотой звезды 3-й ст.; 5 мая 1910 года награждён серебряной медалью Российского общества Красного Креста в память участия в деятельности этого общества во время Русско-японской войны в 1904–1905 годах.

Во время Первой мировой войны С. П. Васильев с разрешения Военного министра был командирован в распоряжение комитета Духовно-учебных заведений и заведовал хозяйством в Серафимовском лазарете, сформированном в Минске¹⁴⁰. С 1 ноября

¹⁴⁰ Щеглов Г. Капитан Васильев // Щеглов Г. Первый Серафимовский: история одного ла-

1916 года – командирован в 10-й Сибирский этапный батальон и назначен старшим помощником коменданта этапа 2-го разряда; в 1917 году – временно исполнял должность коменданта того же этапа, комендант этапа 1-го разряда, временно командующий 1-й ротой; в 1918 году – командирован в 321-й полевой подвижный госпиталь для освидетельствования состояния здоровья. Врачебная комиссия признала Сергея Петровича нуждающимся в отпуске для лечения и после этого, ввиду расформирования батальона, он сдал роту и должность командира этапа¹⁴¹.

В 1918 году С. П. Васильев служил в Петрограде в комендатуре и вёл организационно-инструкторские курсы; в 1920-е годы – корректор в Академии наук при Якутской комиссии.

В 1929 году С. П. Васильев был арестован, но у него нашёлся заступник по фамилии Каро (фамилию спасителя навсегда запомнили все члены семьи): когда-то он служил писарем в полку Сергея Петровича, а затем – в карательных органах. Васильева отпустили.

Вновь за Сергеем Петровичем пришли в марте 1935 года: «сущность обвинения – социально-опасный элемент» (дело № 49210). Сергей Петрович служил тогда секретарём в полиграфическом техникуме. Ему было 67 лет.

В медицинской справке ОДПЗ, где он содержался, отмечено: «годен к интеллектуальному труду», «следовать этапом может». Допрос был один.

Из показаний обвиняемого Васильева С. П. (протокол допроса от 08.03.1935 г.)

Вопрос: Кого вы знаете из бывших людей, офицеров, помещиков, проживающих в Ленинграде?

Ответ: Никого я не знаю и знакомство ни с кем не имел и не имею.

Вопрос: Кто из близких и знакомых служили в царской армии, а также в белой армии?

Ответ: Знаю, что в Ленинграде проживает Сиверс Николай Валентинович¹⁴² – он служил в царской армии в чине полковника.

зарета в событиях и лицах. 1914–1918 / свящ. Гордей Щеглов. – Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной церкви, 2014. – С. 43–45 : фот.

¹⁴¹ Послужной список. РГВИА. Ф. 409 п/с. 50-426.

¹⁴² Сиверс Николай Валентинович (17 мая 1879 – ?) – полковник (1915 г.); окончил 2-й кадетский корпус, затем – 1-е Павловское военное училище по 1-му разряду, выпущен в 89-й пехотный Беломорский полк; переведён в лейб-гвардии Егерский полк подпоручи-

Зять мой, Ушаков В. А., служил в царской армии в чине морского офицера.

Вопрос: За что вы вычищались из соваппарата и сколько раз?

Ответ: В 1929 году, будучи на службе в Академии наук, я проходил чистку соваппарата, но не вычищался, меня оставили без замечаний. Кроме того, проходил чистку в страхкассе, также остался.

Вопрос: Кто из родственников ваших и вашей жены проживает в Ленинграде?

Ответ: Сестра моей жены, Матильда Дмитриевна Конечкая, мещанка, сестра жены Зинаида Дмитриевна Грибель. Муж её, Грибель В. Ф., служил в царской армии штабс-капитаном. Больше я ничего показать не могу, ибо мне ничего не известно о бывших людях. Сам же я всё время работаю и ни о ком сведений не имею.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Г. Ленинград, марта 8 дня, я, слушатель 3-й Пограничной Школы НКВД¹⁴³ Дудиков, рассмотрев следственный материал на Васильева С. П.,

НАШЕЛ:

что Васильев С. П., дворянин, до 1918 года служил в царской армии в чине капитана, братья его также служили в царской армии, зять его, Ушаков В. А., морской офицер царской армии, проживает в Ленинграде по Лермонтовскому проспекту, тоже зять Грибель В. Ф., дворянин, служил в царской армии штабс-капитаном, проживает в Ленинграде. Васильев неоднократно вычищался из соваппарата, что категорически отрицает. Васильев имеет связь с полковником царской армии Сиверсом Николаем Валентиновичем. О каких-либо связях с бывшими людьми категорически отрицает.

ком гвардии (1899 г.), поручик (1903 г.), штабс-капитан (1907 г.), капитан (1911 г.); участник Первой мировой войны, командир 176-го пехотного Переволоченского полка (1917 г.); в 1918 г. добровольно вступил в Красную армию; с 1923 г. после демобилизации из армии работал в разных учреждениях, в т. ч. на заводе «Эталон» в Ленинграде; в марте 1935 г. был выслан с женой *Сиверс Евгенией Васильевной* в Казахстан на 5 лет; весной 1936 г. был переведён на станцию Аккемир Оренбургской железной дороги; дальнейших сведений нет (предположительно, расстрелян в составе 27-и бывших офицеров лейб-гвардии Егерского полка по «Гвардейскому делу»).

¹⁴³ 3-я Пограничная Школа НКВД – учебное заведение, готовившее командный и политический состав для пограничных войск НКВД СССР в Ново-Петергофе; затем – Ново-Петергофское военно-политическое училище им. К. Е. Ворошилова (до 1953 г.), ныне – Голицынский пограничный институт ФСБ РФ.

*На основании вышеизложенного ПОЛАГАЛ БЫ:
Васильева С. П., с семьей, состоящей из жены Ольги Дмитриевны, 57 лет, дочери Киры Сергеевны, 32 лет, выслать из Ленинграда в Астрахань на 3 года.*

Слушатель 3-й Погран. Школы Дудиков.

Согласен: бригадир Чернуха.

09.03.35.

Арест, допрос и постановление о высылке Сергея Петровича, его жены Ольги Дмитриевны и старшей дочери Киры заняли три дня: 7-го обыск и арест, 8-го – допрос, 9-го – вынесено постановление о высылке.

17 марта 1935 года семья выехала в ссылку в Астрахань, затем место ссылки было заменено на Саратов.

Из книги В. И. Бережкова «Питерские прокураторы»: «В январе и марте 1935 года в соответствии с постановлением особого совещания при НКВД СССР проводились две операции по выселению из Ленинграда “бывших людей”. По завершении этих операций за подписью Заковского¹⁴⁴ была направлена информация в ленинградский обком партии, в ней говорилось, что в первой операции “за 28 дней... изъято бывших людей из Ленинграда... 11072, из них глав семей – 4833, членов семей – 6249 чел.”»¹⁴⁵.

Массовой чистке «бывших», как известно, предшествовало убийство в Ленинграде С. М. Кирова¹⁴⁶.

Какое-то время семья Васильевых жила в Саратове, на Крапивной улице. Сергей Петрович служил делопроизводителем, его дочь Кира – артисткой в Саратовской Госэстраде, Ольга Дмитриевна вела «дом». Жить было трудно, но немного помогали родные. Виктор Конецкий помнил, как мать с сестрой Зикой собирали посылки для саратовских горемык.

В Саратове у Васильевых изредка собирались знакомые – земляки из высланных. Этот факт и позволил довольно скоро

¹⁴⁴ Заковский Леонид Михайлович (1894 – 29 августа 1938) – начальник УНКВД Ленинградской и Московской областей, входил в состав особой тройки УНКВД СССР, один из главварей Большого террора на региональном уровне; расстрелян (признан подлежащим реабилитации).

¹⁴⁵ Бережков В.И. Питерские прокураторы / Василий Иванович Бережков. – Санкт-Петербург : «БЛИЦ», 1998. – С. 150.

¹⁴⁶ Киров Сергей Миронович (15 марта 1886 – 1 декабря 1934) – первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б); его убийство Л. Николаевым послужило поводом для развёртывания масштабных политических репрессий (т. н. «Большой террор»).

арестовать Васильевых снова. Им предъявили новое обвинение: «организовали контрреволюционную группу из числа административно-высланных из города Ленинграда, таких же антисоветски настроенных», «в своих антисоветских высказываниях выражали злобные клеветнические измышления по адресу руководителей партии и правительства, восхваляли расстрелянных врагов народа Пятакова и Радека и проводили контрреволюционную агитацию пораженческого характера».

Ни больше, ни меньше...

29 октября 1937 года Васильевы оказались в саратовской тюрьме.

Сергей Петрович Васильев был «осужден тройкой Управления НКВД СССР по Саратовской области к высшей мере наказания по обвинению в антисоветской агитации и контрреволюционной деятельности» и 4 декабря 1937 года в 22.00 расстрелян.

Ольга Дмитриевна рассказывала племянникам, что видела в окно тюремной камеры, как мужа вели на расстрел, и она успела ему крикнуть: «Спасибо за счастливую жизнь».

Старшая дочь Васильевых **Кира Сергеевна Ушакова** (9 апреля 1901 – июнь 1939) получила восемь лет лагерей. По сути, за высказывание в частном разговоре: «Спасибо товарищу Сталину за нашу замечательную жизнь может сказать лишь наш бульдог Жаник»...

В тюрьме, в ожидании приговора, уже после расстрела отца, Кира ослепла и сошла с ума. Умерла она в саратовской психиатрической больнице (туда её поместили по настойчивой просьбе младшей сестры Тамары).

Кирочка училась в Ленинградской консерватории, но не окончила её.

Ольга Дмитриевна получила 10 лет лишения свободы «за антисоветскую деятельность», отбывала наказание в Пугачёвском ИТК № 7 Саратовской области¹⁴⁷. Её освободили 16 февраля 1943 года по инвалидности¹⁴⁸, но в Ленинград она смогла вернуться лишь в 1947 году¹⁴⁹. Виктор Викторович рассказывал, что мать

¹⁴⁷ Ныне – Мужская исправительная колония строгого режима ИК-4 (г. Пугачёв).

¹⁴⁸ Сведения о Васильевых приведены по документам УФСБ РФ по Саратовской области, полученным 24 октября 2001 г.

¹⁴⁹ Постановление тройки НКВД от 28 ноября 1937 г. в отношении Васильева С. П., Васильевой О. Д., Ушаковой К. С. отменено и дело на них на основании ст. 326 п. «б» УПК дальнейшим производством прекращено 30 июля 1956 г.

обомлела, увидев сестру: ноги Ольги кровоточили, а она, чтобы добраться до Ленинграда, снимала с больных ног бинты, стирала их и выменивала на хлеб.

Скончалась Ольга Дмитриевна Васильева 10 февраля 1969 года в возрасте 92-х лет, похоронена на Северном кладбище.

В 2003 году я побывала в Саратове по приглашению наших друзей – читателей В. Конецкого, нашла Крапивную улицу и деревянный дом, из которого уводили на смерть дядю Серёжу (это его орденами Вика играл в детстве) и Кирочку, и горько плакала, собирая землицу у их дома, чтобы опустить её в ленинградские могилы родных...

Младшая дочь Васильевых – **Тамара Сергеевна Васильева** (15 февраля 1904 – 23 апреля 1997) – прожила долгую жизнь, на её долю выпала блокада, борьба за реабилитацию своей семьи, годы полной слепоты и одиночества...

Крёстным Тамары был священник о. Добровольский, служивший в полку её отца, а крёстной матерью Наста – Анастасия Михайловна Семевская, дочь историка и основателя исторического журнала «Русская старина» М. И. Семевского¹⁵⁰. Васильевы состояли с Семевскими в родстве.

Тамуся Васильева (так её звали все родные) училась в Екатерининском институте благородных девиц¹⁵¹. В 1918–1919 годах, спасаясь от голода, она вместе с родителями оказалась в Череповце, где училась в средней школе. Её ближайшей подругой тех лет и последующей жизни стала Екатерина Матвеевна Ильницкая, впоследствии жена учёного-минералога А. Е. Ферсмана.

Матильда Дмитриевна Конецкая, вернувшись из Омска, привела Тамусю в Школу русского балета А. Л. Волынского. Но проучилась она там не долго, перешла в балетную школу А. Ф. Кларка.

Александр Фёдорович Кларк – известный петербургский балетоман, открыл хореографическую школу на собственные средства в разгар Гражданской войны в «доме-сказке» на улице Декабристов.

Тамара Сергеевна часто и с радостью вспоминала время учёбы в школе Кларка, и своих друзей той поры – Женю Мравинского и Колю Черкасова.

¹⁵⁰ *Семевский Михаил Иванович* (4 января 1837 – 9 марта 1892) – историк, журналист, основатель исторического журнала «Русская старина»; тайный советник.

¹⁵¹ Наб. Фонтанки, д. № 36 (с 1949 г. там располагается РНБ).

Евгений Александрович Мравинский, в будущем – гениальный дирижер, служил в школе Кларка аккомпаниатором. Николай Константинович Черкасов в юности выступал мимистом (в частности, в балете «Жар-птица») на сцене Мариинского театра. Он учился балету у Кларка и серьезно помышлял о балетной карьере, но этому помешал его высокий рост. Тамуся трепетно вспоминала, как «Коля хватал и в прыжке подбрасывал» её «прямо к небу», и радовалась успехам Николая Константиновича, когда он стал известным актёром.

Творческую жизнь Тамары, в самом её начале, прервала серьёзная травма позвоночника, долгое лечение, а затем и война.

Во время Великой Отечественной, уже в эвакуации в Омске, Тамара работала в госпиталях – занималась с ранеными бойцами лечебной физкультурой. Тогда же она начала слепнуть (последствие блокадной дистрофии).

Когда Тамара Сергеевна вернулась в Ленинград, её жилплощадь была занята, все вещи пропали. Почти полвека слепая Тамуся жила в коммунальной квартире, а затем – в семье **Анастасии Владимировны Подозёровой**¹⁵². Единственным утешением для Тамары Сергеевны были яркие воспоминания о счастливом детстве, которыми она часто делилась.

Тамара Сергеевна Васильева похоронена в одной могиле с матерью на Северном кладбище.

Мужем Тамары Васильевой был эстрадный исполнитель **Владимир Александрович Ушаков** (31 мая 1897 – январь 1942).

Владимир был женат первым браком на Кире Васильевой. Этот брак двух творческих людей не был удачным. После развода с Кирой Ушаков случайно встретил на улице её сестру Тамару. Долгий разговор, дальнейшие встречи, уже не случайные, общее горе – высылка из Ленинграда Кирочки и родителей... Тогда Владимир и Тамара делали всё, чтобы облегчить их участь.

Владимир Ушаков родился в дворянской семье, которая проживала в Петергофе. Он окончил Петергофскую гимназию Императора Александра II¹⁵³, а затем в 1916 году – Школу прапорщиков по адмиралтейству; на 22 февраля 1917 года – унтер-офицер, с 15 марта 1917-го – прапорщик. С 1 апреля 1917 года В. Ушаков –

¹⁵² Подозёрова Анастасия Владимировна (12 декабря 1916 – 8 января 2000) – медсестра, житель блокадного Ленинграда; предоставила кров Ольге Дмитриевне Васильевой, когда та вернулась из лагеря, а затем и её дочери.

¹⁵³ Открыта 21 февраля 1880 г.; ныне – ГБОУ «Петергофская гимназия Императора Александра II».

адъютант 3-го Отдельного батальона крепости Императора Петра Великого Приморского фронта¹⁵⁴.

Владимир неожиданно для многих близких, – но не для своего отца, который, как рассказывала Тамуся, «служил в канцелярии Её Величества Александры Фёдоровны», – прервал службу во флоте и... поступил в консерваторию.

В 1921 году Ушаков стал вокалистом Ленгорэстрады. По семейной легенде, в «эстрадники» он пошёл потому, что на театральной сцене царил тенор Николай Печковский, и соперничать с ним на большой сцене, несмотря на красивый голос (баритон) Ушаков не мог.

Ленгорэстрада обслуживала дома культуры, клубы, санатории, рабочие и военные площадки. По воспоминаниям Т. С. Васильевой Владимир Ушаков пел романсы, советские песни из репертуара немецкого актёра и певца Эрнста Буша, любил выступать перед детской аудиторией.

Во время блокады Владимир Ушаков участвовал в сборных концертах и ждал повестку на фронт. В январе 1942 года, возвращаясь с концерта, он простудился и умер – в день, когда пришла повестка.

Владимир Александрович Ушаков похоронен на Пискарьевском кладбище в общей могиле № 10.

В памяти Виктора Конецкого почему-то сохранилось, что зимой 1942-го Ушаков, в безумии выбежав на улицу, кричал, что Ленинград надо сдать немцам, объявить его вольным городом...

Эти слова никто из близких В. А. Ушакова (прежде всего его жена Тамара Сергеевна) не подтвердил. Но видимо, не случайно сохранилось такое «воспоминание»: о подобных умопомрачениях жители блокадного Ленинграда были слышаны.

Третья дочь Конецких, **Зинаида Дмитриевна**, родилась 2 (15) октября 1880 года в Саратове, где Мария Павловна и Дмитрий Иванович гостили. Новорожденную дочь крестили в городском Александро-Невском соборе¹⁵⁵.

Зика (её домашнее имя) окончила гимназию, затем – Санкт-Петербургскую консерваторию. Двадцать восемь лет служила Зинаида Дмитриевна хористкой в Мариинском театре¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Ушаков В. А., прапорщик. 1917 г. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. У-19.

¹⁵⁵ ГА СО. Ф. 637. Оп. 2. Д. 75. Л. л. 541 об.–542.

¹⁵⁶ Конецкая З. Д., служащая Петербургских Императорских театров, хористка. Личное дело. 1909 г. РГИА. Ф. 508. Оп. 2. Д. 1414; Дирекция Императорских театров. 1860–1929 гг. Ф. 497. Оп. 13. Д. 514.

«Создатель хора [Мариинского театра] Э. Ф. Направник¹⁵⁷ ставил непереносимым условием при поступлении в хор отказаться от всякой иной карьеры и всей деятельностью своей жизни он благословил во имя искусства артистов хора на величайший акт самопожертвования, чем создал исключительный хоровой ансамбль, прошедший с триумфом и славой по России и за границей...», – сообщалось в «Ежегоднике» к 20-летию хора¹⁵⁸.

Зинаида Дмитриевна пела и на клиросе в Николо-Богоявленском морском соборе.

Муж Зинаиды, **Виктор Фёдорович Грибель** родился 25 апреля (8 мая) 1887 года, был моложе жены на семь лет. Брак с Зинаидой Дмитриевной не обрадовал его близких, они посчитали это супружество мезальянсом. Но семейная жизнь молодых удалась. Зика была ревнива, но её нервность уравновешивалась невозмутимостью всегда выдержанного Виктора Фёдоровича. В семье рос сын Игорь. В доме Грибелей было много музыки: глава семьи был тоже музыкально одарён, по воспоминаниям его невестки Сузи, «читал ноты, как книги».

В. Ф. Грибель происходил из дворянской семьи обрусевших немцев Оренбургской губернии. Он окончил Оренбургский кадетский корпус, затем – Николаевское инженерное училище, Александровскую юридическую академию; участник Первой мировой войны, награждён орденом св. Владимира с мечами.

В январе 1918 года Грибель демобилизовался из армии, и поступил на службу секретарём правления акционерного общества «Русский Рено», где трудился до его консервации; завод был национализирован на основании постановления ВСНХ РСФСР от 19 февраля 1919 года.

В сентябре 1919 года В. Ф. Грибель был мобилизован в ряды Красной армии и назначен для поручений в Управление запасных войск Петрограда. При расформировании запасных войск

¹⁵⁷ *Направник Эдуард Францевич* (24 августа 1839 – 10 ноября 1916) – чех; композитор, дирижёр; заслуженный артист Императорских театров (30 января 1899 г.); в течение почти пятидесяти лет занимал пост главного дирижёра Мариинского театра, под его управлением состоялись премьеры практически всех создававшихся в то время русских опер; похоронен в Санкт-Петербурге на Новодевичьем кладбище.

¹⁵⁸ Хроника : [исполняется 20 лет хору Гос. Академ. театра оперы и балета; о спектакле-опере Верди «Аида», посвящённом дате] // Ежегодник Петроградских государственных академических театров. – 1923. – № 1–2. – С. 40. [Указано имя З. Д. Конецкой, поющей в хоре 21 год с 15 августа 1901 г.; в «Ежегоднике Императорских театров» за 1910 г. дата поступления на службу: 1 сентября 1902 г.].

в 1920 году он был назначен преподавателем Военно-железнодорожной школы комсостава и преподавателем Военно-хозяйственной академии РККА¹⁵⁹.

В 1921 году Виктор Фёдорович был арестован по делу «Петроградской боевой организации» (так называемому «делу профессора В. Н. Таганцева»). Грибеля обвинили в участии в контрреволюционной организации, а затем и в том, что знал о её существовании, но не донёс.

О встречах с Таганцевым В. Ф. Грибель сообщал на допросе во время уже второго ареста в 1938 году¹⁶⁰:

Причиной моего первого ареста послужило знакомство с профессором Таганцевым¹⁶¹ и встречи с ним. Познакомился я с ним на именинах Г. К. Попова¹⁶² либо в конце 1917, либо в начале 1918 года. Встреч было три. В начале 1920 года я зашёл к нему на квартиру, желая получить вышедшую из печати книгу моего отца. При этой встрече Владимир Николаевич Таганцев говорил об ухудшении продовольственного положения в городах и неизбежности переворота. Я сказал Таганцеву, что революция – это стихийный распад социальных связей, что затруднения неизбежны, а попытка восстановить власть – это борьба со стихией, что бессмысленно.

Вторая встреча была во время Кронштадтского мятежа. Часа в два дня Таганцев пришёл ко мне на квартиру с каким-то неизвестным гражданином, вошёл в комнату в пальто и, не садясь, сказал мне: «Вот вы говорили, Виктор Фёдорович, что переворота быть не может. А вот вам в Кронштадте третья революция». Я ему на это ответил, что в Кронштадте не революция, а бунт матросов, вызванный введением дисциплины и уменьшением хлебного пайка. Таганцев мне ответил на это: «Вы неисправимый скептик», простился и сказал, что он спешит.

Третья встреча была в том же 1921 году в мае – на ули-

¹⁵⁹ Ныне – Военная орденов Ленина и Кутузова академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва.

¹⁶⁰ 22 августа 1939 г.

¹⁶¹ Таганцев Владимир Николаевич (1889 – 29 августа 1921) – учёный-географ, профессор, секретарь Российского сапропелевого комитета; расстрелян по сфабрикованному обвинению в заговоре против большевиков (реабилитирован в 1992 г.).

¹⁶² Попов Григорий Константинович (1894 – 26 августа 1921) – член РКП(б), помощник заведующего подотделом учёта «Автогужа» (объединение гужевого транспорта Петрограда); расстрелян по «делу В. Н. Таганцева».

це. Я подходил к трамвайной остановке, а он был на подпорке трамвая. Он поздоровался и сказал: «А вы, Виктор Фёдорович, правы»...

Григорий Константинович Попов, у которого мы познакомились с профессором Таганцевым, служил у меня в железнодорожном батальоне во время войны вольноопределяющимся. Он был расстрелян вместе с профессором Таганцевым.

По «делу Таганцева» проходило 833 человека, расстреляно – 62 человека, в их числе поэт Н. С. Гумилёв. «Дело» «было придумано чекистами, чтобы оправдать расправу над Кронштадтом. Буйная фантазия чекистов родила фантастическую идею “кадетско-белогвардейского заговора”, как спрут опутавшего Петроград, зловредным образом связанного со множеством иностранных разведок»¹⁶³.

В. Ф. Грибель десять месяцев провёл в тюрьме, был «приговорён к 2-м годам принудительных работ с содержанием под стражей и высылкой в Архангельский лагерь», но 4 июля 1922 года по распоряжению председателя Петроградской ЧК С. А. Мессинга был освобождён «ввиду болезненного состояния».

6 февраля 1938 года Виктор Фёдорович Грибель был снова арестован органами НКВД, – в то время он был начальником строительного отдела Гдовского сланцеперегонного и битумного завода¹⁶⁴. Грибель получил обвинение как участник контрреволюционной вредительской организации, обвинялся в шпионской деятельности по заданию германской разведки.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ФСБ

Из Дела № 54808-38 по обвинению Булгакова А. В., Грибеля В. Ф. и Бессмертного Я. С. по ст. 58-6, 58-7, 58-11 УК РСФСР.

Следствием установлено, что указанные лица являются участниками шпионско-диверсионной группы белогвардейской фашистской организации «Российских Объединённых Националистов-Демократов (РОНД)» и поддерживали связь с центром РОНДа

¹⁶³ Профессор слишком любил озёрный ил, чтобы организовать мятеж кронштадтских матросов // Вечерний Петербург. – 1994. – 8 июля. – С. 3–4.

¹⁶⁴ В г. Сланцы Ленинградской области разрабатывалось месторождение горючих сланцев и проектировался Гдовский сланцеперегонный и битумный завод для снабжения Ленинграда газом и искусственным жидким топливом.

в Берлине и Германском консульстве в Ленинграде.

Шпионско-диверсионная группа РОНД ориентировалась в своей работе с сов. властью на фашистскую Германию и ставила своей целью:

– расширение кадров РОНДа за счёт бывших офицеров царской и белой армии,

– организацию диверсионных актов на оборонных объектах,

– срыв военного оборонного строительства и освоения Севморпути,

– развёртывание широкой шпионской работы в пользу Германии.

Обвиняемые показали, что ими в течение 1934–1937 гг. созданы в Гидрографическом управлении, Всесоюзном Арктическом институте Главсевморпути и на строительстве сланцеперогонного и битумного завода ячейки фашистской организации РОНД.

Через участников этих ячеек собрали ряд важнейших шпионских материалов о воинских частях, расположенных на эстонской границе, топографические карты пограничных с Финляндией районов, военно-морские карты, лоции Финского залива, сведения о военном судостроении, об освоении Севморпути и все эти материалы переправляли через ПОПОВА германской разведке.

По Гидрографическому управлению Главморсевпути сорвали все спецоборонные работы, предусмотренные планом наркомата обороны по освоению Севморпути.

Систематически путём вредительства срывали строительство завода, имеющего оборонное значение.

УЧИТЫВАЯ ЭТО, ТРЕБУЕТСЯ:

– Провести аресты остальных участников фашистской организации (10 человек).

– Большинство лиц, подлежащих аресту, находятся в арктической экспедиции, из которой возвратятся только в конце мая 1938 года.

– Произвести обследование Гидрографического управления и строительства Гдовского завода и экспертизу материалов, подтверждающих факты вредительства.

Возбудить ходатайство перед ЦИК СССР через 8 отдел ГУГБ НКВД СССР о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей всех арестованных по данному делу на два месяца (до 6.08.38).

Начальник 6-го Отделения госбезопасности

лейтенант Лащик

СОГЛАСЕН

Начальник II Отделения УГБ УНКВД ПО

Ст. лейтенант госбезопасности Лернер

Через два месяца после ареста В. Ф. Грибель подписал следующий документ:

15.04.38.

Следователю от арестованного

Грибеля В. Ф. общая камера № 35

ЗАЯВЛЕНИЕ

Признаю свою вину в том, что являлся участником шпионско-вредительской группы, возглавляемой Булгаковым¹⁶⁵. Мною даны сведения Булгакову о расположении в Гдовском районе 32 пехотного полка и политико-моральном состоянии этого полка. Кроме того, по указанию Булгакова задержано производство работ по основным объектам, что являлось вредительским актом.

В. Грибель

На В. Ф. Грибеля дали показания члены «вредительской группы»: без сомнения, они были выбиты на допросах у людей с кровью.

После следственных пыток – с 25 сентября по 10 ноября 1938 года – В. Ф. Грибель находился на излечении в хирургическом отделении тюремной больницы УГБ УНКВД ЛО.

Следствие продолжалось...

22 августа 1939 года на допросе Грибель заявлял:

«Участником контрреволюционной вредительской организации никогда не был и все мои показания не соответствуют действительности.

На допросах ко мне были применены меры физического воздействия, и я был вынужден написать и подписать то, что мне было предложено следствием... Об участии в контррево-

¹⁶⁵ *Булгаков Антон Викторович* (2 августа 1879 – 2 февраля 1972) – инженер; окончил механическое отделение Кронштадтского Морского инженерного училища Императора Николая I, служил на Черноморском флоте; в 1917 г. произведён в инженер-механики капитаны 2 ранга «за отличие по службе»; строитель первых советских нефтепроводов; 29 октября 1939 г. «за участие в шпионско-диверсионной организации» приговорён к 5 годам ИТЛ с последующей ссылкой; главный инженер проектной конторы Ухтижемлага; 19 декабря 1942 г. был условно-досрочно освобождён, 6 июня 1945 г. награждён медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»; реабилитирован.

люционной организации указанных лиц я не знал. Попов, Бесмертный и Немчинов были вписаны в протокол следователем и мне было предложено протокол подписать... Вредительской деятельностью не занимался... Никаких шпионских сведений не передавал...»

При ознакомлении с материалами следственного дела В. Ф. Грибель потребовал иметь возможность написать свои мысли собственноручно.

И опять – допросы с пристрастием, и восемь месяцев в одиночной камере без единого вызова.

Из жалобы В. Ф. Грибеля в Народный комиссариат внутренних дел СССР Берии Л. П. (от 11 декабря 1939 г.):

Ввиду того, что я отрицал предъявленное мне обвинение, я был поставлен «на стойку». После непрерывной стойки продолжительностью 42 часа без пищи и сна я написал под диктовку помощника начальника отдела Стамура заявление об участии моем в шпионской организации инженера строительства Булгакова и выдержки из его протокола, в которых он оговаривает меня наравне с показаниями других лиц. На следствии здесь после стойки я отказался от заявления, объяснив написанное мною заявление невозможностью продолжать стойку из-за опухоли ног. Я был отпущен в камеру и вызван вновь в ночь с 8 на 9 мая 1938 года, когда сразу подвергся избиению со стороны помощника начальника отдела Стамура и следователя Селихова. После избиения я простоял на стойке до вечера 9 мая, когда мне было предложено либо переписать карандашный черновик заявления, написанного рукой следователя Селихова, с подтверждением моего участия в шпионской организации Булгакова, либо подвергнуться избиению вновь до состояния, когда я буду «ползать». Я переписал и подписал и это второе заявление.

Обвинение меня в шпионаже просто чудовищно: мой отец¹⁶⁶

¹⁶⁶ Грибель Фёдор Егорович (2 февраля 1859 – 1914?) – обучался в Оренбургской Неплюевской военной гимназии; в службу вступил 31 августа 1876 г.; окончил Николаевское инженерное училище, выпущен во 2-й Кавказский саперный батальон; на 1902 г. – ротный командир Оренбургского-Неплюевского кадетского корпуса, полковник; командир 1-го Ташкентского резервного батальона (1907 г.); командир 141-го пехотного Можайского полка (1909 г.), на 1 марта 1914 г. в том же чине и должности; участник Первой мировой войны; на 1 августа 1916 г. в списках не значится; попал в плен при окружении 13-го армейского корпуса в Восточной Пруссии в августе 1914 г.; Высочайшим приказом от 18 декабря 1914 г. исключён из списков пропавшим без вести; в начале 1918 г. – в г. Орёл.

¹⁶⁷ Грибель Сергей Фёдорович (9 декабря 1894 – 19 февраля 1915) – окончил Орловский Бахтина кадетский корпус в 1913 г., Александровское военное училище по 1-му разряду

и брат Сергей¹⁶⁷ защищали родину в Германской войне, брат Леонид¹⁶⁸ был весь изранен, брат Владимир¹⁶⁹ потерял ногу в Японскую войну, я сам в Германскую войну имел только отличия за боевые действия. Это обвинение для меня совершенно неприемлемо.

Если хоть часть из того, что сфальсифицировано Селиховым, верно, то меня надо расстрелять, а если всё это ложь, то я не могу нести позорное клеймо и наказание...

В декабре 1939 года Виктор Фёдорович находился в тюремной больнице им. Ф. П. Гааза¹⁷⁰.

Виктор Конецкий хорошо помнил молчаливые очереди в ленинградские «Кресты» с передачами для дяди Вити Грибеля.

ВЫПСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ОСОБОГО СОВЕЩЕНИЯ ПРИ НАРКОМАТЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР (29 октября 1939 года)

Слушали:

Дело № 54808 (УНКВД Ленинградской области) по обвинению Грибеля В. Ф., 1887 года рождения, уроженца г. Оренбурга,

в октябре 1914 г., выпущен подпоручиком по армейской пехоте; подпоручик; командир 6-й роты 188-го пехотного запасного батальона на 21 декабря 1914 г.; подпоручик 95-го пехотного Красноярского полка, убит, Георгиевский кавалер «за то, что в бою 18-го февраля 1915 г. у д. Моцарже, командуя батальоном, первый ворвался в означенную деревню, упорно обороняемую противником и смертью своею запечатлел содеянный им геройский подвиг».

¹⁶⁸ *Грибель Леонид Фёдорович* (28 августа 1889 – 1918) – окончил курс в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, Павловское военное училище по 1-му разряду; а 1 января 1914 г. в 142-м пехотном Звенигородском полку, поручик, младший офицер 3 роты; по мобилизации призван из запаса армейской пехоты в 289-й пехотный Коротоякский полк; участник Первой мировой войны в составе того же полка; в бою 3 ноября 1914 г. у д. Таубляукен был тяжело ранен; на 17 августа 1915 г. поручик того же 289-го пехотного Коротоякского полка, на 12 декабря 1916 г. прикомандирован к отряду особого назначения Северного фронта, в том же чине; расстрелян в числе заложников в Москве.

¹⁶⁹ *Грибель Владимир Фёдорович* (31 декабря 1882 – ?) – капитан русской императорской армии; на 1 января 1909 г. во 2-м Восточно-Сибирском осадном артиллерийском полку, поручик; на 1914 г. в Морской крепости Императора Ветра Великого; после 1918 г. работал в учреждении; в марте 1935 г. выслан с женой Тамарой Николаевной и матерью (скончалась по дороге в ссылку) в Атбасар Акмолинской области на 5 лет. Источники: О переводе штабс-капитана Грибеля в Морское ведомство с зачислением в гарнизон Морской крепости Императора Ветра Великого с тем же чином. Источники: РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1644. Л. 224; Приказ по Морведу № 417 от 7 (6) декабря 1914 г. о назначении в артиллерию сухопутного фронта. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1644. Л. 226.

¹⁷⁰ *Ныне – Областная больница им. Ф. П. Гааза (федеральное лечебно-профилактическое учреждение «Областная больница имени доктора Ф. П. Гааза Управления Федеральной службы исполнения наказания России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области»).*

русский, гражданин СССР, беспартийный, из дворян.

Постановили:

Грибеля В. Ф. за участие в антисоветской шпионско-диверсионной организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет, считая срок с 6 февраля 1938 года.

Дело сдать в архив.

Начальник секретариата Особого Совещания Иванов.

Виктор Фёдорович Грибель погиб в день своего 55-летия на Северном Урале в Ивдельлаге, расположенном в непроходимой тайге¹⁷¹.

На 5 декабря 1942 года численность заключённых Ивдельлага составляла 18988 человек.

Зинаида Дмитриевна Конецкая-Грибель умерла в блокаду 18 (19) января 1942 года. Перед смертью она оставила записку, нацарапанную обгорелой спичкой на обрывке обоев, и тоненькую свечку: «Прошу зажечь эту венчальную свечку, когда умру. З. Д. Конецкая-Грибель». Её племянник и крестник Виктор, обнаруживший записку, был потрясён не её содержанием, а тем, что свечка не была тётушками съедена...

Место захоронения З. Д. Конецкой-Грибель – общая могила № 10 на Пискарёвском кладбище.

Сын Зинаиды Дмитриевны и Виктора Фёдоровича – **Игорь Викторович Грибель** (1 сентября 1914 – 20 января 1942) – окончил 34-ю советскую трудовую школу (бывшее Реформатское немецкое училище) и поступил в Институт коммунального строительства, затем работал в ГИПРОГОРе¹⁷².

Игорь, уверенный в невиновности отца, писал наркомму Берии заявления в защиту Виктора Фёдоровича, но безуспешно.

В январе 1942 года во время Любаньской наступательной операции 54-й армии заместитель командира саперной роты 265-й стрелковой дивизии лейтенант Игорь Викторович Грибель погиб (подорвался на противотанковой mine) в районе деревни Лодва Мгинского района¹⁷³. Тогда за несколько дней боёв дивизия потеряла до 1500 человек.

¹⁷¹ Справка о прекращении дела Грибеля В. Ф. за отсутствием состава преступления от 11 января 1957 г. № 911Н/216. Документы по делу В. Ф. Грибеля получены в Архиве ФСБ по Петербургу и Ленинградской области.

¹⁷² Гипрогор (в 1929–1959 гг.), Ленгипрогор (в 1959–1991 гг.), ФГУП «РосНИПИУрбанистики» (в 1991–2012 гг.).

¹⁷³ Пропал без вести 20 января 1942 г.

ИЗ ПОСЛЕДНЕГО ПИСЬМА ИГОРЯ ГРИБЕЛЯ ЖЕНЕ¹⁷⁴

Ленинград 8.10.41. Сузик, родная, ненаглядная!

Сегодня очень противная промозглая погода. Настоящий октябрь... Поздравляю тебя, родная, с нашим юбилеем. Пять лет... Вспомнились все прошлые счастливые годы. Было грустно, хотелось чем-нибудь отметить этот день.

Дорогая, живу мечтами, строю фантастические планы и всей силой существа своего жду их реализации. Как бы ни ужасна была война, но не все же лягут под пулями. Кто-нибудь будет и жить. Мне хочется быть в числе этих счастливых и главным образом из-за вас, мои родные. Это желание, впрочем, у каждого. Жизнь сейчас лотерея, причём цена лотерейному билету не высока...

Целую тебя, родная, крепко целую, как обнимаю. Сынка люблю и стараюсь представить себе его. Наверно, он очень сильно изменился.

Поцелуй его и попроси писать папе письма.

Твой Гуля.

Мой адрес: Ленинград 167, почтовый ящик № 6 литер 6-Н Мис.

Жена Игоря Грибеля – **Сусанна Александровна Соркина** (18 июля 1914 – 20 декабря 2013) – с будущим мужем училась в одной школе. Сузя (как мы все её звали) окончила техникум строительных материалов – за год и девять месяцев по почину «Даёшь стране досрочно техников-технологов!», затем вышла замуж, родила сына Володю.

Во время Великой Отечественной войны с 1942 года Сусанна с матерью и сыном находилась в эвакуации в Омске, год служила в санитарном поезде.

Сусанна Александровна вспоминала, как в Александро-Невскую лавру, где размещался главный эвакогоспиталь, привезли раненых бойцов, и «сёстры плакали, что они никак не реагируют на прорыв блокады...» Полное освобождение Ленинграда Сузя встретила в родном городе.

Через несколько лет после окончания войны она вышла замуж и стала Поддубной, вскоре родила второго сына¹⁷⁵. Много

¹⁷⁴ Копии фронтовых писем И. В. Грибеля предоставлены его сыном Владимиром в 2002 г.

¹⁷⁵ В. Конецкий, ещё курсантом, был не в силах справиться с потерей любимого двоюродного брата Игоря. Второе замужество Сузи он воспринял огорчённо (этим событием

лет работала Сусанна Александровна в Институте прикладной химии¹⁷⁶. Её работа носила секретный характер, но теперь можно сказать, что Ленинскую премию по специальной технике в 1961 году С. А. Поддубная и её коллеги получили за работу над ракетным топливом, «за органический синтез продуктов особого назначения».

Сын Сусанны Александровны и Игоря Викторовича – **Владимир Игоревич Грибель** (июль 1937 – 27 декабря 2007) – химик, изобретатель, тоже занимался научной работой. Мне очень его не хватает: Володя унаследовал незаурядный ум матери, был, как и она, замечательным собеседником, знатоком литературы и просто отзывчивым человеком, он по-родственному любил нас с Конечким.

Сусанна Александровна пережила обоих своих сыновей, не дожила до своего столетия всего несколько месяцев. Прожив большую жизнь, она сохранила ясный ум, неподдельный интерес к людям, науке и творчеству.

Её родители – **Дора Ильинична** (1889–1973) и **Александр Яковлевич** (1884–1951) **Соркины** – выпускники Тартуского университета, врачи-дерматологи. Во время блокады Ленинграда именно А. Я. Соркин попытался спасти умирающую Матильду Конечкую, устроив её отправку в больницу им. 25-го Октября... Александр Яковлевич служил главным врачом госпиталя, который находился на проспекте Огородникова (ныне – Рижский); затем капитан медслужбы Соркин был направлен в эвакуогоспиталь № 1254 в Омск. По долгу врача и по велению своего доброго сердца он спас сотни людей.

После войны великолепной библиотекой Александра Яковлевича Соркина пользовался Виктор Конечкий, а Дора Ильинична выводила курсантику бородавки на его сухих, пострадавших от холода и воды руках...

III

Младшая дочь Конечких, **Любовь Дмитриевна**, родилась в Петербурге 26 сентября (8 октября) 1893 года.

навечья впоследствии его рассказ «Без конца»), но со временем он понял молодую женщину, оставшуюся вдовой в 28 лет, до конца своих дней оставался близким другом Сусанны Александровны, как и её сына Володи.

¹⁷⁶ АО ФНПЦ НИИ прикладной химии.

Любовь окончила частный французский пансион Люси Ревиль¹⁷⁷, что позволило ей впоследствии уверенно чувствовать себя за рубежами России, свободно читать газеты и книги в оригинале, переводить по просьбе родных нужные им статьи и заметки.

Годы учёбы в пансионе подарили Любви Конецкой и настоящим друзьям.

Одной из ближайших её подруг стала Оляша Клемм – **Ольга Васильевна Веселкова-Кильштедт**.

Дед Оляши – генерал от инфантерии **Оскар Карлович фон Клемм** (1822–1891) был первым комендантом ковенской крепости в Литве, предназначенной для защиты западных рубежей Российской империи (1887–1889 гг.). Оскар Карлович был известен и как композитор, автор романсов на стихи М. Лермонтова, графа В. Соллогуба и других¹⁷⁸.

Отец Оляши – **Василий (Вильгельм) Оскарович фон Клемм** (1861–1938) был российским дипломатом. Окончив гимназические классы знаменитого Лазаревского института восточных языков, а потом Лазаревский институт и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИДа, он летом 1885 года стал чиновником этого департамента, а через год был отправлен драгоманом (переводчиком) Политического агентства в Бухаре; затем – стал первым российским консулом на территории Индии (1900–1905 гг.), генеральным консулом в персидском Мешхеде (1905–1908 гг.), до 1917 года возглавлял Третий (Среднеазиатский) политический отдел МИДа. После 1917-го В. О. Клемм оказался в Сибири, затем стал дипломатическим представителем адмирала А. В. Колчака во Владивостоке. Скончался Василий Оскарович фон Клемм в эмиграции в Берлине.

Ольга Васильевна Клемм родилась в 1897 году в Асхабаде¹⁷⁹. В 14 лет потеряла мать. Она часто рассказывала друзьям о времени, проведённом с отцом в Бомбее, о посещении ими Англии,

¹⁷⁷ Пансион Люси Ревиль (ранее – пансион Капронье) находился на Ново-Исаакиевской улице (ныне – улица Якубовича), д. № 14.

¹⁷⁸ Ноты сочинений О. К. ф. Клемм, хранившиеся в нашей семье, переданы в музей «А музы не молчали...» СОШ № 235 им. Д. Д. Шостаковича, где в 2017 г. открыта постоянная экспозиция, посвящённая семье Конецких – Базуновых.

¹⁷⁹ Со времени завоевания Туркестана Российской империей город, официально перешедший к России по Ахалскому договору с Персией 21 сентября 1881 г., назывался Асхабад; с 1919 г. – г. Ашхабад.

о братьях Осе и Николае, старшей сестре Марии. В семье росла и приёмная сестричка Нелличка: её подбросили младенцем на крыльцо дома Клемм.

Ко времени Октябрьской революции, замены всего уклада русской жизни, Ольга Васильевна была уже 20-летней барышней. Она вышла замуж за Р. А. Веселкова-Кильштедта. Ольга родила сына, но он умер в младенчестве от менингита...

Жизнь – не яркая страница,
Не мечта воздушной феи,
Не ликующая птица
В летнем сумраке аллеи.

Жизнь – усталость на дороге,
Утро – в улице столичной,
Где скрипят с гробами дроги
И поёт гудок фабричный...¹⁸⁰

Во время блокады Ленинграда Ольга Васильевна работала медсестрой в детской поликлинике на проспекте Римского-Корсакова у Николо-Богоявленского морского собора, затем была вывезена в эвакуацию. В 1944 году О. В. Веселкова награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Л. Д. Конецкая никогда не забывала, как во время блокады муж подруги **Роберт Александрович Веселков-Кильштедт** спас её сыновей.

Виктор Конецкий рассказывал: «Пришёл муж детской материнской подруги Робушка, полный доходяга, опухший, потерявший человеческий облик, сказал, что знает человека, который должен дать за драгоценность сливочное масло. У матери было или кольцо, или брошь – какая-то семейная реликвия. Она отдала это Робушке, хотя он был очень плох, то есть в том находился состоянии, когда на его мораль или там нравственность уже вроде и нельзя было надеяться. И на следующий день он притащился с бруском сливочного масла – наверное, граммов на восемьсот. Мы смотрели на это настоящее масло в таком фантастическом количестве и плакали.

И вот мать начала нам с братом давать его лизать два раза в день.

Мать была очень волевая, сильная до беспощадности женщи-

¹⁸⁰ Поэтесса Мария Веселкова-Кильштедт «Жизнь».

на. И мы выжили, и Робушка, который, конечно, умер через несколько дней и могилы которого мы, конечно, не знаем, есть наш Спаситель»¹⁸¹.

Ольга Васильевна Веселкова-Кильштедт умерла в 1970-е годы, похоронена на Северном кладбище.

В нашем доме, как и у племянниц Виктора Викторовича, и сегодня хранятся симпатичные вещи (различные декоративные предметы и посуда с индийскими и персидскими мотивами), подаренные Любви Дмитриевне Оляшей: она любила делать подарки и при жизни раздала всем дорогим ей людям *всё*, что имела.

...В 1912 году, окончившая пансион Любовь Конецкая, оказалась со старшей сестрой в Монте-Карло: с 1 апреля того же года Матильда Дмитриевна получила ангажемент в Русской труппе С. П. Дягилева. Балетного образования у Любы не было, но с ноября 1913 года по июль 1914-го она выступала в мимансе и кордебалете, побывала с Русской труппой в Берлине, Праге, Париже, Лондоне и, по её воспоминаниям, «многих меньших городах»¹⁸².

Сергей Дягилев и Тамара Карсавина, Лев Бакст и Гильом Аполлинер, Игорь Стравинский и Жан Кокто – о знакомстве с этими выдающимися личностями Л. Д. Конецкая часто вспоминала в разговоре с сыновьями.

У Дягилева Любовь Конецкая встретила и с подругой Ольгой Хохловой.

Ольга Степановна Хохлова родилась 17 июня 1891 года на Черниговщине в городе Нежине, что стоит на берегу реки Остёр.

«Нежати́на нива», место битвы между русскими князьями, упоминается в «Повести временных лет», а битва «в селе» на Нежатиной ниве – в «Слове о полку Игореве». Нежин – родина мореплавателя и исследователя Юрия Фёдоровича Лисянского (1773–1837). Город известен и тем, что его жители в 1881 году первыми в мире установили памятник Н. В. Гоголю.

Глава семьи – **Степан Васильевич Хохлов** – был начальником лазарета Батурицкого резервного пехотного полка царской армии, хотя первое его образование было духовное. Семья Хох-

¹⁸¹ «У каждого был свой спаситель».

¹⁸² Из автобиографических заметок Л. Д. Конецкой (хранятся в семейном архиве Конецких).

ловых была глубоко верующей, и воспитанию пятерых детей уделялось большое внимание, об этом заботилась мать семейства **Лидия Николаевна Хохлова** (урождённая Винченко).

Старшие дети Хохловых родились и были крещены в Батури-не, а Ольга – в Нежине, где был расквартирован тогда полк отца, там же и крещена в Крестовоздвиженской церкви.

В 1900 году семья перебралась к новому месту службы поручика С. В. Хохлова в Петербург – глава семейства стал служить в Главном военно-судном управлении на административных должностях (1900–1911 гг.)¹⁸³.

Дети Хохловых учились, кто в гимназии, кто в лицее, а Ольга – в пансионе мадам Люси Ревиль. Хохловы часто посещали с детьми театры, особенно Императорский, ведь всеобщая любимица Ольга мечтала о сцене.

Воспитанницей пансиона, где учили танцу, Ольга Хохлова впервые и вышла на любительскую сцену петербургского Дома офицеров. В пансионе во время одного хореографического концерта способную Ольгу заметили приглашенные педагогами опытные хореографы. Ей было тогда четырнадцать лет.

Когда началась Русско-японская война, штабс-капитан С. В. Хохлов отправился служить по медицинской части; с войны вернулся молчаливым подполковником, с орденом.

В 1911 году Степан Васильевич Хохлов был переведён по службе на юго-запад Закавказья в Карскую область (с 1912 года – на строительстве железной дороги в районе г. Карса).

Ольга же окончила в Санкт-Петербурге обучение в пансионе и решила поступать в школу танцев Евгении Соколовой.

У талантливого педагога Е. П. Соколовой (1850–1925) учились Анна Павлова и Тамара Карсавина, Кшесинская и Егорова, Трефилова и Ваганова, Ольга Спесивцева.

Соколова – ученица Мариуса Петипа и Христиана Йогансона, танцевала во всех балетах М. И. Петипа и знала все главные партии, которые разучивала со своими ученицами. Школа Евгении Павловны Соколовой, безусловно, многое дала Хохловой.

На одном из сайтов, посвящённых Пабло Пикассо, приведены следующие сведения об Ольге: «...А уже в следующем [1911] году через сестёр Конецких [Хохлова] попала на просмотр к Сергею

¹⁸³ В Петербурге Хохловы жили в казенной квартире на Мойке, д. № 96. В этом здании (по соседству с дворцом князя Юсупова) располагались Главное военно-судное управление и Николаевский кадетский корпус – Александровская военно-юридическая академия (ныне – Санкт-Петербургская Академия Следственного комитета РФ).

¹⁸⁴ www.pablo-ruiz-picasso.ru

Дягилеву и получила место в “Русских балетах”»¹⁸⁴.

Вероятно, так и было: Ольга Хохлова была частой гостьей в доме Конецких, дружила с сёстрами – Любочкой и Матильдой, была сердечно привязана и к их матушке Марии Павловне. Любовь Конецкая, зная об увлечении Ольги балетом, вероятно, и представила подругу своей старшей сестре Матильде Дмитриевне, и та стала наставницей Ольги (в своих письмах Хохлова называет Матильду Дмитриевну «мамушкой» в танце)¹⁸⁵.

В квартире Хохловых на Мойке М. Д. Конецкая проводила балетные занятия, что и позволило Ольге в 1911 году отправиться во Францию к С. П. Дягилеву и очень скоро попасть в его профессиональную труппу Русского балета¹⁸⁶.

В своих «Ранних воспоминаниях» танцовщица и педагог Бронислава Нижинская (1891–1972) упоминает рыжеволосую Ольгу Хохлову, ученицу Е. П. Соколовой. Счастливой весной 1911 года, пишет она, вместе с Ольгой Хохловой и Миде Гулюк, которые «в профессиональной труппе ещё никогда не выступали и за границу ехали в первый раз»¹⁸⁷, и выпускницами балетного училища они отправились в Монте-Карло.

У Дягилева творческая жизнь Ольги Хохловой складывалась успешно: благодаря способностям и трудолюбию, она перешла из кордебалета к небольшим партиям. Так, о совместной работе с Ольгой над партиями нимф в балете Вацлава Нижинского «Послеобеденный отдых фавна» (1912 г.) пишет в «Ранних воспоминаниях» Б. Ф. Нижинская¹⁸⁸.

В разгар Первой мировой войны, в июле 1915 года, Хохлова возвращалась на родину, намереваясь, по совету Нижинской, принять ангажемент в Киеве.

Но судьба распорядилась иначе: в 1917-м танцовщицу Дягилева Ольгу Хохлову ждала встреча с Пабло Пикассо.

В феврале 1917 года Пикассо прибыл в Рим для работы над балетом «Парад». Во время репетиций и спектаклей художник делал бесконечные наброски и рисунки танцовщиц. Но лишь одна из них покорила сердце экспрессивного и страстного Пикассо – Ольга Хохлова.

Из книги танцовщика и хореографа Леонида Мясина «Моя

¹⁸⁵ Письма О. С. Хохловой Конецкой Л. Д. РГАЛИ. Ф. 2898. Оп.1. Д. 640.

¹⁸⁶ Демская А. А. История фотографий коллекции П. Пикассо // Пикассо Хохлова : [каталог выставки] ; ГМИИ им. А. С. Пушкина. – Москва, 2019. – С. 62–69.

¹⁸⁷ Нижинская Б. Ранние воспоминания / Бронислава Фоминична Нижинская. – Москва : «Артист. Режиссер. Театр», 1999. – Ч. 2. – С. 94.

¹⁸⁸ Там же, с. 183.

жизнь в балете»: «Зимой 1916/17 года наша студия на площади Венеции в Риме была местом встречи уже расширяющегося круга художников; теперь в него входил Пабло Пикассо, которого Дягилев пригласил в Рим работать над новым балетом. <...> Я много слышал о молодом испанце, который приходил на наши репетиции, рисовал танцовщиков и помогал Баксту расписывать некоторые используемые в балете аксессуары. Именно во время репетиций “Женщин в хорошем настроении”¹⁸⁹ он встретил свою будущую жену Ольгу Хохлову, исполняющую роль Феличиты...»¹⁹⁰.

В мае Ольга танцевала в Париже в балетах «Сильфида», «Солнце ночи», «Петрушка». Потом труппа Дягилева отправилась в турне по Испании, во время которого Ольга исполняла и сольную партию – придворной дамы в балете Л. Мясина «Менины». В Барселоне Пикассо представил девушку своей матери. Предстояли гастроли и в Южную Америку, но туда Хохлова, увлечённая Пикассо, уже не отправилась.

Она не сразу ответила художнику взаимностью: истинная вера не позволяла Ольге вступить с Пабло в близкие отношения до замужества. И горячий Пикассо поспешил оформить их брак. В 1918 году Ольга стала мадам Пикассо.

Молодые венчались в русской церкви святого Александра Невского на Rue Daru в Париже. Венчал их протопресвитер Иаков Смирнов (1854–1936).

Пикассо, ко времени своей женитьбы на Ольге уже познавший горечь потерь, хотел видеть жену только рядом с собой и надеялся, что с её появлением обрёл тихую гавань.

Ольга стала и его любимой моделью. «У неё были чистые правильные черты лица, гладкая кожа, вся натура её пронизана той женственностью, которая всегда так волновала Пикассо», – писала о Хохловой французский историк культуры Антонина Валлантен в книге «Пабло Пикассо»¹⁹¹. И картинам художника «Ольгиного» периода присущ «классический язык гибких, поющих линий – язык умиротворения, счастья и любви». Портрет Пикассо «Ольга в кресле» (1918 г.) Виктор Конецкий считал одним из лучших портретов XX века.

¹⁸⁹ Балет Л. Ф. Мясина.

¹⁹⁰ Мясин Л. Моя жизнь в балете / Леонид Фёдорович Мясин. – Москва : «Артист. Режиссер. Театр», 1997. – С. 130.

¹⁹¹ Валлантен А. Пабло Пикассо / Антонина Валлантен. – Москва : Феникс, 1998. – Гл. IX. «Русский балет» и воспринятая реальность (1913–1918).

Но на портретах Пикассо, даже начального счастливого периода семейной жизни, Ольга не улыбается, она чаще всего грустна или задумчива. Пикассо не редко пишет жену, склонившуюся над книгой (чтение для неё было и привычкой, и отдушиной) или за письменным столом.

Ольга Степановна была оторвана от родины и семьи, и это для неё стало серьёзным испытанием.

Её младший брат Евгений умер в 1917 году совсем молодым от скарлатины; отец – полковник Павел Степанович Хохлов скончался от сыпняка в 1922-м¹⁹², мать Лидия Николаевна умерла в 1927 году.

Старший брат Ольги Владимир жил в Подмосковье, его не стало в 1960 году. Как участник белого движения он не мало претерпел¹⁹³.

Средний брат Ольги Николай в 1919–1920 годах участвовал в боях на Кубани и в Крыму; затем через Константинополь попал в Белград. В 1922 году он пытался вступить в резерв сербской армии (армия Королевства С.Х.С.) и Пабло Пикассо пытался в этом помочь, отправив ему несколько своих рисунков с просьбой преподнести их своему поклоннику генералу Стевану Хаджичу, военному министру Королевства С.Х.С.¹⁹⁴.

Тосковала Ольга и по старшей сестре Нине, которая переехала из Тифлиса в Москву. Она была замужем за кадровым военным В. С. Тамручи (затем – в разводе). В 1943 году генерал-лейтенант танковых войск Владимир Степанович Тамручи (1892–1950) был арестован по доносу, семь лет провёл в тюрьме, где подвергался страшным пыткам, и умер в заключении.

Ольга часто писала родным в Москву, отправляла им посылки, но они до них доходили редко...

Хохлова была оторвана и от балета, который горячо любила. Ещё в 1919 году Дягилев писал Пикассо, заманивая того в Лондон, где труппа в очередной раз имела большой успех: «...А

¹⁹² Семья с 1919 г. считала отца пропавшим без вести во время боя в ходе Пермской операции: тогда Пермь и Кунгур были заняты Белой армией, а попытка Красной армии восстановить контроль над занятыми территориями закончилась провалом, и обе стороны понесли большие потери.

¹⁹³ О судьбе В. С. Хохлова В. Конечкому сообщила в письме (2000 г.) директор ГМИИ им. А. С. Пушкина Ирина Александровна Антонова.

¹⁹⁴ В издании «Незабытые могилы: Российское зарубежье : некрологи 1917–2001» (составитель В. Н. Чуваков; т. 6, с. 93) указан *Хохлов Н. С.* (? – 22 ноября 1937), умерший в госпитале Амбруаз-Перрэ (Булонь) и похороненный на кладбище Бийанкур, но идёт ли речь о Николае Степановиче, брате О. С. Хохловой, сказать с уверенностью невозможно.

Ольга? Неужели она навечно распрощалась с искусством танца? Это весьма печально! Мясин сожалеет об этом как хореограф, а я – как бывший поклонник...».

Радостью и спасением для Ольги стало рождение в 1921 году сына Паблито (Поля). Пикассо постоянно писал маленького Поля и жену, счастливую материнством.

И всё же, прожив с мужем более семнадцати лет, Ольга его покинула. Хохлова не выдержала измен (новой возлюбленной Пикассо не было и восемнадцати лет, она родила ему дочь), и ненависти, которую, как признавался сам Пабло, он стал испытывать к жене. «Она слишком многого от меня хотела!» – заявлял Пикассо после расставания с Ольгой.

В январе 1987 года Виктор Конецкий побывал во Франции (готовился к работе над книгой об истории семьи). В Париже Виктор Викторович встречался с другом Сартра и Пикассо – писателем Мишелем Лерис (1901–1990), который знал Ольгу Хохлову в 1920-е – 1930-е годы: «Была грациозна, аристократична, имела буржуазные привычки, <...> благодаря ей Пикассо стал светским человеком, что ему не нравилось»¹⁹⁵.

Кто-то из многочисленных биографов Пикассо точно заметил, что Ольга совершила чисто женскую ошибку: она впала в полную зависимость от мужа, мечтая о диалоге душ, драматизировала их отношения.

А Пикассо нуждался в абсолютной свободе без внешних светских условностей. По мнению внука художника Оливье Видмайера-Пикассо, любовные похождения были для Пабло *sine qua non*¹⁹⁶ – непременным условием творчества.

И художник творил, а семейная его история с Хохловой переродилась в историю судебных склок и взаимных унижений, растянувшуюся на двадцать лет. Официально их развод оформлен не был никогда. Разлад отношений с Ольгой отразился и на манере работы Пикассо: на смену неоклассике пришёл гротеск и сарказм кубизма...

...Последнее письмо от Ольги Хохловой Л. Д. Конецкая получила в 1916 году. С наступлением «оттепели» Любовь Дмитриевна пыталась разыскать подругу, писала Пабло Пикассо, но ответа не получила. О смерти Ольги Степановны ей сообщил Илья Эренбург¹⁹⁷.

¹⁹⁵ Из записной книжки В. Конецкого (хранится в семейном архиве Конецких).

¹⁹⁶ «Без чего невозможно».

¹⁹⁷ Письмо от 3 марта 1958 г.

Ольга Руис Пикассо скончалась 11 февраля 1955 года в городской больнице «Босолей» Канн от рака – болезни, отягощённой её горьким одиночеством и непрощённой обидой на мужа. Пикассо на похороны отвергнутой жены не приехал: он работал над очередной эпохальной картиной.

Ольга Хохлова похоронена в Каннах на самом красивом кладбище Франции – Cimetière du Grand Jas (его называют «Пер-Лашез Лазурного берега»)...

В семье Конецких Любочку считали дурнушкой. Но что красота...

С юности в Любовь Дмитриевну был влюблен офицер **Николай Николаевич Радченко** (29 марта 1890 – 10 января 1948), один из первых в России военных радистов.

Во время Первой мировой войны он писал Любочке замечательные, полные надежды на взаимность, письма. А узнав, что «грёза и зоренька» его выходит замуж, повёл себя как воистину любящий человек: «Очень рад за вас, Любаша, что Вы скоро будете вместе; глубоко чувствуется, что Виктор Вас здорово любит, очень хорошей, глубокой, такой проникновенной любовью... Храни Вас Господь. Ваш Николаич».

Любовь Конецкая вышла замуж за Виктора Штейнберга. Они познакомились в 1915-м в Петроградском частном коммерческом банке¹⁹⁸, где оба подрабатывали. 19 апреля 1917 года молодые венчались в Благовещенской православной церкви¹⁹⁹. Одним из поручителей невесты был вольноопределяющийся Р. А. Веселков-Кильштедт. На венчании Любовь Дмитриевна уронила обручальное кольцо, что считалось плохой приметой, всех гостей церемонии это расстроило...

«Медовый месяц» молодые провели в Крыму.

Их брак поначалу был счастливым. Весёлый, быстро располагающий к себе Виктор Андреевич был и собой хорош – одни усы чего стоили. За усы и поклонение женской красоте в семействе его прозвали «Мопассаном»...

Николай Николаевич Радченко остался другом семьи, сохраняя прежние чувства к «маленькой вакханочке», как он называл

¹⁹⁸ Главное здание Петроградского частного коммерческого банка (Первый Русский акционерный коммерческий банк) располагалось на Невском проспекте, д. № 1/4.

¹⁹⁹ В справке ЦГИА СПб, подготовленной по документам архивного фонда Петроградской духовной консистории (Ф. 19. Оп. 127. Д. 3534), местом венчания указана Эстонская Исидоровская православная церковь, но в этой церкви венчалась не Любовь Дмитриевна, а Матильда Дмитриевна Конецкая.

Любовь Дмитриевну. И через шесть лет после её замужества он писал:

«Дорогая, родная, несравненная, единственная, с добрым утром и, Бог даст, с весёлым пробуждением. Сейчас полчаса 12-го и уже два часа как я мирно плыву на переполненном и весьма комфортабельном пароходе. Ужасно грустно и как-то больно защемило сердце после третьего свистка: я жадными глазами смотрел и искал Вас; конечно, это глупо и было бы жестоко с моей стороны ожидать Вас, но глупое сердце не подчиняется логике и рассудку и хочет чуда, так мне страшно хотелось увидеть Вас... Вы знаете, что в моем чувстве к Вам нет греха, поэтому я беру на себя смелость написать “люблю”. Да, люблю, люблю, дорогая моя радость и смысл жизни, и счастлив, что могу и имею право любить Вас и никого более. Много Вы во мне не понимаете, вернее критически и, может быть, недоверчиво относитесь к проявлению моего чувства, но я уверен, Вы знаете и чувствуете всю его необъятность, искренность, самоотверженность и глубину. Ах, родная моя, почему Вы так далеко сейчас и всё-таки Вы вся здесь со мной... Вы, конечно, в церкви сегодня не были и мне не пожелали доброго путешествия? Это не упрек, Боже меня сохрани; я хорошо помню мудрое восточное изречение: “Не думай, что любимый тобой человек всегда занят тобой, как ты им”». Поэтому прошу Вас не обращать на такие слова Вашего внимания, хорошо? Если не будет сильно качать, то продолжу эту записочку в озере, а пока с добрым утром и, пожалуй, с летом. Ваш Николаич».

Любовь Дмитриевна любила мужа. Из огорчений одно – долго не было детей.

Л. Д. Конецкая работала в Компроде Московского района на Измайловском проспекте «в должности заведующей Подотделом трудового Пайка Отдела Статистики Района»; в Мариинском театре (ГАТОБ) – артисткой миманса (до 1922-го в штате, затем – до 1926-го вне штата); в Управлении по постройке хлебозавода ЛСПО в конторе производителя работ – делопроизводителем, «являясь практически машинисткой, ведущей делопроизводство»²⁰⁰.

В 1927 году Л. Д. Конецкая родила долгожданного сына Олега, а через два года – Виктора. Рождению детей предшествовала опе-

²⁰⁰ Сведения из «Автобиографии» и «Трудовой книжки» Л. Д. Конецкой-Штейнберг (хранятся в семейном архиве Конецких).

рация, которую Любови Дмитриевне провёл профессор И. И. Джанелидзе.

Через два года после рождения Вики брак Любови Дмитриевны рухнул.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ АРХИВА ПРОКУРАТУРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА²⁰¹

*От нарследователя М. Р-на
В. А. Штейнберга*

11 мая 1922 г. я принял камеру нарследователя 1 отд. В. О. р-на, и вот спустя почти 10 лет я вынужден, настоящим рапортом, ходатайствовать перед Вами об освобождении меня от занимаемой должности по целому ряду обстоятельств катастрофического для меня характера: в 1925 г. я заболел туберкулёзом (горловое кровотечение), но до сегодняшнего дня, при наличии этой тяжёлой болезни, которая перешла в тbc. 2 ст., я продолжал по мере сил работать.

С февраля 1931 г. меня постигло ещё большее несчастье. Моя жена заболела смертельной болезнью – фибра саркома. После длительного пребывания в больнице (с 26.04 по 26.05 с. г.) и тяжёлой операции – удаление злокачественной опухоли, появилась надежда на её спасение, однако в настоящее время появилась новая опухоль, идущая к сердцу, – операция невозможна и единственный способ лечения – лучи Рентгена – разрушают её организм. Её болезнь от неё скрывается, при содействии пользующих её врачей. Двое маленьких детей (2 года и 4 года), инвалид жена – угасающая на глазах – моё психическое состояние таково, что я не только нести работу следователя не могу, а с моей стороны было бы нечестно задерживать за собой столь ответственное место, я нахожусь в бредовом состоянии, а потому прошу меня освободить от занимаемой должности. Если в моей жизни в ближайшее время появится хоть маленький просвет, я сам приду в Прокуратуру и буду просить вновь вернуть мне должность Нарспеца, ту должность, которой я отдал лучшие 10 лет моей жизни.

*В. Штейнберг.
31.07.1931 г.*

²⁰¹ Копии документов из «Личного дела В. А. Штейнберга» получены из Прокуратуры Санкт-Петербурга 11 октября 1998 г.

Никогда Любовь Дмитриевна не рассказывала сыновьям о том, что пережила в те годы...

Виктор Андреевич не переставал любить жену (как и она его) и заботиться о детях, но вместе они уже не жили.

В квартире Любви Дмитриевны на канале Круштейна часто устраивались вечеринки, на которые приглашались подруги, сёстры, другие родственники. Под скромную закуску веселились так, «как я потом не видел», вспоминал Виктор Конецкий.

Любовь Дмитриевна занималась домом и сыновьями. Она всегда была рядом со своими «любимыми мальчонками» – в блокадном Ленинграде, в эвакуации – во Фрунзе, где работала хинизатором и сдавала кровь, пригодную лишь на противомалырийную сыворотку, затем – в Омске.

Главным тогда было – накормить детей, спасти их.

В архиве Виктора Конецкого сохранилось «Меню» новогодней ночи 1943 года. Его «составила» во Фрунзе Любовь Дмитриевна, а Вика разукрасил листочек ёлочкой и зайцем. На новогоднем столе: «Салат à la оливье, à la плов, чай, пирог».

Виктор Викторович рассказывал, что мать умела приготовить пирожные даже из картофельных очисток.

Во Фрунзе Любовь Дмитриевна встретила с Н. Н. Радченко, который жил там с семьёй – женой Екатериной Михайловной и двумя сыновьями. Они-то и приютили блокадников в своей временке.

Судьба Н. Н. Радченко была тяжёлой, но везло ему фантастически.

Первый раз его арестовали в 1932 году в Ленинграде – он просидел в тюрьме около года и был выслан с семьёй в Киргизию, в посёлок Карабалты (Кара-Балта), работал там на строительстве сахарного завода. В 1936 году Н. Н. Радченко направили на стройку в Воронежскую область, но вскоре он вернулся в Киргизию и поселился во Фрунзе.

В начале 1938 года его снова арестовали и приговорили к расстрелу. Николаю Николаевичу удалось добиться отмены приговора (помогли друзья) и отделаться ссылкой в Медвежьегорск (Карелия). Более того, его ссылка была недолгой, и перед войной он опять вернулся во Фрунзе и работал... в Госплане Киргизии начальником отдела сводного планирования. Членом ВКП(б) – КПСС никогда не был.

В 1944 году семья Радченко перебралась в Кишинёв; Николай Николаевич работал в министерстве пищевой, а затем – вкусовой (была и такая) промышленности, одно время – в должности зам. министра, затем – главным инженером Молдаввино.

В 1947 году, тяжело болея, Любовь Дмитриевна писала старому другу:

«Вот теперь я смогу уйти из этого мира, Николаич, с улыбкой Вас благословляя. Много, много грехов да простится Вам за ласковое письмецо мне..., друг милый, старый друг... Спасибо Вам за него большое. Как Вы здоровы сейчас и что Екатерина Михайловна...».

Скоро Н. Н. Радченко не стало. Любовь Дмитриевна ездила в Кишинёв, была на кладбище, где упокоен её верный друг, долго «молилась и вспоминала». Хоронили Николая Николаевича, как рассказывал его старший сын Никита, «с музыкой и церковным хором».

«...Будучи во Фрунзе в 1984 году, обнаружил, что наш дом и ваша времянка сохранились, там теперь детский садик...», – писал нам Никита Николаевич Радченко (его не стало в 2001 году).

После войны, с 1945 года, когда сыновья поступили в Ленинградское военно-морское подготовительное училище, Любовь Дмитриевна работала в Ленинградском государственном академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова – агентом, контролёром, лаборантом, и даже старшим пожарным в пожарно-сторожевой охране. Но все её мысли были по-прежнему о сыновьях.

К матери Виктор был привязан крепко. Недавно прочитала в «Дневнике» Ирины Пестряковой: «Ну что греха таить, любила Любовь Дмитриевна Виктора больше [чем Олега]. Правда не всегда. Кажется, в раннем детстве всё было наоборот».

Мать, конечно, не обделяла кого-то из сыновей своей любовью – ни первенца Олега, ни Виктора.

Но Вика заметно выделялся: он был активнее Олега, решительнее, «глубокомысленней» (так мать считала в его детстве), и она рано разглядела одарённость прежде всего младшего сына. Конечкий рассказывал, как однажды, выйдя после долгой службы из Никольского собора и застёгивая пальтишко, воскликнул, бравируя:

– Фу ты! Как под Измаилом!

Мать была от слов, кажется шестилетнего тогда сына, в восторге. Любовь Дмитриевна и сама, по воспоминаниям невестки Ирины, «любила производить впечатление».

Да и права была она, почувствовав в своём сыне яркую индивидуальность. Вот Виктор пишет ей с Северного флота и сразу можно догадаться, что станет он литератором, письмо к ней как зарисовка к будущему рассказу:

«...Вечер – небо голубое, солнце “в зените” (северный зенит градусов 30), чайки как грязная пена болтаются метров в 20 за кормой, ближние сопки покрылись редкой зеленью кустарников (отцвела верба), дальние – тёмно-серого цвета, не сплошь, но как-то очень плотно, покрыты снегом.

Вообще вода (а она главный элемент пейзажа) находится в умиротворённом и созерцательном настроении, – это, наверное, от усталости, так как последние дни ветер гнал, а дождь сёк небольшие разбросанные волны по бухте. Разозлённые, они протяжно вздыхали, разбиваясь о пропитанные мазутом сваи пирсов, о скалы берега и борта кораблей. Корабли навешивались на пирсы и друг на друга, верхняя вахта, взрываясь матом, заводили добавочные швартовы, урчали (неразб. – *Т. А.*). От солёных брызг быстро ржавела сталь палуб. Боцмана, очищали её, покрывая палубу бензином, команда скользила по нему изредка считая задом заклёпки ...»²⁰².

Привычка (и потребность) Виктора обмениваться с матерью мнениями, размышлениями сохранялась всегда, и можно сказать, что Любовь Дмитриевна нравственно и эстетически сильно повлияла на сына.

Виктор Викторович вспоминал, что когда писал письмо в защиту А. И. Солженицына²⁰³, то спрашивал совета у матери: отправлять письмо или нет. Любовь Дмитриевна только удивлённо пожала плечами: «Да, разумеется. О чём это ты!..»

Стоит ли говорить, что именно мать была первым читателем книг сына и самым честным критиком. «Хорошо написал. А как бы ты написал, если бы не пил!..» – вполне серьёзно говорила она сыну, прочитав «Повесть о радисте Камушкине»²⁰⁴. Он запомнил её слова навсегда.

²⁰² Из письма матери Л. Д. Конечкой (б. д.).

²⁰³ 20 мая 1967 г.

²⁰⁴ Первая публикация: Нева. – 1962. – № 9. – С. 81–114.

...Виктор не любил, когда мать приходила провожать его в море. Предрейсовая суета, погрузка... А он видит, как она прячется на причале, боясь, что сын её заметит, – старая, больная, уже без особой надежды дожидаться сына из рейса. И сердце разрывалось у него от жалости к матери, которой всегда хотелось получить ещё и ещё один знак его внимания, дающий уверенность, что она ему по-прежнему нужна, – как в детстве.

Любовь Дмитриевна Конецкая скончалась 4 октября 1971 года.

Известие о смерти матери Виктор Викторович получил от брата, находясь в писательской командировке в Польше.

Сыновья похоронили её на Богословском кладбище рядом с отцом Виктором Андреевичем Штейнбергом.

IV

Семья Штейнбергов переехала в Петербург в середине XIX века из Вильно (ныне – Вильнюс).

Как-то листала в Российской национальной библиотеке «Указатель города Вильно» 1864 года, чтобы представить себе город, находящийся в 662-х верстах от Санкт-Петербурга: город – мещанский, жителей – 69464 человек; два монастыря, одиннадцать православных церквей, двадцать два костёла, две евангелическо-лютеранских церкви, мечеть.

При составлении «Указателя» оказалось, что многие улицы Вильно не имеют названий или же названия свои утратили. И главный начальник края утвердил новые наименования: Абрамовиговский переулочок был переименован в Губернаторский, Безымянная улица – в Миллионную, а Безымянному переулочку не повезло – его окрестили Глухим.

«После Глазкова г. Вильно один из самых здоровых городов и может быть причислен к северной полосе по малой своей смертности...», – говорится в «Указателе».

В этом здоровом городке в 1858 году родился **Андрей Семёнович Штейнберг** (до принятия православия – Мендель Шлиом).

Вероятно, у семьи Штейнбергов были средства, которые позволили Андрею Семёновичу в 1888 году окончить медицинский курс в Петербурге. Он имел затем практику и «свою вывеску» на Садовой улице, считался хорошим дантистом.

Скончался А. С. Штейнберг 12 февраля 1922 года.

Его жена – **Евгения Николаевна** (Зельда Абрамовна) – родилась в 1871 году. Она запомнилась родным доброй и набожной

женщиной; после смерти мужа жила со старшим сыном; скончалась 26 ноября 1939 года.

Старший сын Штейнбергов – **Александр Андреевич** – родился в Санкт-Петербурге 27 июня 1888 года.

30 ноября 1903 года причтом церкви Ремесленного училища цесаревича Николая ученик восьмого класса Десятой гимназии Александр Штейнберг был крещён «и присоединён к православной кафолической церкви с наречением Александром в честь святого Александра Невского».

Окончив гимназию с отличными отметками по всем предметам, Александр Штейнберг в августе 1905 года был принят студентом на юридический факультет Петербургского университета; 6 апреля 1910 года получил выпускное свидетельство о прослушанном в университете курсе наук²⁰⁵.

До 1917 года Александр Андреевич служил присяжным поверенным и присяжным стряпчим, затем – член Петроградской губернской коллегии защитников по уголовным и гражданским делам при Петрогубсуде. Позднее А. А. Штейнберг был заведующим юридической частью 4-го Госстроительного треста (с момента основания), заведующим Треста № 16 Народного комиссариата Судостроительной промышленности²⁰⁶.

Александр Андреевич был хорош собой, нравился женщинам и всю жизнь пользовался этим, но семьёй не обзавёлся. Он был книгочеем, некоторые книги с его экслибрисом хранятся в нашей домашней библиотеке и сегодня.

Александр Андреевич Штейнберг скончался в Ленинграде во время блокады. Место его захоронения неизвестно.

Сохранилось письмо, написанное им племяннику Олегу:

Ленинград, 3 октября 1934 г.

Мой милый, дорогой Олег, поздравляю тебя с Днём Ангела²⁰⁷ и от всей души желаю тебе здоровья и всякого счастья. Расти большой и счастливым.

Я очень, очень жалею, что не могу сам прийти тебя поздравить, но я болен и не могу выходить на улицу.

Ты помнишь, когда я был у вас последний раз, то уже был простужен.

²⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 44269; Ф. 422. Оп. 2. Д. 155.

²⁰⁶ Из «Личного дела В. А. Штейнберга» (копия получена из Прокуратуры Санкт-Петербурга).

²⁰⁷ День ангела Олега по православному календарю отмечают 3 октября в честь св. благоверного князя Олега Брянского (единственная дата в году для именин этого имени).

*Посылаю тебе в подарок Глобус. Это такой шар, который изображает Землю, на которой мы все живём.
Ты скоро начнёшь учиться, и глобус тебе понадобится.
Мамося тебе объяснит всё.
Крепко тебя целую и обнимаю. Твой дядя Шура.*

Виктор Андреевич Штейнберг, младший сын Андрея Семёновича и Евгении Николаевны, родился в Петербурге 12 июля 1892 года, крещён 22 июня 1902 года в Петербургской Входеоерусалимской Знаменской церкви²⁰⁸.

В августе 1912 года Виктор Штейнберг поступил в Санкт-Петербургскую Десятую гимназию, в которой «обучался при отличном поведении» до 23 мая 1913 года, ему был выдан Аттестат зрелости по предметам гимназического курса.

13 августа 1913 года он был зачислен студентом на юридический факультет Петербургского университета. Во время учёбы в университете Виктор Штейнберг подрабатывал конторщиком в Петроградском частном коммерческом банке²⁰⁹, где познакомился с будущей женой Любовью.

Виктор Андреевич был отличным гимнастом, рассказывал сыновьям, как во время одного из праздников в Царском Селе крутил «солнышко» перед очами самого императора.

1 августа 1916 года студентом третьего курса Виктор Штейнберг был призван на военную службу, «т. к. означенный призыв был проведён перед весенней сессией» и он «не успел сдать 2-х экзаменов, необходимых для перехода на 4-й курс». Солдат 1-го Подготовительного учебного батальона Петроградского университета В. Штейнберг служил санитаром в военно-полевом госпитале до июля 1917 года.

В сентябре 1918 года он восстановился в университете и окончил полный его курс в 1919 году, но государственные экзамены не сдавал.

С 1919 года В. А. Штейнберг работал в технической комиссии при комиссаре народного банка, инспектором РК инспекции путей сообщения; с 1922 года – народный следователь в 14-м отделении милиции на Васильевском острове, старший следователь областной прокуратуры Ленинграда, военный прокурор, старший следователь транспортной прокуратуры Октябрьской

²⁰⁸ Входеоерусалимский Знаменский храм, располагавшийся на месте нынешнего наземного павильона станции метрополитена «Площадь Восстания», был снесён в 1940 г.

²⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 62424; Ф. 422. Оп. 3. Д. 209.

железной дороги, а с 1937-го – помощник прокурора Октябрьской железной дороги по надзору за следствием, помощник военного прокурора военно-транспортной прокуратуры Октябрьской железной дороги в звании майора юстиции²¹⁰.

О характере работы В. А. Штейнберга мы можем лишь догадываться. «Молчать отец умел замечательно даже сильно подвыпивши, – вспоминал Виктор Конецкий. – ...В конце тридцатых годов отцу пришлось бы вовсе плохо, кабы он не расстался с матерью»²¹¹.

Виктор Викторович хорошо помнил молчаливые очереди в ленинградские «Кресты» с передачами для тёти Оли и дяди Серёжи.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ПРОКУРАТУРОЙ

*Прокуратура Российской Федерации
Прокуратура Санкт-Петербурга
9-2-98*

Уважаемая Татьяна Валентиновна!

На Ваше письмо сообщаю, что имеющиеся в ведомственном архиве прокуратуры Санкт-Петербурга документы на Штейнберга В. А. носят служебный характер и закрыты для доступа исследователей.

*Заместитель прокурора города
старший советник юстиции М. Ф. Попов.*

В сентябре 1943 года, «по причине дистрофии», Виктор Андреевич Штейнберг был переведен в Омск, где работал в должности помощника военного прокурора железной дороги.

С 1945-го по 1951 год В. А. Штейнберг служил помощником прокурора Октябрьской железной дороги по судебному надзору, после чего был освобождён с должности «в связи с переходом на инвалидность 2-й группы».

В. А. Штейнберг награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За Победу», «XXX лет Советской армии».

Умер Виктор Андреевич Штейнберг 22 января 1952 года. В последний путь его провожали сыновья, Любовь Дмитриевна и Надежда Бернгардовна Зальтуп.

²¹⁰ Из «Личного дела В. А. Штейнберга» (копия получена из Прокуратуры Санкт-Петербурга).

²¹¹ «Никто пути пройденного у нас не отберёт» (гл. «Из семейной хроники»).

Высокая, худая, молчаливая Надина всегда старалась быть незаметной... Во время блокады она, немка, служила в осаждённом городе судебным исполнителем.

Виктор Викторович часто вспоминал отца, не растерявшего своей вины перед его матерью. В последние годы он иногда располагался в комнате, где я повесила портрет Виктора Андреевича, до того стоявший за диваном, и подолгу смотрел на него – глазами, как у отца на том портрете, – «грустными, как у оленя»...

Любовь Дмитриевну и Виктора Андреевича объединил общий памятник, поставленный на Богословском кладбище в 2014 году. Любовь оправдывает всё.

V

Старший сын Любви Дмитриевны и Виктора Андреевича – **Олег** – родился в Ленинграде 5 июня 1927 года.

Войну он встретил на Украине, вместе с матерью и братом: они сняли сарайчик на хуторе под Полтавой, надеясь провести там время школьных каникул, набраться солнышка и свежего воздуха. По дороге в Ленинград поезд, в котором они находились, бомбили немцы, и Олега ранило осколком бомбы в левую руку между плечом и локтем. Ему было четырнадцать лет.

Самым страшным для матери и Вики во время блокадной зимы 1942 года стал день, когда Олег заболел воспалением лёгких. О том времени Виктор вспоминал в неумелых стихах, сидя на лекции в военно-морском училище в 1949 году:

В доме большом и холодном
Там, у меня за спиной,
В комнате дальней и тёмной,
Брат мой лежал больной.
Рамы забиты фанерой,
Клей блестит на стене,
Пламя, дышащее струйкой,
Бьётся в конфорках буржуйки.
Тихо и мёртво кругом.

Уже не узнать, какими словами Любовь Дмитриевна отмолила у Бога сына. А может быть, больному Олегу помогло масло, принесённое Робушкой...

Во Фрунзе, в эвакуации, Олег работал помощником чабана, а в Омске – на 208-м военном заводе электриком (получал рабо-

чую карточку). Там его ударило током, и рабочие закопали его в землю, чтоб спасти. В выходные дни Олег ездил на уборку картофеля – можно было наесться вволю. В эвакуации он окончил восьмилетку, и в октябре 1944 года завербовался на эвакуационный 206-й военный завод электромонтёром.

В феврале 1945 года Олега призвали в армию. Он попал в 20-й фронтовой запасной автополк, где окончил 3-месячные шоферские курсы, а затем на немецких грузовиках перегонял из Калининграда в Ленинград военную технику.

В сентябре 1945 года Олег по рапорту поступил сразу на второй курс Ленинградского военно-морского подготовительного училища, а окончив его в 1947 году, стал курсантом гидрографического факультета Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе.

С третьего курса Олег демобилизовался, и в 1950-м стал студентом факультета теории и истории искусства Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, учился увлечённо, с интересом, во время учёбы принимал участие в археологических экспедициях.

ИЗ ПИСЕМ ОЛЕГА БРАТУ ВИКТОРУ НА СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ

Вика, что мне тебе написать о моей жизни. Личной жизни у меня уже давно нет. Я живу собраниями разными, обсуждениями выставок и т. п. занятиями. Пишу всё семинар по Сурикову. Ничего не получается (не совсем, но трудно). Эта же тема наверняка будет и на диплом, но, конечно, шире и проблемнее. Внутренне расту, это чувствую иногда очень ясно.

Моя задача в области ученья и вообще работы – это организовать. Вторая задача более творческая и потому менее скучная. Суметь свое часто яркое и живое внутреннее, индивидуальное восприятие жизни свести к возможности использования в творческой работе (не важно какой, но направленной не для себя, а для какой-то общей цели). Это трудная штука.

Нужно делать так, чтобы не дать задушить своё «я» требованиями момента, т. е. абстрактной программой нашей жизни, сохранить свою «национальную форму» (т. е. индивидуальную форму), суметь ввести в себя содержание новой жизни. Видишь, опять я теоретизирую.

Читаю сейчас «Войну и мир». Огромное наслаждение испытываю. Просто трудно передать. То кажется, что написано

так просто, что можно сесть и сразу так же писать, то ощущаешь, какой это огромный труд и какая гениальность в этой простоте заложены. Наташа и все герои как живые перед глазами. Эта жизненность искупает полностью его мутное философствование.

Если ты давно читал Толстого, перечитай сейчас, чтобы можно было в отпуске поговорить об этом²¹².

Я здесь пришёл ещё к одному важному выводу. Я много прочёл о Сурикове, много смотрел и вдумывался в его картины. И очень органично его теперь воспринимаю и совершенно другими глазами смотрю теперь на весь Русский музей.

Суриков – результат развития всего русского искусства, без которого он не мог бы появиться. Потому, узнавая его творчество, я как бы познаю и всю историю искусства русского, поэтому мне и легче понимать всё остальное.

Я уверен, если бы ты так вплотную занялся Суриковым, то ты очень бы его любил. В нём сочетается большая красота с большой мыслью²¹³.

Ещё о Толстом. Я забыл сказать вот о чём. Я попробовал понять, КАК он пишет. По-моему, он пользовался самыми простыми словами, понятиями. Он ими как бы лепит плотные литературные предметы и живые чувства. Например: «жёлтой меди таз с густым вишнёвым вареньем» или «зелёная жёсткая трава с капельками росы».

Трудно объяснить это без конкретных примеров из текста. Дело в том, что он, видно, когда писал о вишне, то ощущал её вкус во рту, а если писал о траве, то ощущал её шершавость и влажность капелек росы.

То есть он мыслил не воздушными образами, а материальными, плотными, ощутительными. Я это почувствовал, понял только сейчас. А знал и раньше, что Флобер, когда описывал смерть, то сам чувствовал вкус мышьяка во рту.

Что Чайковский, когда писал «Пиковую даму» в каком-то итальянском городе, то не мог оставаться в этом городе после того, как по ходу действия «умер» Германн (так Чайковский ощущал горе от его смерти).

²¹² «Войну и мир» Л. Толстого В. Конецкий перечитал и под конец жизни.

²¹³ На 60-летие В. Конецкого я подарила ему альбом живописи Василия Сурикова; Виктор Викторович любил его рассматривать, впрочем, как и все художественные альбомы, которые покупали или ему дарили (последний из них – 2-хтомное издание живописи и графики А. А. Иванова).

Об этом я знал, но теперь и чувствую. Понимаю, как это могло быть.

Сейчас перечёл, плохо, но всё же пошло, т. к. хоть и плохо написал тебе, но сказал то, что хотел сказать.

Ты приедешь в половине мая?

Олег

Б. д.

Вика, ну, слушай, кончай злиться. Дело в том, что у меня последнее время были серьёзные зачёты, один за другим. Готовился добросовестно. Эстетика, истор[ический] материализм, история философии, политэкономия, скоро экзамен по западному искусству. Законспектировал много литературы. Могу похвастаться – на двух экзаменах зачёты поставили не спрашивая.

Кажется, в новогоднем номере «Огонька» напечатан рассказ твоего любимца Паустовского про Грига и девочку – дочь лесника²¹⁴. Действительно, очень хорошо. Поэтично, душевно, человечно. В том же номере рассказ Нагибина, но гораздо слабее²¹⁵. Слабее, как этот рассказ Паустовского, как и многих его же, Нагибина, рассказов. К Паустовскому иллюстрации [О.] Верейского. Пейзаж, настроение, этот фиорд с пароходами – хорошо, но образа в последнем рисунке он или не понял, или не сумел «донести» (образа девушки).

Вчера у меня с Юлием²¹⁶ вышел незначительный конфликт на почве «копания в душе». Мне этот вид спорта нравится – ему нет. Я пытался доказать, что все великие писатели (истинно великие) были самокопателями, что хотя это до некоторой степени и отравляет жизнь человеку, но нельзя не будучи самокопателем быть хорошим психологом.

И ещё. Ты в моих глазах обидел Левитана, сравнив его с Чеховым. У одного грусть красивая и зовущая к чему-то, у другого же (у Чехова) беспросветная грусть, доходящая до кривого зер-

²¹⁴ К. Паустовский «Корзина с словами шишками» (Огонёк. – 1954. – № 1. – С. 17–19).

²¹⁵ Ю. Нагибин «Старая черепаха» (Огонёк. – 1954. – № 1. – С. 14–16).

²¹⁶ Филиппов Юлий Петрович (1928–1960) – друг Виктора и Олега; учился в ЛВМПТУ, 1-м БВВМУ, но ушёл из училища по состоянию здоровья; долго искал себя: хотел заниматься литературой, переводами, кино, думал о юридическом образовании; перепробовал много занятий: работал на Кировском заводе, в Институте цветных металлов, много ездил по стране – искал алмазы в Якутии, на Северном Урале и Дальнем Востоке; покончил жизнь самоубийством; «Он бы стал большим писателем – я глубоко убеждён в этом», – писал В. Конецкий брату Юлия Николаю Филиппову.

кала, и кроме этой грусти ничего, ничего, на чем можно было бы отдохнуть, ни одного героя, жизнью которого, пускай и пессимистической и грустной, хотелось бы жить.

А вообще, мне бы хотелось посмотреть на северную природу, сравнить с действительностью свои представления о ней (частью родившиеся из твоих писем)...

Твой Олег

Б. д.

После окончания института в 1955 году Олег уехал работать... электромонтажником на Волжскую ГЭС в Жигулёвск. Лишь через год он вернулся в Ленинград, поступил на службу научным сотрудником и оформителем в Русский музей: принимал участие в организации экспозиции советской живописи и выставок советских художников (А. А. Дейнеки, И. И. Машкова, В. А. Фаворского, И. Г. Фрих-Хара и других); был хранителем постоянной экспозиции советского искусства; работал над составлением научного каталога собрания советской живописи Русского музея, над статьями о ленинградских живописцах для тома «Ленинград» «Большой советской энциклопедии».

Началом своей литературной деятельности Олег Базунов называл 1959 год, но это год, когда он сделал решительный выбор в пользу литературы. В 1956–1958 годах, как и младший брат Виктор, он занимался в литературном объединении при Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» Союза писателей СССР и состоял на учёте в Комиссии по работе с молодыми авторами. Первый его рассказ «Озимые» был опубликован в 1958 году в альманахе «Молодой Ленинград».

Первая книга Олега Базунова «Холмы, освещённые солнцем» вышла лишь в 1977 году, тогда же он был принят в члены Союза писателей СССР по рекомендациям литературоведа Г. М. Цуриковой, писателя Бориса Сергуненкова и академика АН СССР Д. С. Лихачёва.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв писал: «У Олега Базунова своё и вполне точное место в литературе. Он мастер камерного жанра, мастер тонких наблюдений, своеобразных “размышлений художника” и обладает замечательным чутьём русского языка.

Он очень своеобразен как писатель и очень скромен как писатель. У него немного произведений, но каждое отточено, закончено, написано без торопливости, и его проза напоминает поэзию – не ритмичностью, а характером тем и особенностями художественного видения мира».

На обсуждении книги «Холмы, освещённые солнцем» Вадим Шефнер оценил «индивидуальность и хорошую культуру» писателя, а поэт Михаил Дудин, назвав Олега Базунова «хорошим писателем», заметил, что он «будет не всем по вкусу»²¹⁷.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв в Олега верил всегда. В предисловии к повести Олега Базунова «Мореплаватель» он писал:

«Я верю, что Базунова не только будут читать в спокойной обстановке люди спокойного 21 века (я оптимист), но что у него появится довольно много сторонников, которые поймут необходимость такой прозы.

„Мореплаватель“ Базунова – это произведение музыкальное, это музыкальная проза, и, как во всяком музыкальном произведении, в нём нельзя выкинуть одну ноту и заменить её другой: либо произведение принимается в целом, либо не принимается. Это произведение культуры...»

...Последний раз я видела Олега в Князь-Владимирском соборе, 25 апреля 1992 года, в канун Пасхи. Он стоял в очереди к плащанице, но я не подошла: лицо Олега было чёрным, в гематомах (потом выяснила, что упал и разбился в ванной), и я знала, что ему не понравится, если таким его увижу. В последние годы жизни Олег жил один и к себе никого не подпускал, болезненно замкнулся. Виктор Викторович помогал брату через племянниц.

Убила Олега болезнь Паркинсона, он выпал из балконного окна. Помню, в тот роковой день, 12 октября 1992 года, возвращаясь с работы, я разбила коленки, был первый гололёд.

Узнав о смерти брата, Конецкий окаменел. Я смотрела на его абсолютно белое лицо, держала за руку и вспоминала, как он знакомил меня с Олегом: вбегаю в комнату, а они сидят рядом. «Как думаешь, кто это?» – «Твой брат. Одно лицо!». И они, переглянувшись, довольно улыбаются...

В журнале «Русский разъезд» был опубликован некролог на смерть Олега Базунова. Вышел лишь один номер этого санкт-

²¹⁷ За годы творческой деятельности Олег Базунов опубликовал книги: «Тополь: Записки любителя городской природы» (1984 г.), «Окно» (1987 г.), «Мореплаватель» (1990 г.); позднее изданы сборники: «Зеркала» (2001 г.), «Записки любителя городской природы» (2016 г.).

²¹⁸ *Алексеев Владимир Владимирович* (18 марта 1940 – 14 октября 2016) – прозаик, эссеист, публицист; учился на филологическом факультете ЛГУ (не закончил); работал фрезеровщиком, прессовщиком, грузчиком, рабочим в геологических и археологических экспедициях; рассказы (с 1968 г.) и очерки публиковались в альманахах «Молодой Ле-

петербургского журнала и не многие смогли прочитать слова писателя Владимира Алексеева²¹⁸:

«Ушёл из жизни Олег Базунов. Ушёл так же мужественно, как и жил. Ушёл, как уходят уставшие от болезней и старости восточные люди...»

В век расцвета советской культуры, когда “Восемь тысяч комиссаров” в поте лица трудились, чтобы окончательно похерить русскую литературу, порвать традиции, уничтожить русскую религиозную мысль, он был незаметен и, преодолевая болезнь и голод, достойно служил Искусству.

Большой стилист и первооткрыватель новых литературных форм, он в своём “Мореплавателе” пел трагическую песню истинного художника-мореплавателя, уносимого в море жизни и уплывающего навстречу солнцу сквозь штормы и бури.

Та же тема, но ещё более широко решена в его поэме-симфонии “Тополь”, где он, как никто из живущих современников-писателей, рассказывал о времени и о себе.

Эстетика его лучших произведений зиждется на духовности, и подтекст его письма незрим для людей непосвящённых и воспитанных на рациональном сознании однолинейной советской литературы. И было бы неверно кого-то убеждать в том, что Олег Базунов может явиться родоначальником целого, дотоле невиданного, в русской литературе направления. И было бы неверно кого-то убеждать в том, что на Олеге Базунове как бы закончился и Толстой, когда утверждали мысль о вредности советского искусства, видя в ней демоническое, бесовское начало. Он нашёл те формы, которые можно назвать эзотерическими, а значит, не приносящими вреда “малым сим”...

И ещё: есть нечто загадочное, а может быть, и пророческое в том, что Андрей Платонов (после долгого забвения) и Олег Базунов были напечатаны в одно и то же время в журнале “Новый мир”. Кажется, что это встреча двух мощных эпох...»²¹⁹.

Олег Викторович Базунов похоронен на Волковском православном кладбище.

«Надо любить друг друга» – это последние слова, которые услышала от Олега по телефону незадолго перед его уходом.

нинград» и «Точка опоры», в различных журналах нашей страны и за рубежом; автор десятка книг, в т. ч. «Избранного» в 2-х тт.; ученик и друг О. В. Базунова.

²¹⁹ Русский разъезд. – 1993. – № 1. – [Б. с.]

²²⁰ Базунов О. Мореплаватель : избранная проза, воспоминания об Олеге Базунове / Олег Базунов ; сост. Т. В. Акулова ; графика: Катя Толстая. – Санкт-Петербург : «Геликон Плюс», 2007. – 556 с.

Морским литературно-художественным фондом имени Виктора Конецкого издан сборник «Мореплаватель»²²⁰, в который вошли не только произведения писателя, но и воспоминания о нём, графику для книги выполнила внучка Олега – Катя Толстая.

Всю жизнь Олег был храним любовью одной женщины – **Ирины Васильевны Пестряковой** (6 сентября 1926 – 3 декабря 1992).

Они познакомились в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Ирина Васильевна уже преподавала, а он, нищий студент, заявил ей: «Я хочу, чтобы наши зубные щётки стояли рядом...». И «увёл» её от весьма обеспеченного мужа.

Ирина Васильевна Пестрякова (блокадница, награждена медалью «За оборону Ленинграда») работала в институте более сорока лет, оставаясь лучшим специалистом по первобытному и античному искусству; доцент кафедры зарубежного искусства, кандидат искусствоведения. И сегодня её бывшие студенты с благодарностью вспоминают своего педагога – её незаурядный ум, потрясающее чувство юмора, ироничность и доброту. Эти личные качества Ирины Васильевны высоко ценил и Виктор Конецкий.

И. В. Пестрякова была человеком литературно одарённым. Много лет она записывала свои воспоминания – для дочерей и внуков²²¹, и мне хотелось бы их издать.

Ирина Васильевна пережила мужа всего на два месяца...

Олег по своей сути был семейным человеком, воспитанием дочерей – Марианны и Марии – занимался всерьёз, и передал им главное: умение видеть мир и ценить прекрасное, заниматься творчеством без суеты, предъявляя к себе повышенные требования.

Для дочерей, а затем и для внучек, Олег сочинял сказки, и некоторые из них сохранились на бумаге. Я люблю эти сказки, потому что в них живёт его чистая детская душа.

²²¹ В семейном архиве Базуновых–Толстых хранятся девять больших «общих» тетрадей с записями И. В. Пестряковой; две из них мной перепечатаны и подготовлены для публикации под названием «Не помню плохую погоду в годы войны...» (они посвящены жизни семьи Пестряковых в блокадном Ленинграде).

ЖИЛА В ОКЕАНЕ РЫБА

В Океане жила Рыба. Она часто поднималась на поверхность и смотрела на Солнце. Когда Солнце закатывалось до края неба и садилось в воду, Рыба каждый раз пугалась, что оно тонет в Океане и вновь никогда уже не поднимется на небе. И каждый раз Рыба ныряла на дно Океана, в самую глубину, искать утонувшее Солнце, чтобы как можно скорее спасти его.

Однажды Океан был особенно бурен и зол. Ему показалось, что Солнце обходит его стороной. И вот он расколыхался, стараясь достать Солнце. В один из таких буйных дней Океан крикнул Рыбе: «Эй, Рыба, хватит тебе нырять в мою глубину. Мне это надоело. То ты плескаешься на самой поверхности, то ныряешь в самую глубину. Все мои обитатели – твари как твари, а что тебе надо?» Рыба очень испугалась океанского гнева, но набралась мужества и объяснила, что она любит Солнце и каждый раз ныряет за Солнцем. «Ты любишь Солнце? – совсем рассвирепел Океан. – Живёшь во мне, а любишь эту несчастную медузу? Так знай, если ты еще раз так глубоко нырнёшь, я сдавлю и расплющу тебя, и ты будешь плоской, как сушёная медуза».

Но так часто бывает, когда любовь велика: наступило время заката и, забыв об угрозе, Рыба в страхе нырнула на дно спасти утонувшее Солнце. И тогда злой Океан сплющил Рыбу. На следующий день, еле живая, Рыба поднялась на поверхность и, неуклюже плескаясь, смутно увидела Солнце одним-единственным глазом. И горько заплакала Рыба. «Что с тобой, Рыба? – спросило Солнце. – О чём ты плачешь?» Тогда Рыба рассказала Солнцу о своём горе. «Бедная Рыба! – сказал Солнце. – Ты в Океане, и я ничем не могу помочь тебе. Океан тебя сплющил и из рода в род так будет». Тогда Рыба стала просить, чтобы доброе Солнце хотя бы сделало так, чтобы Рыба могла смотреть на него тем и другим глазом сразу. «Мне тогда легче будет сносить мое безобразное уродство», – сказала Рыба. «Хорошо же, – ответило Солнце, – если ты так любишь меня, то пожелай очень сильно, и твой правый глаз перерастёт на левую сторону». И действительно, так как Рыба желала этого очень сильно, её правый глаз перерос на левую сторону. С тех пор потомки той Рыбы вполне смирились со своей участью и, по сей день, живя в Океане, плавают на бледном боку, но смотрят на солнце двумя глазами.

Всё меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остаётся.
Где лампы-«молнии»? Где чёрный порошок?
Где чёрная вода со дна колодца?
Где «Остров мёртвых» в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?
Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы? <...>

Где твёрдый знак и буква «ять» с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось,
И что не отделялось запятою,
То запятой и смертью отделилось <...>²²²

...«И на меня ... хлынуло старосемейное, давно истлевшее в могилах на Смоленском, на Пискарёвке, на Богословском. Баба Мария, тётя Матюня и тётя Зика... И тихо зазвучали для меня их добрые, вразумительные голоса, которыми бабушки и тётки говорят с малолетними внуками и племянниками...», – вспоминал Виктор Конецкий, вернувшись из Латакии, из мест, где по легенде «Мария Магдалина мыла ноги Христу и вытирала их кудрями»²²³. Тогда он привёз матери свечу, шишку сосны и веточку акации, «знал, что мать этот подарок сохранит до смерти. Ведь для верующих вся здешняя земля – священна».

Голоса близких, дорогих людей, звучавшие в нём постоянно, были камертоном, – по ним он сверял свою дальнюю-дальнюю дорогу жизни, и верил: кто умер, но не забыт, тот бессмертен.

²²² Арсений Тарковский «Вещи» (1957 г.).

²²³ «Среди мифов и рифов» (гл. «Мимолётный праздник»).

ГЛАВА 2

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДОМ НА УЛИЦЕ ЛЕНИНА

В Санкт-Петербург пишу.
Звучит неплохо.
Но так играет в шахматы эпоха,
чья сложность вкратце – наши жизнь и смерть,
что улица: «им. Ленина» – как прежде
зовётся...

.....
...Стала реже
я навещать причал или подъезд
(по-питерски: парадная). Парада
в подъезде нет, да и подъезда нет,
но сам подъезд, жюльверностью пиратства
въезжает в заумь. Эта пристань есть,
чтоб адресат пристанище имел
в уме и в доме...

Белла Ахмадулина.

Надпись на книге (Виктору Конецкому)

I

В восьмидесятые годы прошлого столетия на улицах Ленинграда не были заметны яркие вывески и афиши, и даже молодёжь не выделялась в толпе нарядными одеждами. Внешне город чаще всего казался подёрнутым серыми красками, но при этом его поразительная архитектура, красота её линий, синева Невы, вызывали восторг, избыть который невозможно: всё было окрашено цветом радости. Или так казалось, потому что мы были молоды...

Точно помню, *когда* раз и навсегда, – в один момент, как со мной чаще всего и бывает, – полюбила этот город, когда увидела его по-настоящему – и поняла.

К нам в институт (я училась на библиотечном факультете Ленинградского государственного института культуры) пришёл Илья Авербах, замечательный режиссёр, настоящий интеллигент, эстет. В актовом зале он представил студентам свою документальную картину «На берегах пленительной Невы...»²²⁴.

Впервые тогда я увидела Ленинград с высоты птичьего полёта, город, снятый ранним утром, когда ещё нет спешащих по его

улицам людей: звучит музыка Шостаковича, пушкинские строки, и перед взором проносится поэтически-увиденный режиссёром великий город.

В тот вечер я долго стояла на Кировском мосту²²⁵, смотрела окрест и поняла, что этот город – мой, и моим будет всегда: он был мне открыт, преподнесён навечно.

Как потом и наш Дом на улице Ленина (Широкой), – он неизменно волнует, радует и утешает меня. Я даже посмеиваюсь иногда над собственной одержимостью этим местом, привязанностью к нему, тоской по нему, если приходится уезжать даже ненадолго.

«Не покидай этот дом, он – твой», – просил Конецкий.

И в памяти его горькие слова: «Мы все стали изгнанниками, ибо никто не живёт там, где родился. Но только моряки и крестьяне это могут понять. Я понимаю тоже, потому что у меня был канал» .

На Петроградской стороне Виктор Викторович обосновался уже известным писателем в 1965 году. Он прожил в этом доме без малого тридцать семь лет, но не полюбил его. «...Живём – в щели между вождём пролетариата и широкой русской душой...» – шутил Виктор Викторович, если многочисленные корреспонденты удивлялись адресу на конверте: Санкт-Петербург, улица Ленина...

Улице нашей в конце 1990-х годов пытались вернуть старое название Широкая, а Конецкий недоумевал: «Какая же она широкая?»

Писательский дом на улице Ленина был построен в 1961 году в стиле «сталинского неоклассицизма» архитектором Н. М. Назарьиным²²⁶.

Первоначально, как рассказывали старожилы, он строился для какого-то института, потом лет десять стоял недостроенным, и таким достался Литфонду. Писатели, жившие в коммуналках и мечтавшие об отдельных кабинетах, призывались на суббот-

²²⁴ 1983 г.

²²⁵ Словила себя на том, что не сразу вспомнила это советское (с 1934 г. по 1991 г.) название моста, мы и в 1980-е годы часто называли мост Троицким. Это шло потом и от В. Конецкого, который и свой любимый мост Лейтенанта Шмидта часто называл Благовещенским. Возвращение исторических названий улицам, набережным и мостам Виктор Викторович приветствовал.

²²⁶ Назарьин Николай Михайлович (1909 – 1993) – архитектор; окончил Институт коммунального строительства и архитектурный факультет Академии художеств; участник Вели-

ники-воскресники, чтобы помочь строителям привести долгострой в порядок. И все с энтузиазмом откликались (в основном писательницы, и энергичные жёны писателей).

К тому же, на трёх этажах правого крыла Дома, предполагалось разместить Литфондовскую поликлинику. Впоследствии, она стала для литераторов и членов их семей местом и неформального общения, обмена-дарения своих новых книг, обсуждения творческих планов²²⁷.

Ещё не провели в Дом газ, воду, не было отлажено отопление, а писатели в июне 1961-го спешили въехать в новостройку... Тому свидетель наша берёза, посаженная тогда же писательницей Надеждой Павловной Верховской с семейством (ими же спасённая потом от вырубки), и воспетая другим нашим соседом Семёном Ботвинником:

Берёза у нашего дома –
обычный, привычный пустяк.
До веточки вроде знакома,
а вот, оказалось, не так...
Пленяет отзывчивость эта:
дрожание каждой серьги
на трепет пространства и света,
на лёгкие птичьи шаги...

С ней спорят
весенние грозы,
с ней тёплые дружат ветра...
Белеет у этой берёзы
тугая, нагая кора.
И всё в ней как будто на месте:
пройдёшь – не заметишь...
Но вот,
как в женском нечаянном жесте,
нежданная прелесть блеснёт,
и ты удивисься:
откуда
такая в ней живость и стать,
откуда взялось это чудо:
стоять на земле – и летать?..

кой Отечественной войны, защитник Ленинграда, военный инженер; после войны занимался проектированием, реконструкцией и строительством многих объектов, в т. ч. жилых домов.

²²⁷ В 2025 г. здесь открыли «Женский центр здоровья», в котором женщины «серебряного возраста», проходят диспансеризацию, могут получить врачебную помощь.

Поселить литераторов «под одной крышей» было замыслом властей: звание «советский писатель» подходило не ко всем из них. Один критик заметил, что Дом на улице Ленина, где жили члены Союза Советских Писателей, напоминал «сумасшедший корабль» эпохи погибающего социализма²²⁸.

Лицеист Георгий Петрович Блок и выпускники ещё Санкт-Петербургского университета профессора Б. В. Казанский и П. Н. Медведев, доктора филологии Д. Е. Максимов и А. Л. Грюнберг, великая Ахматова, «сидельцы» Елена Михайловна Тагер и Анатолий Клещенко, монархист Николай Николаевич Браун, верлибрист Геннадий Алексеев... Переводчицу Анну Петровну Зельдович навещал в нашем доме сын-академик, один из создателей атомной и водородной бомб...

Помимо писателей и филологов в доме проживали актёр Олег Даль, кинорежиссёр «Золушки» и «Катерины Измайловой» Михаил Григорьевич Шапиро. Женой Шапиро была дочь поэтессы Веры Инбер – Жанна Гаузнер (она после развода родителей несколько лет жила с отцом-эмигрантом в Париже, городе своего рождения, но вернулась в СССР, стала литератором и автором повестей, в том числе о жизни во Франции)²²⁹.

В каждой квартире – «особый мир, где присутствовала тайна»²³⁰.

...Георгий Петрович Блок и его супруга Елена Эрастовна одними из первых поселились в Писательском доме. Двоюродный брат Александра Блока, сотрудник Пушкинского Дома, издатель первого Полного собрания сочинений Ломоносова Г. П. Блок прожил в отдельной квартире чуть более полугода и виной тому стал... наш Дом: новосёл подхватил воспаление лёгких и задохнулся от кашля в новой, но сырой и холодной квартире, находившейся на первом этаже над мусорником...

²²⁸ В. Конечский, в начале нашего знакомства, рассказывая «отчаянные вещи», прикрывал телефон подушкой, что вызывало у меня недоумение. Я не знала, – даже через много лет, когда приступала к работе над книгой о нашем Доме «Эта пристань есть...», что в квартирах существовала прослушка (так утверждают старожилы дома).

²²⁹ Почти три года блокады Вера Михайловна Инбер провела в осаждённом Ленинграде, а её дочь Жанна – в Чистополе (там умер её единственный сын, погибла М. Цветаева, с которой Гаузнер провела роковую ночь перед самоубийством Марины Ивановны). В 1946 г. за поэму «Пулковский меридиан» и ленинградский дневник «Почти три года» В. М. Инбер была удостоена Сталинской премии 2-й ст. Интересный факт: в 1920-е годы юная Вера Инбер написала текст известной и любимой особенно моряками песни «Девушка из Нагасаки».

²³⁰ Слова нашего соседа – театроведа, доктора искусствоведения А. А. Чепурова, сына поэта Чепурова Анатолия Николаевича (16 июня 1922 – 7 ноября 1990).

Чуть меньше года прожил на улице Ленина и филолог-пушкинист Борис Васильевич Казанский. В его тёмном кабинете, на первом этаже Дома, тоже постоянно работал электрообогреватель...

Анна Андреевна Ахматова жила в семье бывшего мужа Н. Н. Пунина, с его дочерью Ириной Пуниной и её близкими. Они надеялись, что в квартиру на улице Ленина въехали временно, пока идёт капитальный ремонт в их доме на улице Красной Конницы, а задержались навсегда.

Улицу Ленина Анна Андреевна называла только Широкой, дом – «общежитием», район – «тенью Жданова»²³¹.

Небольшие по сегодняшним меркам квадратные метры квартиры Писательского дома в сознании некоторых людей не вяжутся с мыслью о том, что в таком пространстве могла жить Ахматова, великий русский Поэт. Царственным особам – только дворцы! Конецкий по этому поводу шутил: «Так ведь Анна Андреевна из семьи флотского инженер-механика...» И не без гордости вспоминал, как однажды Ахматова, выходя из столовой комаровского Дома творчества, приказала ему, случайно оказавшемуся рядом: «Подайте мне мои соболя!» – «И я подал старый поношенный лапсердак».

Комнату А. А. Ахматовой на втором этаже Дома и сегодня охраняет от злых духов дракон, нарисованный на папиросной бумаге зятем И. Н. Пуниной художником Леонидом Зыковым.

А писатель Рид Грачёв, бывавший в Писательском доме, называл его «домом увечных воинов»: почти все писатели и поэты старшего поколения достойно прошли войну, участвовали в боях «с лейкой и блокнотом», не избежали ранений. Геннадий Гор, Александр Садовский, Фёдор Абрамов, Анатолий Чепуров, братья Минчковские, Павел Далецкий, Дмитрий Остров и Леонид Радищев, многие-многие другие...

Н. В. Зайцев, вернувшийся с войны без ноги, стал известным театроведом, а фронтовик Б. В. Федоренко – одним из создателей и первым директором Музея Ф. М. Достоевского.

Фёдор Абрамов, как и многие ушёл на войну добровольцем, дважды был тяжело ранен. «Самая большая редкость в моей жизни – это то, что я прошёл войну и остался жив», – писал

²³¹ С 1949 г. по 1989 г. Ждановский район Ленинграда (ныне – Приморский) включал в себя Елагин, Крестовский, Каменный, Петровский острова, а также часть Петроградского и Аптекарского островов.

он в дневнике. С тяжёлым ранением Абрамов лежал в блокадном госпитале – грозила ампутация ноги. Но повезло: женщина-врач («похожая на тень») отказалась ампутировать ногу и вместо этого назначила ему мясные шарики дважды в день. Потом его везли по Дороге жизни, снова под обстрелом. Машина, шедшая впереди, затонула, машина позади – тоже...

Забудь пристрастие к многословью,
к строке, что лирик сочинил!
Сегодня люди пишут кровью
за неимением чернил...

Автор этих строк поэт Глеб Пагирев. Он принимал участие в боях за Синявинские высоты, участвовал в освобождении Луги, Нарвы, в разгроме Курляндской фашистской группировки. С войны Глеб Валентинович вернулся инвалидом (получил семь ранений и контузий), он говорил о себе: «Меня с войны вернули одну треть». Пагирева выходила медсестричка Наташа, Наталия Ивановна, ставшая его женой. (Много лет она боролась с недугами мужа, по-соседски помогала писателям и членам их семей.)

После войны Глеб Валентинович работал редактором в издательстве «Советский писатель», жил крайне скромно, часто нуждался. Он вышел из партии... из-за невозможности платить партвзносы и это был единственный случай в Союзе советских писателей, когда исключение из КПСС не стало поводом для остракизма...

...Не оскверним своей души,
не станем торгашами-хватами,
пускай торгуют торгаши,
давай останемся солдатами.

Кто рядом с нами умирал,
Не все в земле, не все за штатами:
Тот генерал, тот адмирал,
А мы останемся солдатами²³²...

Рядом с Г. В. Пагиревым в строю Героев стоит трижды орденосец Валентина Чудакова. В 16 лет она стала воспитанницей 183-й стрелковой дивизии, прошла всю войну и закончила её командиром пулемётной роты. Пять ранений и контузий полу-

²³² Глеб Пагирев «На встрече ветеранов» (1976 г.).

чила наша Валентина Васильевна на фронте, троих детей потом родила, в своих книгах оставила для юношей правду о войне...

Военные воспоминания фронтовиков вызывали у Конецкого зависть. «Дорого я отдал бы тогда, чтобы на моём счету был хотя бы один убитый фашист», – говорил он, вспоминая своё блокадное детство.

...Окна кабинета Фёдора Абрамова выходили на сквер. Конецкий, оказываясь на улице, неизменно смотрел на них. Он любил вспоминать: «Сижу поздно вечером, работаю. Надо бы обновиться... Подойду к окну, смотрю, а у Абрамова свет в окне горит. Работает! Ну, так и я должен ещё поработать!»

Виктор Викторович сожалел, что Абрамовы из нашего дома переехали.

«Знаю я дом писателей на Ленина. Жил там. Тооошн-о-о-о! Позаперлись все по кабинетам, скрипят перьями, палкой их оттуда не выгонишь. Всё выдумывают, да так, что под “парами” такого не сочинишь», – вспоминал слова Абрамова художник Анатолий Захариевич Давыдов.

Последние полгода своей жизни Абрамов жил в престижном «Доме военморов». В первую ночь после его смерти Виктор Викторович пришёл в больничный морг: хотел проститься с товарищем, побыть с ним без свидетелей...

Журналист из Архангельска Лидия Мельницкая как-то припомнила слова Конецкого, сказанные им в то время: «Теперь в наше отделение Союза писателей заходить не хочется, – скучно там без Феди. Без Фёдора Александровича...»

...Наш Дом и сегодня называют Писательским²³³, хотя прозаики и поэты, филологи и драматурги, жившие в нём в разные годы, давно ушли в мир иной. Ныне Дом населяют вдовы, дети и внуки ленинградских писателей; он остаётся приметой нашей улицы, Петербургской-Петроградской стороны, главной приметой и нашей жизни, во всяком случае для тех, кто не променял этот Дом на более роскошный на улицах других городов и стран. Это и о нас слова Глеба Семёнова, воспитавшего не одно поколение *ленинградских* поэтов:

²³³ «Эта пристань есть...»: Портреты, размышления, воспоминания о людях и Писательском доме : сборник / Морской литературно-художественный фонд им. Виктора Конецкого ; автор-сост. Т. В. Акулова. – Санкт-Петербург : АураИнфо, 2012. – 614 : ил.

...Какое время года – не прочесть.
И поневоле видишь всё как есть,
не восторгаясь и не негодуя.
И дом как дом. И женщина вдали. –
Твоя земля. Другой и нет земли.²³⁴

II

Виктор Викторович на улицу Ленина перебрался в числе последних новосёлов, после окончательной достройки правого флигеля дома № 36, в надежде на литфондовскую поликлинику: у матери было больное сердце. К тому же выезжали они с Любовью Дмитриевной из коммуналки, а здесь – отдельная квартира, хотя и на верхнем шестом этаже.

Когда мы поженились, друзья советовали Конечкому заполнить новое жильё, побольше, чем наше шестидесятиметровое, – писателю полагался отдельный кабинет. «Никогда, – отрезал он. – В этом доме умерла моя мать и я его не оставлю».

Я часто вспоминаю мужа, стоящим у раскрытого окна кабинета, он любил смотреть на наш скверик.

Когда Виктора Викторовича не стало, я прочитала в его «Дневнике» (записная книжка): «Дома! Мой дом в плане буква “П”. Внутри “П” малюсенький скверик. В нём растут: вдоль верхней палочки какие-то неизвестные мне кусты. Весной они на короткий миг цветут розовыми цветочками величиной с ноготь. Вдоль пустого места в “П” строгим строем стоят старые уже тополя. Когда-то их регулярно стригли ещё осенью или даже зимой. Во всяком случае, мама, а потом и я, срезанные ветки тополей подбирали и ставили в воду. На Новый год, кроме ёлки, у нас были и тополиные ветки с клейкими листочками. Иногда они доживали до весны, давали густые корешки, и я высаживал их на балкон в ящик с землёй. Один тополь рос у меня несколько лет – пока соседи не подняли хай, ибо у них начались протечки на стене под моим балконом.

На правой палочке “П” – это под моими окнами (шестой этаж) слева большой куст разлапистой и разветвлённой сирени. А справа две берёзы из одного корня. Т. к. в колодце двора-сквера темновато, то берёзы стремительно тянулись вверх. Одна за-

²³⁴ Глеб Семёнов «Маленькие пейзажи».

сохла, а другая вытянулась уже выше моего шестого этажа, и я вижу её в окно прямо с дивана.

Глядя на верхушку берёзы, я представляю, как кто-то будет после меня тут жить и смотреть на упрямую берёзу, которая явно собирается вырасти выше наших крыш».

Эти слова Виктор Конецкий оставил в своём «Дневнике» в 1984 году, вернувшись из больницы после излечения инфаркта, за год до нашей с ним встречи.

Лишь друзьям он признавался тогда в том, что «всё-таки напоролся на льдину и получил в задней стенке левого желудочка пробоину. На пробоину – по всем правилам хорошей морской практики – наложили пластырь и поставили цементный ящик. Пробитая мышца щемит...»²³⁵.

Но Конецкий опять ушёл в море, и даже не в последний свой рейс.

«Странно, что когда живёшь один, – писал Виктор Викторович тогда же в «Дневнике», – то всё, что касается сугубо до тебя одного, сразу же узнаётся в целом городе, а о сотнях других всё шито-крыто. Или такое только со мной? Каждому охота сунуть нос в щель. Как это надоело»...

Конецкий любил напомнить слова воинского Устава: «Приказ командира должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок».

А в день нашего знакомства, впервые в жизни, – при том, что по своей натуре человек обязательный, – о поручении (приказе), данном мне, забыла.

А поручено было студентке-практикантке детской библиотеки, что располагалась на улице Савушкина, позвонить писателю Конецкому и пригласить его на встречу с библиотекарями. «Ты смелая, – заявила мне заведующая библиотекой, – вот и приглашишь, а то Виктор Викторович всех посылает по матушке...».

В воскресенье, 3 марта²³⁶ ровно в полдень, я Конецкому дозвонилась и услышала: «Извините, у меня молодые писатели, звоните вечером».

В тот день я помогала подруге делать ремонт в её комнате, в коммунальной квартире на Варшавской улице, и так увлеклась

²³⁵ Из письма критику Е. Ю. Сидорову после выхода из больницы (из личного архива В. Конецкого, 1984 г.).

²³⁶ С 1986 г. – Всемирный день писателя.

побелкой потолка, что лишь в девятом часу вечера вспомнила, что обещала перезвонить Виктору Викторовичу. Позвонила, извинившись, разумеется, что тревожу так поздно. «Приходите, поговорим», – сказал он, и объяснил, как добраться до улицы Ленина.

Я удивляюсь, если гости подолгу не могут найти нашу парадную – «щель справа от арки»», как называл её Виктор Викторович. И в первый раз, прибежав на улицу Ленина, нашла её сразу же.

Конецкий встретил сдержанно, он выглядел уставшим, но пригласил к столику, – уже был сервирован чай. Я волновалась, и писатель это понимал. Заметив, что тяну носочек, спросил не занималась ли балетом, и, видя моё смущение, стал рассказывать о тётушке танцовщице Матюне. Я с интересом рассматривала библиотеку Конецкого, с удивлением – картины писателя на стенах его кабинета, и Виктор Викторович поведал о доверенных занятиях рисованием в Доме пионеров. А затем спросил о любимых писателях, и я, не раздумывая, ответила: «Юрий Казаков». Глаза Виктора Викторовича широко раскрылись: я и не подозревала, что он с Казаковым дружил, мучительно обдумывает их переписку, размышляет, а стоит ли её опубликовать²³⁷.

Тогда я впервые обнаружила то, что особенно ценила потом в Конецком: его умение порадоваться чужому успеху.

На письменном столе Виктора Викторовича лежала книга Андрея Вознесенского «Прорабы духа»²³⁸, он прочитал: «Новое поколение читателей, увы, не знает Казакова, критики не упоминают о нём. Он незаметно исчез из литературного обихода, как исчезают из нашей флоры лесные ландыши. Его создания не переносят загрязнения среды. Они связаны с общим процессом увядания природы. Рассказы Казакова нужно вносить в Белую книгу защиты природы...»

В разговоре о литературе призналась Конецкому, к слову, что не люблю читать «охотничьи» рассказы, могу представить с ружьём на охоте, скажем, Евтушенко, а вот Казакова – только слушающим токующего глухаря. Виктор Викторович оживился: «И я тоже!»

...В тот вечер, беседуя с Конецким обо всём на свете, я абсолютно забыла, зачем пришла, и уже знала: этого человека не забуду и не оставлю никогда.

²³⁷ Опять название не придумывается : повествование в письмах // Нева. – 1986. – № 4. – С. 65–107.

²³⁸ Москва : Советский писатель, 1984.

Через три дня, выдержав паузу, позвонила Виктору Викторовичу, и услышала: «Куда же вы пропали? Я вас жду».

Чаще всего память возвращает меня в самый обычный ничем не примечательный день конца 1980-х...

...Начало лета. Наша улица Ленина. Солнечный полдень и тишина, изредка нарушаемая звоном трамвая. Не видно людей. Летает тополиный пух. Остро ощущается запах пыли – давно не было дождя. Я иду по тротуару (он старый, в колдобинах) с рынка, в руке – бидончик с квасом. Дома ждёт уже накрытый стол: красная с белым кончиком редиска, варёные яйца и зелёный лук, чёрный хлебушек и маринованная с морковкой корюшка (она куплена накануне за рубль двадцать с лотка на Лахтинской улице и сразу же приготовлена).

Проходя мимо кафе «Снежинка», что на пересечении улицы Ленина и проспекта Щорса²³⁹, вижу в окне знакомые лица: это соседи-писатели уже общаются, за рюмочкой. (Кооперативное кафе «У камина» на противоположной стороне улицы большинству из них не по карману.)

А вот и скверик перед нашим домом № 34/36 – он кажется белым от тополиного пуха. У входа ставлю на поребрик бидон, беззаботно набираю в ладонь пушок и подбрасываю его вверх, представляя, что это выпал снег... И вижу, как с балкона машет рукой муж... Я бегу к нему, штурмуя пролёт за пролётом лестницы со скоростью спортсменки-перворазрядницы. А ведь знаю: Конечкий ещё долго будет курить на балконе, присев на корточки, смотреть на нашу берёзу, разглядывать соседний загадочный дом²⁴⁰...

Как декорация спектакля,
Средневекового миракля,
В окно моё глядится дом,
Капризное дитя модерна.
И стекла вздрагивают мерно
Под голубой трамвайный гром.
.....
...А я люблю тот свет особый,
Певучий и высоколобый

²³⁹ С 1991 г. – Малый пр. Петроградской стороны.

²⁴⁰ Доходный дом К. И. Волькенштейн архитектора С. И. Минаша, постройка 1910 г. (ул. Ленина, д. № 33).

Дух Петроградской стороны,
С какой-то мыслью одинокой
Преодолевший ширь Широкой,
Коснувшийся моей стены...²⁴¹

Ш

Многочисленных соплавателей и друзей-писателей Виктор Викторovich в своём доме принимал охотно, хозяином был гостеприимным. Александр Володин, Андрей Битов, Белла Ахмадулина и Мессерер, Межировы, Разгоны, Глеб Горбовский, прославленный лётчик-испытатель Герой Советского Союза Марк Лазаревич Галлай и переводчик Евгения Александровна Кацева, во время Великой Отечественной войны служившая в разведке Балтийского флота... Прекрасная Галя Долматовская...

Всех, кто бывал в нашем доме, не перечислить.

Я отвадила от дома лишь тех, кто, приходя без приглашения, открывал дверь ногой и требовал: «Налей-ка!». Эти – местные литераторы, приходили по вечерам. Потом в ресторане Дома писателя злились: «Спёкся Конецкий... исписался...»

А у самих – «ни сюжета, ни выходки»...

Гости с порога сообщали, что наш лифт опять не работает, почтовый ящик взломан, интересовались, убирают ли нашу лестницу хотя бы раз в год. Конецкий утешал: «Да что там... Вот как-то зимой в лифте югославы застряли. Пока вызывал и ждал аварийку, разбил окошко в дверке, сунул им бутылку коньяку. Потом им море было по колено. А мне стыдно...»

Жалел он не гостей, а почтальона Шурочку – Александру Ивановну Курчанову (Царствие ей Небесное). С 1973 года работала она в нашем почтовом отделении № 136, и почти тридцать лет поднималась на наш шестой этаж с пачками писем, бандеролями, потом и пенсией для Виктора Викторovichа.

Жалел и посыльного (психически не вполне здорового молодого человека), который разносил телеграммы. Конецкий неизменно давал ему деньги. «На макароны», – стеснительно благодарил юноша...

Ближайшими нашими соседями, которых я застала, были В. С. Бакинский, В. Н. Дружинин и Б. И. Бурсов.

²⁴¹ Стихи нашего соседа *Крестинского Александра Алексеевича* (25 мая 1928 – 27 октября 2005) – блокадника, поэта и детского писателя (одна из важных его работ – альбом «Рисуют дети блокады», 1969 г.); скончался в Израиле.

Виктор Семёнович Бакинский²⁴² был истинным интеллигентом. Даже когда я поздно вечером по просьбе Виктора Викторовича приходила к нему за «четвертинкой», он встречал одетым по всей форме и излучал доброжелательность.

В писательской среде его называли Князем. Выходец из простой рабочей семьи, рано потерявший родителей, Виктор Бакинский лишь благодаря собственной настойчивости и стремлению к знаниям получил в Ленинграде университетское филологическое образование и с 1930-х годов занимался преподавательской деятельностью и литературным трудом.

В Бакинском чувствовалась военная выправка. Соседа-фронтовика, не раз ходившего в разведку в фашистский тыл, Конечский уважал, рассказывал, что и значительная «молодая» ленинградская литература вышла из-под крыла Виктора Семёновича: он вёл занятия в Центральном ЛИТО, куда приходили Сергей Довлатов, Игорь Ефимов, Владимир Марамзин и многие другие.

Сын Бакинского писатель Вадим Нечаев²⁴³ в 1970-е годы участвовал в неофициальном литературном и художественном движении, выпускал самиздатовский журнал и сам печатался в самиздате, сотрудничал с «Хроникой текущих событий» и вместе с женой Мариной Недробовой организовал домашний «Музей современной живописи». Из Союза писателей Нечаева, разумеется, исключили.

Моя подруга Лариса, дочь В. С. Бакинского, вспоминает, как в то время, выходя утром в школу, вежливо здоровалась в парадном с незнакомыми, но тоже вежливыми товарищами, дежурившими у дверей их квартиры, – они «пасли» Вадима.

В 1978 году Нечаев с семьёй перебрался во Францию по приглашению внука Л. Н. Толстого. Тогда же Ленинград покинул и Сергей Довлатов²⁴⁴.

²⁴² *Бакинский Виктор Семёнович* (7 ноября 1907 – 6 марта 1990) – писатель, литературовед, кандидат филологических наук; родился в Астрахани в семье рабочего; окончил филологический факультет ЛГУ, аспирантуру, преподавал; на Великую Отечественную войну ушёл добровольцем, воевал на Ленинградском фронте; после войны продолжил преподавательскую деятельность; писал о В. Маяковском, Л. Н. Толстом; оставил автобиографический роман «История четырёх братьев» и др.

²⁴³ *Нечаев Вадим Викторович* (25 июня 1937 – 30 апреля 2015) – писатель, публицист, искусствовед; автор книги «Пат и Пилаган» о дружбе мальчика-ниваха и собаки-полуволака, которая в 1978 г. во Франции была признана лучшей иностранной книгой, а в Германии считается детской классикой; покинув Ленинград, жил с семьёй в Париже, похоронен на кладбище г. Фекан (Fécamp, Нормандия).

²⁴⁴ *Довлатов Сергей Донатович* (3 сентября 1941 – 24 августа 1990) – писатель, журналист; в эмиграции с 24 августа 1978 г.; скончался в США, похоронен в Нью-Йорке.

Жизнь – обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма...

Это строки Есенина²⁴⁵, с которым Виктор Бакинский был знаком²⁴⁶.

После отъезда из страны Вадима и Сергея Довлатова отношение официального Союза писателей к Виктору Семёновичу Бакинскому, – литературоведу и писателю соцреалистической выправки, добросовестному воспитателю молодёжи, – резко изменилось...

Когда Довлатов оказался в Америке, В. С. Бакинский отношений с ним не прервал, они переписывались. Сергей писал о Викторе Семёновиче как «о чутком и доброжелательном человеке», в присутствии которого молодёжь вела себя «совершенно открыто»²⁴⁷.

...Вадим Нечаев смог приехать в Ленинград лишь в 1991 году, отца он уже не застал.

В конце 1980-х годов и Конецкий получал привет от Довлатова.

С Сергеем Довлатовым он не был близко дружен – разница в возрасте была ощутимая. Неподражаемая ироническая манера письма обоих не оставляла их равнодушными к творчеству друг друга. Сергей Довлатов, оказавшийся «третьим лишним» в официальном писательском сообществе, по сути, выданным его пренебрежением из страны, был по-человечески понятен Конецкому, а яркий довлатовский талант, лишённый снобизма и высокомерия, полный любви к так называемому «простому человеку», – родственен отношению Конецкого и к соотечественникам, и к своим вымышленным героям.

И всё же, человеческий интерес друг к другу был рождён прежде всего постоянным присутствием в их жизни и благодарной памяти Маргариты Степановны Довлатовой²⁴⁸.

²⁴⁵ Сергей Есенин «Жизнь – обман с чарующей тоскою...» (1925 г.).

²⁴⁶ Бакинский В. Вечер с Есениным : [воспоминания] / Виктор Бакинский // Нева. – 1988. – № 10. – С. 193–196.

²⁴⁷ Довлатов С. «Мы начинали в эпоху застоя» (эссе, опубликовано в России в 1992 г. в газете «Петербургский литератор»).

²⁴⁸ Довлатова Маргарита Степановна (15 декабря 1907 – 18 ноября 1975) – журналист, литературный редактор; в 1954–1958 гг. работала старшим редактором-литконсультантом

«...После войны в Ленинграде было создано Центральное литературное объединение при Союзе писателей, которое возглавляли два человека – прозаик Леонид Николаевич Рахманов и моя любимая тётка Маргарита Степановна Довлатова, в те годы – старший редактор издательства “Молодая гвардия”, – рассказывал Сергей Довлатов²⁴⁹. – Причём основная идеологическая нагрузка ложилась именно на неё, поскольку Рахманов был беспартийным, а моя тётка – давним и более-менее убеждённым членом партии. Рахманов был известен как очень культурный, благородный и доброжелательный человек, а о своей родственнице мне говорить куда сложнее. Я знаю, что она была из числа так называемых “прогрессивных редакторов” старалась удержаться в своей работе на грани дозволенной правды, восхищалась Пастернаком и Ахматовой, дружила с Зощенко, который в свою очередь относился к ней весьма дружески, о чём свидетельствуют уважительные и даже ласковые автографы на его книгах...»

«Душой объединения была Маргарита Степановна, – рассказывала и многолетний редактор издательства «Советский писатель» Кира Михайловна Успенская²⁵⁰. – Её радовали успехи каждого. Она могла в три часа ночи позвонить Конецкому и сказать: “Вика, я только что дочитала твой рассказ. Поздравляю тебя – рассказ превосходный!” и она тратила много душевных сил, добиваясь, чтобы первые удачи молодого автора были замечены, а его детище напечатано, понимая, как это важно для начинающего литератора. А Михаил Леонидович Слонимский любил говорить: “Бездарность сама пробьётся, а таланту надо помогать”. И они помогали. А начальству это не нравилось. Маргарите Степановне предложили уйти со штатной должности на договор – взять на себя составление и редактуру очередного выпуска альманаха “Молодой Ленинград”. А когда альманах вышел в свет, договор на следующий выпуск с ней уже не заключили. Это была большая потеря и для издательства, и для объединения, и, конечно, для самой Маргариты Степановны. Вскоре она заболела и ушла из жизни. Умерла она ночью, во сне. Через день муж её, Аркадий

в издательстве «Советский писатель», редактировала альманах «Молодой Ленинград»; В. Конецкий посвятил её памяти «Дакарские сказки» (гл. в кн. «Морские сны»).

²⁴⁹ Довлатов С. «Мы начинали в эпоху застоя».

²⁵⁰ Успенская К. Полвека рядом (Г. М. Цурикова) / Кира Успенская // «Эта пристань есть...»: Портреты, размышления, воспоминания о людях и Писательском доме : сборник / Морской литературно-художественный фонд им. Виктора Конецкого ; автор-сост. Т. В. Акулова. – Санкт-Петербург : АураИнфо, 2012. – С. 501.

Иосифович Аптекман, долгие годы работавший секретарём у Веры Пановой, сидя за столом, грустно сказал: «Какая счастливая Мара. Она так легко ушла из жизни...» Немного помолчал, откинулся на спинку стула и умер. Провожали Маргариту Степановну в последний путь многочисленные её ученики и друзья. Прощальное слово сказал Олег Базунов – за себя и за своего брата, Виктора Конецкого, который был в это время в плаванье. Он говорил о том, как много сделала и как много значила для всех Маргарита Степановна».

О душевной привязанности Конецкого к Маро (так он всегда называл Маргариту Степановну) Сергей Довлатов знал. В конце 1980-х годов, когда у ленинградских друзей Сергея появилась возможность навещать его в Америке, редактор журнала «Звезда» Андрей Арьев привёз Виктору Викторовичу подарок от Довлатова – паркеровскую ручку с лапидарной надписью на картонном футляре: «В. Конецкому – с благодарностью и приветом. С.».

Ручку эту Виктор Викторович берёт, а автограф Сергея вырезал и поместил на обложку его книги «Чемодан»²⁵¹, первой из книг Довлатова, изданных тогда в России. Бумажная обложка, желтоватая бумага.

Прочитав эту книгу, Конецкий увидел в подарке Довлатова особый смысл. В книге есть эпизод: жена актёра Н. Черкасова Нина привезла Сергею из Парижа старую вельветовую куртку, со следами масляной краски. «Я даже подумал, – пишет Довлатов, – лучше бы привезла авторучку. Но вслух произнёс: – Спасибо. Зря беспокоились». Куртка была отдана вдовою художника Фернана Леже.

Виктор Викторович, читая книгу, эти слова Довлатова подчеркнул, а сбоку текста приписал: «Вот авторучку он мне и прислал». И со свойственной ему честностью приписал: «А к этой вдове я в Париже не пошёл – уступил честь Гранину, ибо хотел не просто пригубить виски, а надраться»²⁵².

Сергей Довлатов несправедливо рано ушёл. «...Давно уже живя далеко от Ленинграда – в Америке – он оставался для многих из нас близким другом, одним из лучших представителей нашей литературы за рубежом. Его непобедимая доброта, виртуозная точность слова оказалась недостижимой для всех режимов.

²⁵¹ Советский писатель. [Ленингр. отд-е], 1991.

²⁵² В середине 1970-х гг. находился во Франции с группой ленинградских писателей.

Он всегда делал то, что хотел, а не то, что заставляли хотеть. Уйдя от нас, он остался самым ярким из нас», – под словами некролога, опубликованного в ленинградской газете «Литератор»²⁵³ стояли подписи многих писателей, и, конечно, Виктора Конецкого.

А ручка, подаренная Сергеем Довлатовым, по-прежнему лежит на письменном столе Виктора Викторовича, и хочется, «чтобы она дольше жива была, чтобы дольше заправка не кончилась».

Наши соседи Дружинины к нам не заходили, но встретившись у лифта, мы неизменно раскланивались со всегда любезным Владимиром Николаевичем²⁵⁴ и его милой женой Татьяной Никитичной (её все любили).

Конецкий однажды испытал непреодолимое желание с Владимиром Николаевичем поговорить, – после публикации Льва Сидоровского²⁵⁵, в которой говорилось о причастности Дружинина к аресту писателя Бориса Вальбе в 1930-е годы: в тот день Виктор Викторович получил письмо от читателя об обстоятельствах ареста писателя Сергея Колбасьева. Татьяна Никитична на порог Конецкого не пустила – Владимир Николаевич был уже неизлечимо болен.

В конце 1980-х годов в соседнюю квартиру переехал уважаемый профессор Б. И. Бурсов²⁵⁶.

²⁵³ 31 августа 1990 г.

²⁵⁴ *Дружинин Владимир Николаевич* (15 августа 1908 – 13 августа 1995) – писатель, журналист; родился в Ярославле; во время Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде работал в радиокомитете; служил в армейской газете «Боевая красноармейская», награждён медалью «За отвагу»; автор исторических и приключенческих романов «Янтарная комната», «Державы Российской посол», «Град Петра» и др., путевых очерков.

²⁵⁵ Сидоровский Л. «Дело № 625» / Лев Сидоровский // Смена. – 1991. – 13 авг.

²⁵⁶ *Бурсов Борис Иванович* (1 ноября 1905 – 12 апреля 1997) – литературовед, филолог, литературный критик; доктор филологических наук, профессор; окончил МГУ, служил в Пушкинском доме (ИРЛИ РАН); участник Великой Отечественной войны, прошёл путь военного корреспондента от Ленинграда до Маньчжурии, награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией»; после войны служил в Пушкинском Доме (ИРЛИ РАН), преподавал в высших учебных заведениях; в период «борьбы с космополитизмом» в начале 1950-х гг. был вынужден покинуть Пушкинский Дом, преподавал в ЛГУ, с 1966 г. – в ЛГПИ им. А. И. Герцена; автор книг «Критика как литература», «Судьба Пушкина», «Личность Достоевского» и др.

На старости лет Борис Иванович расстался с женой Клавдией Абрамовной, оставив ей квартиру в писательском доме на канале Грибоедова²⁵⁷, и Союз писателей (говорили, обком) помог ему устроиться в нашем доме, в пустующей квартире. Вот только никто не позаботился о том, чтобы вселение в квартиру было официально оформлено. И ЖЭК вскоре попросил старого профессора квартиру освободить (она понадобилась «для своих»).

Вещи (главным образом книги) какие-то незнакомые люди выносили и складывали прямо на лестничной площадке. Пока Конецкий пытался куда-то дозвониться, я дежурила на лестнице, эта ситуация не оставила равнодушными и других, прежде всего семью Г. А. Горышина, соседей Бурсовых по дому на канале Грибоедова.

Уезжал Борис Иванович из нашего дома тяжело, не один, а со знакомой неуравновешенной дамой, которая упорно убеждала его, уже немощного, что вокруг него лишь «тёмные силы» и отдалила от близких людей. Поселились они, как говорили, в Зеленогорске...

В школьные годы мы все учились по учебнику литературы под редакцией Бориса Ивановича Бурсова. Бывая по-соседски у него в гостях, мы говорили о Пушкине, Толстом, Горьком. Особый интерес у Конецкого вызывали размышления Бурсова о Достоевском, степени искренности писателя (он высоко ценил роман-исследование Б. И. Бурсова «Личность Достоевского»²⁵⁸, в котором автор об этом рассуждает).

...Около сорока лет Б. И. Бурсов обитал в писательском доме на канале Грибоедова и дружил с жившем там же профессором Б. М. Эйхенбаумом²⁵⁹. После смерти Бориса Михайловича его дочь Ольгу Борисовну Эйхенбаум с канала «попросили», выдав ордер на квартиру в новом доме на улице Ленина.

Она жила вдвоём с дочерью Елизаветой Апраксиной. Лиза работала монтажницей на «Ленфильме», и там во время съёмок «Короля Лира»²⁶⁰ познакомилась с актёром Олегом Далем, стала его женой.

²⁵⁷ Наб. канала Грибоедова, д. № 9 – ул. Малая Конюшенная, д. № 4/2.

²⁵⁸ Книга – подарок Б. И. Бурсова (2-е изд., 1979 г.).

²⁵⁹ В 1938 г. Б. М. Эйхенбаум дал рекомендацию Б. И. Бурсову в Союз писателей СССР, и всегда его поддерживал.

²⁶⁰ Фильм Григория Козинцева (1970 г.).

Виктор Викторович рассказывал, как впервые увидел Олега в сквере у дома: Даль катался на маленьком трёхколёсном велосипеде, рядом стоял «заплаканный сопливый мальчишка» и ждал, когда взрослый дяденька вернёт ему транспортное средство.

Виктор нагнал Олега у входа в парадную, состоялся разговор и... они подружились.

В 1972 году Олег, Лиза и Ольга Борисовна переехали в Москву.

Об Олеге Виктор Конецкий написал рассказ «Артист», он заканчивается словами жены актёра: «Осиротевший наш родной сосед! Я помню, как в твою незапертую дверь он приходил на ваш мужской совет. Душа его бывает и теперь с тобой. Открыта ей к тебе дорога. Ты передай, что я люблю его, как души любят бога. Найди слова – я их теперь не знаю, всегда любившая его как женщина земная».

Лиза была первой, с кем я встретила в Москве, похоронив мужа.

Многие годы самыми близкими людьми в нашем доме для Виктора Викторовича были «соседи снизу» – Рахиль Исааковна Файнберг²⁶¹ и Борис Осипович Костелянец²⁶², «люди интеллигентные и тихие, ибо представляли собой союз литературного критика с театроведом»²⁶³.

Р. И. Файнберг написала о Конецком книгу²⁶⁴. Этот факт вызывал удивление Виктора Викторовича – «скромная, не пробивная Рахиль» и вдруг книга о нём...

Для него уход Рахили Исааковны, опекавшей его после смерти матери, стал личным горем.

Борис Осипович Костелянец преподавал в Академии театрального искусства²⁶⁵. К Конецкому Рахиль Исааковну ревновал:

²⁶¹ *Файнберг Рахиль Исааковна* (2 сентября 1913 – 22 июля 1986) – литературный критик, литературовед, кандидат филологических наук; автор книг «К. А. Тренёв: Очерки творчества», «Белорусские поэты (XIX – начало XX в.)», «Юрий Герман: Критико-биографический очерк».

²⁶² *Костелянец Борис Осипович* (6 декабря 1912 – 22 ноября 1999) – критик, литературовед, театровед, педагог; кандидат филологических наук, доцент; участник Великой Отечественной войны, Победу встретил под Данцигом; автор книг «Творческая индивидуальность писателя», «“Педагогическая поэма” А. Макаренко», «Драма и действие. Лекции по теории драмы» и др.

²⁶³ «ЭХО» (гл. «Встречи разных лет»).

²⁶⁴ Файнберг Р. И. Виктор Конецкий: Очерк творчества / Рахиль Исааковна Файнберг. – Ленинград : Советский писатель. [Ленингр. отд-ние.], 1980. – 262 с. : ил.

²⁶⁵ Ныне – Российский государственный институт сценических искусств.

книгу о Конечком, видишь ли, пишет, нет чтобы подумать о доме, о нём...

Борис Осипович сам мог всё, достаточно сказать: в семьдесят лет освоил компьютер.

Через несколько лет после смерти Рахили Исааковны в дом Бориса Осиповича вошла Нина Павловна Снеткова²⁶⁶. Она знала Костелянца много лет, и Конечкого помнила с 1960-х годов, – тогда она работала в журнале «Звезда».

С появлением Нины Павловны изменилась моя жизнь. Вот к кому можно было прийти в любое время дня и ночи поговорить, посоветоваться, занять деньги, одолжить соль или морковку. И Нина Павловна не стеснялась к нам приходиться.

Вместе переживали мы и смерть Бориса Осиповича... Потом Нина Павловна вернулась в свой дом на проспект Тореза, но мы часто встречались. Утешаюсь тем, что в последние часы и минуты жизни Нины Павловны была рядом с ней.

Во дворе нашего дома можно было часто встретить Израиля Моисеевича Меттера²⁶⁷. Я знала его со студенческой поры по литературным вечерам, которые он на протяжении многих лет вёл в Доме писателя имени В. Маяковского. Каждый такой вечер становился событием: Меттер был избирателен, соглашался вести вечера лишь тех писателей, которых уважал за эрудицию и смелую гражданскую позицию.

Конечкий рассказывал, что лишь Меттер выразил поддержку Зощенко, когда его заставляли публично каяться после честной беседы с английскими студентами²⁶⁸: в обморочной тишине зала Дома писателя на Шпалерной прозвучали его одинокие аплодисменты Михаилу Михайловичу...

Рассказывал Виктор Викторович об этом не только мне.

Однажды Израиль Моисеевич позвонил Конечкому в недоумении: «У меня только что был ваш почитатель. Кто это?» Оказалось, что московский писатель Слава Пьецух²⁶⁹, после разговора с Конечким о Зощенко, отправился от нас и к нашему

²⁶⁶ Снеткова Нина Павловна (18 августа 1924 – 27 сентября 2010) – переводчик, литературовед; автор книги «“Дон Кихот” Сервантеса».

²⁶⁷ Меттер Израиль Моисеевич (22 сентября 1909 – 8 октября 1996) – писатель, драматург, киносценарист; в 1941–1942 гг. работал в Ленинградском радиокомитете; автор книг «Мухтар», «Не порастёт быльём», «Пятый угол» и мн. др.

²⁶⁸ Беседа состоялась в Доме писателя им. В. Маяковского 5 мая 1954 г.

²⁶⁹ Пьецух Вячеслав Алексеевич (18 ноября 1946 – 29 сентября 2019) – писатель, журналист; его справедливо называют «философом русской жизни».

соседу Меттеру. Когда Израиль Моисеевич открыл ему дверь, то увидел Славу, стоящим перед ним на коленях...

Виктор Викторович утверждал, что сам Зощенко его предупреждал: вхождение в литературу счастья не сулит.

Он видел Михаила Михайловича на писательском собрании в октябре 1957 года²⁷⁰, а затем за несколько дней до его смерти в 1958-м.

Конечский шёл в Дом книги на семинар, в кармане – новенький билет члена Союза писателей. У Казанского собора он присел на лавочку перекурить. И вдруг – ЗОЩЕНКО! Робко, «на трясущихся ногах», рассказывал Конечский, подошёл он к Михаилу Михайловичу и представился. Зощенко достал из кармана пенсионное удостоверение (тоже новенькое, выдали после нескольких лет унижительного для больного писателя ожидания) и тихо произнёс: «Вы должны помнить, молодой человек, что литература – производство опасное...». Это говорил человек, награждённый за Первую мировую войну пятью боевыми наградами за храбрость.

Через несколько дней после этой важной для Конечского встречи М. М. Зощенко не стало.

Я погрузилась в творчество Михаила Зощенко, увидев помету Виктора Викторовича на книге «Михаил Зощенко в воспоминаниях современников»: «Удивительно, что никто не помянул Антона Павловича [Чехова] – они так явно похожи и во внутреннем и во внешнем поведении».

Брат Меттера – Исаак Моисеевич – перед войной заведовал кафедрой физики Ленинградского кораблестроительного института, а после – в Ленинградском электротехническом институте связи, некоторое время преподавал и в Подготиин, где учился Конечский.

Виктор Викторович в судьбах приятных ему людей всегда искал морские корни: в нашем Писательском доме ими мог гордиться Вадим Шефнер²⁷¹.

²⁷⁰ Сохранился рисунок (набросок) В. Конечского с пометой: «10 октября 1957 г. Л-д. На собрании в С[оюзе] П[исателей]. В. К.».

²⁷¹ Шефнер Вадим Сергеевич (30 декабря 1914 – 5 января 2002) – писатель, поэт; участник Великой Отечественной войны, Победу встретил в звании старшего лейтенанта; автор

Внешне Вадим Сергеевич был незаметным, казался человеком застенчивым, робким, его манеры были учтивы.

Дед писателя – генерал-лейтенант Алексей Карлович Шефнер – первостроитель порта Владивосток; в его честь назван мыс возле порта Находка. Вадим Сергеевич как-то подарил мне свою фотографию, сделанную у могилы деда (его захоронение на Новодевичьем кладбище в Петербурге он восстановил в 1990-е годы).

В. С. Шефнер рассказывал, что мать (дочь вице-адмирала Вольдемара Владимировича Линдестрема) родила его по дороге, проложенной в Финском заливе, возвращаясь из Кронштадта в Ораниенбаум.

...Узнав, что мой муж болен, Вадим Сергеевич был особенно добр ко мне. Однажды навестила его по просьбе Виктора Викторовича, и он прочитал своё стихотворение «Больничная шутка». Услышанные строчки я сразу же записала и получила автограф автора²⁷². Быть может, в утешение... Как-то потом не доводилось видеть в сборниках Шефнера эти строки:

Медсестричка, будь любезней,
Будь добрей, чем все врачи.
Ты меня не от болезни,
А от жизни излечи.

Жизнь опасная привычка,
Отрешившись от неё,
Я влечу беспечной птичкой
В райское небытие...

...Прогуливаясь вечерами по нашей улице, Вадим Сергеевич неизменно вёл под руку жену Екатерину Павловну. Конецкий говорил удивлённо: «Он её даже на писательские съезды с собой берёт!».

Шефнеры прожили вместе более пятидесяти лет. Как-то спросила Вадима Сергеевича: «Что было в вашей жизни главным?» Думала, литература. Вадим Сергеевич ответил: «Я встретил Катю...»

«Все явления, и люди, и вещи, // Оставляют незыблемый след...» Эти слова Шефнера выбиты на памятнике Вадиму Сер-

книг «Сестра печали», «Лачуга должника», «Сказки для умных», «Бархатный путь», «Листопад воспоминаний» и мн. др.

²⁷² Январь 1997 г.

геевичу и его жене Екатерине Павловне Григорьевой на Кузьмовском кладбище.

IV

В последние годы многое изменилось в нашем Писательском доме и вокруг него – от абриса сквера до номера нашего корпуса: пристройка к дому № 36 присоединена к главному корпусу Писательского дома № 34.

По нашей улице давно уже не ходят трамваи. Все наши тополя вырубил (лишь на Лахтинской, напротив Института Турнера, они сохранились), но пышно цветёт по весне и в начале лета посаженная в сквере сирень, а рядом – старый жасмин и живучий шиповник. Когда был жив Виктор Викторович, я, если не находила сирень на рынке, накануне дня рождения мужа шла ночью обрывать её где-нибудь поблизости от нашего дома и чувства вины при этом не испытывала²⁷³: Конецкий сирень обожал, и его мало что так радовало, как эти ветки... Теперь запах сирени доносится аж до нашего шестого этажа, а вид разноцветных кустов ещё краше с высоты нашего балкона.

Наше кафе «У камина» не выдержало конкуренции, а закрытая ранее «Снежинка» неожиданно возобновила работу, только теперь её посетители не писатели...

За нашим домом, на Лахтинской улице, построили красивую церковь святой Блаженной Ксении Петербургской. На неё с фасада доходного дома архитектора Александра Лишневского вновь выразительно смотрит с горельефа Мефистофель²⁷⁴. В 2015 году он был сбит каким-то пришлым человеком. Восстановленный на фасаде доме № 24, он отнюдь не мешает многочисленным прихожанам церкви обращаться с молитвами к святой Блаженной Ксении.

Ксения Петрова, ставшая святой, жила в доме, который располагался на углу Большого проспекта и Лахтинской улицы. И впервые я услышала об этом от Конецкого. Однажды, возвращаясь домой, мы свернули с Большого на Лахтинскую и Виктор Викторович, указав на здание общественного туалета, сказал:

²⁷³ Согласно закону «О зелёных насаждениях в Санкт-Петербурге» от 28 июня 2010 г. срывать сирень запрещено, обламывание веток сильно вредит кустарнику: сирень может перестать цвести или вовсе погибнуть.

²⁷⁴ Образ духа зла с широко раскинутыми крыльями, по одной из версий, был срисован с Фёдора Шаляпина, исполнявшего роль Мефистофеля в опере Ш. Гуно «Фауст».

«Здесь стоял дом Ксении. Эти [...] специально изгадили место, чтобы стереть память о ней...»²⁷⁵.

И двухэтажный дом XVIII века, что стоял прямо за нашим Писательским домом, снесли: там некогда располагался детский приют, которому помогала Ксеньюшка, а при нас – Госстрах. Теперь на месте этого снесённого дома стоит жилой, премиум-класса, как говорят, построенный для артистов Мюзик-холла.

...Ушли дорогие мне люди. И это абсолютно непоправимо.

Больше не увижу профессора Б. И. Бурсова, и он не зайдёт к нам поговорить о Пушкине и Толстом... И Анна Генриховна Каминская, названная Ахматовой внучкой, не заглянет с рассказом о любимой Акуме... И Виктор Викторович не помашет мне с балкона рукой...

Только с подругой Ларисой могу вспомнить всех, кого мы знали и любили, и поделиться мечтой: убрать из нашего сквера «многоэтажную» клумбу, и на её месте поставить памятник Книге, символу русской культуры, которой служили жители нашего Дома – каждый по-своему, как умели, как смогли.

...И в гулких стенах половиц
Прощальный скрип,
Как хруст страниц
Иссохших лет, отжитых дней...
Я снова в комнате моей...²⁷⁶

²⁷⁵ Теперь на том месте здание галереи бутиков «Априори».

²⁷⁶ Стихи А. А. Чепурова.

ГЛАВА 3
НА ШЕСТОМ ЭТАЖЕ НАШЕГО ДОМА
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ